ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XXIV.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

СТАРИННЫЯ ОКТАВЫ.

(Octaves du passé.)

Пѣснь первая.

I.

Хотѣлъ бы я начать безъ предисловья,
Но критики на полѣ брани ждутъ,
Какъ вороны, добычи для злословья,
Слетаются на каждый новый трудъ
И каркаютъ. Пошли имъ Богъ здоровья.
Я ихъ люблю, хотя въ ихъ толкъ и судъ
Не вѣрю: все имъ только брани поводъ...
Пусть вьется надъ Пегасомъ жадный оводъ.

II.

Оболъ—Харону: сразу дань плачу
Врагамъ моимъ.—Въ отвагѣ безразсудной
Писать романъ октавами хочу.
Отъ стройности, отъ музыки ихъ чудной
Я безъ ума; поэму заключу
Въ стѣсненныя границы мѣры трудной.
Попробуемъ,—хоть вольный нашъ языкъ
Къ тройнымъ цѣпямъ октавы не привыкъ.

III.

Чѣмъ цѣль труднѣй—тѣмъ больше намъ отрады:
Коль женщина сама желаетъ пасть,
Побѣдѣ слишкомъ легкой мы не рады.

Зато надъ сердцемъ непокорнымъ власть,
Сопротивленье, холодъ и преграды
Рождаютъ въ насъ мучительную страсть:
Такъ не для всѣхъ доступна, величава,
Подобно гордой женщинѣ,—октава.

IV.

Ужъ я давно мечталъ о ней: рѣзецъ
Ваятеля плѣняетъ мраморъ твердый.
Поборемся же съ риѳмой, наконецъ,
Чтобъ побѣдить языкъ простой и гордый.
Твою печаль баюкаютъ, пѣвецъ,
Тройныхъ созвучій полные аккорды,
И мысль они, какъ волны въ даль несутъ,
Одна другой, звуча, передаютъ.

V.

Но чтобъ трудъ былъ легокъ и пріятенъ,
Я долженъ знать, что есть въ толпѣ людей
Душа, которой близокъ и понятенъ
Я съ Музою отвергнутой моей.
Да будетъ же союзъ нашъ благодатенъ,
Читатель мой: для двухъ иль трехъ друзей
Безхитростный дневникъ пишу, не повѣсть.
Зову на судъ я жизнь мою и совѣсть.

VI.

И не боюсь оружье дать врагу:
Не всѣ ли мы у смерти,—у преддверья
Верховнаго Суда?—я не солгу,
Въ словахъ моихъ не будетъ лицемѣрья:
Что видѣлъ я, что знаю, какъ могу,
Безъ гордости, стыда иль недовѣрья,
Тому, кто хочетъ слышать, разскажу,—
Живымъ—живое сердце обнажу.

VII.

Тревоги страстной, бурной и весенней
Я не люблю: душа моя полна
И ясностью, и тишиной осенней...
О, вѣчная, святая тишина:
Часъ отъ часу свѣтлѣй и вдохновеннѣй
Мнѣ прошлой темной жизни глубина:
Тамъ, въ сумеркахъ горитъ воспоминанье,
Какъ тихое, вечернее сіяніе.

VIII.

Отъ шума дня, отъ клеветы людской,
Отъ глупыхъ ссоръ полемики журнальной
Я уношусь къ младенчеству душой—
Туда, туда къ зарѣ первоначальной
Ужъ кроткая Богиня надо мной
Поникла вновь съ улыбкою печальной,
И я, какъ въ небо, въ очи ей смотрю,
О чистыхъ дняхъ, о дѣтствѣ говорю.

IX.

Отъ Невскаго съ его толпою чинной
Я ухожу къ Невѣ, прозрачнымъ льдомъ
Окованной: люблю гранитъ пустынный
И Лѣтній Садъ въ безмолвіи ночномъ.
Мнѣ памятенъ печальный и старинный,
Тамъ, рядомъ съ мостомъ, двухъэтажный домъ:
Во дни Петра вельможею построенъ,
Онъ—неуклюжъ, и мраченъ, и спокоенъ.

X.

Свидѣтель грустный юныхъ лѣтъ моихъ,
Вдали отъ жизни, суеты и грома
Столичнаго, попрежнему онъ тихъ.

Тамъ сердцу мелочь каждая знакома:
Узоръ обоевъ въ комнатахъ большихъ,
Подъѣздъ стеклянный, дворъ и окна дома.
Не радостный, но милый мнѣ пріютъ,
Гдѣ блѣдныя видѣнія встаютъ.

XI.

Забытыя молитвы, сказки няни,
Съ улыбкою твержу я наизусть,
Родныя лица вижу, какъ въ туманѣ...
Тамъ, въ дѣтствѣ счастья было мало,—пусть!
Какъ сумракъ, лунный, даль воспоминаній
Въ поэзію, въ плѣнительную грусть
Все обращаетъ—радость и мученье:
Въ душѣ моей—великое прощенье.

XII.

Чиновникомъ усерднымъ былъ отецъ,
Въ дѣлахъ, въ бумагахъ канцелярскихъ мѣру
Земныхъ трудовъ свершилъ и наконецъ,
Чрезъ всѣ ступени, трудную карьеру
Пройдя, упорной воли образецъ,
Былъ опытенъ, зналъ жизнь, людей и вѣру,
Ничѣмъ не сокрушимую, питалъ
Въ практическій суровый идеалъ.

XIII.

Любилъ семью,—для насъ онъ жилъ на свѣтѣ;
Былъ сердцемъ добръ, но дѣловитъ и строгъ.
Когда порой къ нему являлись дѣти,
Онъ съ ними быть какъ съ равными не могъ.
Я помню дымъ сигары въ кабинетѣ,
Прикосновенье желтыхъ бритыхъ щекъ,
Холодный поцѣлуй,—вся нѣжность наша—
Въ словахъ «bonjour» иль «bonne nuit, папаша»

XIV.

И скукою томительной царилъ
Въ семьѣ казенный духъ, порядокъ вѣчный.
Онъ все копилъ, онъ все для насъ копилъ,
Но нашихъ игръ и болтовни безпечной,
И хохота, и шума не любилъ,
Подозрѣвая въ нѣжности сердечной
Лишь баловства избытокъ иль причудъ,
Смотря на жизнь, какъ на печальный трудъ.

XV.

Не тратилось на насъ копейки лишней.
Коль дѣти мимо кабинета шли,
Какъ можно незамѣтнѣй и неслышнѣй
Старались проскользнуть; отъ всѣхъ вдали,
Хранимые лишь волею Всевышней,
Мы въ кучѣ десять человѣкъ росли,
Покинутые нѣмкѣ и природѣ,
Какъ овощи въ забытомъ огородѣ.

XVI.

Володя, Саша, Надя... безъ конца,—
И въ этомъ мертвомъ домѣ мы другъ друга
Любили мало; чтобъ звонкомъ отца
Не потревожить, такъ же какъ прислуга,
Мы приходили съ чернаго крыльца.
А между тѣмъ, не вѣдая досуга,
Здоровья не щадя, отецъ служилъ
И все копилъ, онъ все для насъ копилъ.

XVII.

Подъ бременемъ запасовъ гнулись полки
Въ березовыхъ шкапахъ—мѣха, фарфоръ,
Бѣлье, игрушки, лакомства для елки.

Зайдешь, бывало, въ пыльный коридоръ,
Во внутренность шкаповъ глядишь сквозь щелки
И то, чего не видишь, манитъ взоръ,
И чувствуешь въ восторгѣ молчаливомъ,
То миндалемъ пахнетъ, то черносливомъ.

XVIII.

Я съ ключницей всегда ходить былъ радъ
Въ таинственный подвалъ, гдѣ кладовая.
Здѣсь тоже длинные шкапы стоятъ;
На мрачныхъ сводахъ—плѣсень вѣковая,
Мѣшковъ съ картофелемъ и банокъ рядъ...
Трещитъ тихонько свѣчка, догорая,
И мышь изъ-подъ огромнаго куля
На насъ глядитъ, усами шевеля.

XIX.

И только разъ въ году, на именинахъ,
Вся роскошь вдругъ являлась на столѣ.
Сидѣли дамы въ пышныхъ кринолинахъ
И старички—рядъ лицъ, какъ въ полумглѣ
На старомодныхъ, выцвѣтшихъ картинахъ...
И въ мараскинномъ трепетномъ желе
Свѣча, пріятнымъ пламенемъ краснѣя,
Мерцала—тонкихъ поваровъ затѣя.

XX.

Но важный видъ гостей пугалъ маня...
Холодныхъ блюдъ—остатковъ именинной
Трапезы намъ хватало на три дня.
Все приходило вновь въ порядокъ чинный:
Сестра сидѣла, скучный видъ храня,
Съ учительницей музыки въ гостиной,—
Навстрѣчу раннимъ пасмурнымъ лучамъ
Былъ слышенъ звукъ однообразныхъ гаммъ.

XXI.

Унылый знакъ привычекъ экономныхъ,—
Торжественная мебель—вся въ чехлахъ.
Но чудилась мнѣ тайна въ нишахъ темныхъ.
Въ двухъ гипсовыхъ амурахъ, въ зеркалахъ,
Въ чуланахъ низкихъ, въ комнатахъ огромныхъ,—
Все навѣвало непонятный страхъ;
И скучную казенную квартиру
Уподоблялъ я сказочному міру.

XXII.

Мнѣ житія угодниковъ святыхъ
Разсказывала няня, какъ съ бѣсами
Они боролись въ пустыняхъ глухихъ.
Почтенная старушка въ бѣдномъ хламѣ
Межъ душегрѣекъ въ сундукахъ своихъ
Хранила четки, ладанку съ мощами
И крестика аѳонскаго янтарь.
Я узналъ, какъ люди жили встарь;

XXIII.

Какъ нѣкое заклятіе трикраты
Монахъ надъ чернымъ камнемъ произнесъ
И въ воздухѣ разсыпался проклятый,
Подобно стаѣ вороновъ, утесъ:
Я слушалъ няню, трепетомъ объятый
И любопытствомъ, полный чудныхъ грезъ,
Отъ ужаса я О т ч е н а ш ъ въ кроваткѣ
Твердилъ всю ночь въ мерцаніи лампадки.

XXIV.

Позналъ я нѣгу безотчетныхъ грезъ,
Позналъ я грусть,—чуть вышелъ изъ пеленокъ.
Рождало все мучительный вопросъ

Въ душѣ моей; запуганный ребенокъ,
Всегда одинъ, въ холодномъ домѣ росъ
Я безъ любви, угрюмый, какъ волчонокъ,
Боясь лица и голоса людей,
Дичился братьевъ, бѣгалъ отъ гостей.

XXV.

И ждалъ чудесъ въ тревогѣ непрестанной:
Порой не могъ заснуть и весь дрожалъ,
Все кто-то длинный, длинный и туманный,
Чернѣе мрака въ комнатѣ стоялъ...
Мнѣ ужасъ вѣялъ въ душу несказанный,
И громко звалъ я няню и кричалъ,
И старшіе, вокругъ моей постели,
То на меня сердились, то жалѣли.

XXVI.

И лакомствъ мнѣ давала мать, отецъ
Шутилъ; его насмѣшливыя рѣчи
Я слушалъ молча, блѣдный, какъ мертвецъ,
И приносили въ спальню лампы, свѣчи:
—«Вонъ тамъ, въ углу... смотрите!..» — Наконецъ
Онъ исчезалъ; но жду я новой встрѣчи
Съ Невѣдомымъ и знаю, что опять
Его предъ смертью долженъ увидать.

XXVII.

Съ тѣхъ поръ донынѣ въ буряхъ и въ покоѣ,
Бѣгу ли я въ толпу или подъ сѣнь
Дубравъ пустынныхъ,—чую роковое
Всегда, вездѣ,—и въ самый свѣтлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствуетъ въ душѣ моей, какъ тѣнь,
Какъ ужаса непобѣдимый трепетъ,
Какъ вѣщей Парки неотвязный лепетъ.

XXVIII.

Но на прогулку съ нянею спѣша, .
Въ знакомой лавкѣ у Цѣпного моста
Я покупалъ себѣ на два гроша
Коврижки бѣлой, твердой, какъ береста,
И утреннею свѣжестью дыша,
Опять на міръ смотрѣлъ легко и просто
И для меня былъ счастія вѣнецъ
Малиновый прозрачный ледянецъ.

XXIX.

Въ суровомъ домѣ, мрачномъ, какъ могила,
Во мнѣ лишь ты, родимая, спасла
Живую душу, и святая сила
Твоей любви отъ холода и зла,
Отъ гибели ребенка защитила;
Ты ангеломъ хранителемъ была,
Многострадальной нѣжностью твоею
Мнѣ все дано, что въ жизни я имѣю.

XXX.

Отецъ сердился, вреднымъ баловствомъ
Считалъ любовь; бывало, ты украдкой
Меня спѣшила осѣнить крестомъ,
Склонясь въ лампадномъ свѣтѣ надъ кроваткой,
И засыпалъ я безмятежнымъ сномъ
При шопотѣ твоей молитвы сладкой,
Но чувствовалъ сквозь поцѣлуй любви
Я жалобы безмолвныя твои.

XXXI.

Однажды денегъ взявъ Богъ вѣсть откуда,
Она тайкомъ осмѣлилась купить
Игрушку мнѣ, чудеснаго верблюда;

Отецъ увидѣлъ, сталъ ее бранить.
Внутри была бисквитовъ сладкихъ груда;
И жадности не могъ я побѣдить,—
За мать страдая молча,—какъ убитый,—
Я съ горькими слезами ѣлъ бисквиты.

XXXII.

Когда на службѣ былъ отецъ съ утра,
Мать въ кабинетъ за столъ меня пускала,
Я помню дѣлъ казенныхъ нумера,
Сургучъ, портретъ старинный генерала,
Изъ хризолита ручку для пера,
Изъ камня цвѣта млечнаго опала
Коробочку для марокъ, ножъ, бюваръ,
Карандаши и ящикъ для сигаръ:

XXXIII.

Предметы жадныхъ, робкихъ наслажденій!..
Но какъ-то разъ я рукавомъ свалилъ
Чернильницу съ головкою оленьей:
Ни живъ, ни мертвъ, смотрю, какъ потопилъ
(Что мнѣ казалось верхомъ преступленій)
Зеленое сукно потокъ чернилъ.
Вдругъ—голоса, шаги отца въ передней;
Вотъ, думаю, пришелъ мой часъ послѣдній.

XXXIV.

Я убѣжалъ, чтобъ грознаго лица
Не увидать: и начались упреки,
Неумолимый гнѣвный крикъ отца!
На трату денегъ вѣчные намеки,
И оправданья мамы безъ конца.
Я понималъ, что грубы и жестоки
Его слова, и слышалъ я мольбы,
Усилія безпомощной борьбы...

XXXV.

Въ нихъ—долгихъ лѣтъ покорная усталость—
Хотя бы могъ я розогъ ожидать,—
Лишь простоялъ въ углу за эту шалость:
Спасла меня заступничествомъ мать.
Я чувствовалъ мучительную жалость,
Семейныхъ драмъ не въ силахъ угадать,—
За маму, тихій и покорный съ виду,
Я затаилъ въ душѣ моей обиду.

XXXVI.

И съ нею вмѣстѣ я жалѣлъ себя:
Подъ одѣяломъ спрятавшись въ кроваткѣ,
Молился я, родная, за тебя,
Твой поцѣлуй въ бреду и лихорадкѣ,
Твое дыханье чувствовалъ, любя:
Такъ жгучія тѣ слезы были сладки,
Что, все прощая, думалъ объ отцѣ
Я съ радостной улыбкой на лицѣ.

XXXVII.

Онъ не чины, не ордена, не ленты
Наградою трудовъ своихъ считалъ:
Въ невидимо растущіе проценты,
Въ незыблемый и вѣчный капиталъ,
Въ святыню денежныхъ бумагъ и ренты,
Какъ въ добродѣтель, вѣру онъ питалъ,
Хотя и не былъ скупъ, но слишкомъ долго
Для денегъ портилъ жизнь изъ чувства долга.

XXXVIII.

Чиновникъ съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ,
Житейскій умъ, суровый и негибкій,
Не думая о счастьѣ, молча несъ

Онъ бремя скучной жизни безъ улыбки,
Безъ малодушья, ропота, и слезъ,
Не вѣдая ни страсти, ни ошибки.
И добродѣтельная жизнь была—
Какъ въ сѣрыхъ мутныхъ окнахъ—дождь и мгла.

XXXIX.

Кругомъ въ семьѣ царила безмятежность:
Дѣтей обилье—Божья благодать,—
Приличная супружеская нѣжность.
За насъ отецъ готовъ былъ жизнь отдать...
Но вѣчныхъ мукъ предвидя неизбѣжность,
Уже давно имъ покорилась мать:
Въ хозяйствѣ, въ кухнѣ, въ дѣтской мелочами
Ее онъ мучилъ цѣлыми годами.

XL.

Безъ горечи не проходило дня.
Но съ мужествомъ отчаянья, ревниво,
Послѣдній въ жизни уголокъ храня,
То хитростью, то лаской боязливой,
Она съ отцомъ боролась за меня.
Онъ уступалъ съ враждою молчаливой,
Но дружба наша крѣпла, и вдвоемъ
Мы жили въ тихомъ уголкѣ своемъ.

XLI.

Съ нимъ долгій путь она прошла не даромъ:
Я помню мамы вѣчную мигрень,
Въ лицѣ уже больномъ, хотя не старомъ,
Унылую! страдальческую тѣнь...
Я цѣловалъ ей руки съ дѣтскимъ жаромъ,—
Духи я помню,—бѣлую сирень...
И пальцы были тонкимъ цвѣтомъ кожи
На руки дѣвственныхъ Мадоннъ похожи...

XLII.

О, только бы опять увидѣть васъ
И послѣ долгихъ, долгихъ дней разлуки
Поцѣловать еще единый разъ,
Давно въ могилѣ сложенныя руки!
Когда придетъ и мой послѣдній часъ,—
Ужели тамъ, гдѣ нѣтъ ни зла, ни муки,—
Ужель напрасно я горюя жду,—
Что къ вамъ опять устами припаду?

XLIII.

Отецъ по службѣ ѣздилъ за границу.
На попеченье старой нѣмки домъ
Съ дѣтьми покинувъ; и старушка въ Ниццу
Писала аккуратно обо всемъ.
Порой отъ мамы нѣжную страницу
Съ отцовскимъ краткимъ дѣловымъ письмомъ
И съ ящикомъ конфетъ мы получали,
И забывалъ я о моей печали.

XLIV.

Бывало, съ горстью лакомыхъ конфетъ,
Съ растрепаннымъ Арабскихъ сказокъ томомъ
Садился я туда, гдѣ ярче свѣтъ
Знакомой лампы на столѣ знакомомъ,
И большаго, казалось, счастья нѣтъ,
Чѣмъ шоколадъ съ благоуханнымъ ромомъ.
Былъ сумерекъ уютный тихій часъ;
Въ стеклѣ шумѣлъ голубоватый газъ.

XLV.

Я до сихъ поръ люблю, Шехеразада,
Твоихъ султановъ, евнуховъ и женъ,
Скитаньями волшебными Синдбада

И лампой Алладиновой плѣненъ.—
Порой—увы!—среди чудесъ Багдада
Я, лакомствомъ и книгой увлеченъ,
Мать забывалъ, какъ забываютъ дѣти,—
Какъ будто не было ея на свѣтѣ,

XLVI.

И только въ горѣ вспоминалъ опять.—
Изъ Ревеля почтенная старушка
Умѣла такъ хозяйствомъ управлять,
Чтобъ лишняя не тратилась полушка:
Случится ль дѣтямъ что-нибудь сломать,
Въ буфетѣ ль чая пропадетъ осьмушка,—
Она весь домъ бранила безъ конца,
Предвидя строгій выговоръ отца.

XLVII.

Я помню туфли, темные капоты,
Сѣдыя букли, круглыя очки,
Чепецъ, морщины, полныя заботы,
И ночью трепетъ старческой руки,
Когда она записывала счеты
И все твердила: «Рубль за башмаки...
Картофель десять, масло три копейки»...
И цифру къ цифрѣ ставила въ линейки.

XLVIII.

Старушки тѣнь я видѣлъ на стѣнѣ
Огромную, поднять не смѣя взгляда:
И магіей порой казались мнѣ
Всѣ эти банки, шпильки и помада,
Щипцы на свѣчкѣ въ трепетномъ огнѣ,—
Отъ нихъ знакомый ѣдкій запахъ чада:
Она сѣдую жиденькую прядь
Привыкла на ночь въ букли завивать.

XLIX.

До старости была она кокеткой:
И сморщившись давно, и пожелтѣвъ,—
Хотя у насъ бывали гости рѣдко,—
Съ лукавствомъ трогательныхъ старыхъ дѣвъ
Шиньонъ свой древній, съ новой черной сѣткой,
На голову дрожащую надѣвъ,
Еще пришпилитъ красненькую ленту,
И какъ бѣдняжка рада комплименту!

L.

Душа моя печальна и свѣтла,
И жалко мнѣ моей старушки дряхлой.
Священна жизнь, хотя бы то была
Невидимая жизнь былинки чахлой.
Мы любимъ, славя громкія дѣла,
Чтобъ отъ людей великихъ кровью пахло,—
Но подвигъ есть и въ сѣрыхъ скучныхъ дняхъ,
Въ невидимыхъ презрѣнныхъ мелочахъ.

LI.

Старушки взглядъ всегда былъ живъ и зорокъ:
Къ намъ дѣвушкой молоденькой вошла
И посѣдѣла, сгорбилась, лѣтъ сорокъ
Съ дѣтьми возилась, жизнь имъ отдала.
Ей каждый грошъ чужой былъ святъ и дорогъ...
Амаліи Христьяновнѣ—хвала:
Она свершила подвигъ безъ награды.
Какъ мало въ жизни было ей отрады.

LII

Какъ много скуки, горестныхъ минутъ,
Людскихъ обидъ, и холода, и злости!
И вотъ она забыта, и гніютъ

Въ невѣдомой могилѣ на погостѣ,
Найдя послѣдній отдыхъ и пріютъ,
Измученныя старческія кости...
Какъ по землѣ—тѣней людскихъ тьмы темъ,—
И ты прошла,—Богъ вѣсть куда, зачѣмъ...

LIII.

Увы, что значитъ эта жизнь? Надъ нею,
Какъ надъ загадкой темною, стою,
Мучительнѣй, чѣмъ надъ судьбой твоею,
Герой безсмертный,—душу предаю
Вопросамъ горькимъ, отвѣчать не смѣю...
Невѣдомыхъ героевъ я пою.
Простыхъ людей, о, Муза, помоги мнѣ
Возславить міру въ сладкозвучномъ гимнѣ.

LIV.

Да будутъ же стихи мои полны
Гармоніей спокойной и унылой.
Ничтожество могильной тишины
Мгновенный шумъ великихъ дѣлъ покрыло:
Послѣдній будетъ первымъ,—всѣ равны.
Какъ то поютъ, что въ древнемъ Римѣ было—
Въ торжественныхъ октавахъ я пою
Амалію Христьяновну мою.

LV.

Старушка Эмма у нея гостила
Въ очкахъ и тоже въ буклях, какъ сестра.—
Я помню всѣхъ, кого взяла могила,
Какъ будто видѣлъ лица ихъ вчера.—
Амалія Христьяновна любила,
Съ ней наслаждаясь кофеемъ съ утра
И ревельскими кильками въ жестянкахъ,—
Посплетничать о кухнѣ и служанкахъ.

LVI.

Былъ мужъ ея предобрый старичокъ
Въ ермолкѣ, съ трубкой; кофту, вмѣсто шубы,
Онъ надѣвалъ и длинный сюртучокъ,
Съ улыбкой дѣтской морщилъ ротъ беззубый.
Пусть мелочи ненужныхъ этихъ строкъ
Осудитъ вѣкъ нашъ дѣловой и грубый,—
Но я люблю на прозѣ давнихъ лѣтъ
Поэзіи вечерній полусвѣтъ...

LVII.

На островахъ мы лѣто проводили:
Вокругъ дворца я помню древній садъ,
Куда гулять мы съ нянею ходили,—
Оранжереи, клумбы и фасадъ
Двухъ флигелей въ казенномъ важномъ стилѣ,
Дорическихъ колоннъ высокій рядъ,
Террасу, дворъ и палисадникъ тощій,
И жидкія елагинскія рощи.

LVIII.

Тамъ дѣтскую почувствовалъ любовь
Я къ нашей бѣдной сѣверной природѣ,
Я съ прошлогодней ласточкою вновь
Здоровался и бѣгалъ на свободѣ,
И съ радостнымъ волненіемъ морковь
И огурцы сажалъ на огородѣ,
Ходилъ съ тяжелой лейкою на прудъ:
Блаженствомъ новымъ мнѣ казался трудъ.

LIX.

Въ двухъ грядкахъ всѣ работы земледѣлья
Я находилъ, про цѣлый міръ забывъ...
О, гдѣ же ты, безумнаго веселья

Давно уже невѣдомый порывъ,
И суета, и хохотъ новоселья.
«Milch trinken, Kinder!» форточку открывъ,
За шалость дѣтямъ погрозивъ сначала,
Амалія Христьяновна кричала.

LX.

И ласточекъ, летѣвшихъ черезъ дворъ,
Былъ вешній крикъ пронзителенъ и молодъ...
Я помню первый чай на дачѣ, соръ
Раскупоренныхъ ящиковъ и холодъ
Сквозного вѣтра, длинный коридоръ
И послѣ игръ счастливый, дѣтскій голодъ
И теплый хлѣбъ съ холоднымъ молокомъ
Въ зеленыхъ чашкахъ съ тонкимъ ободкомъ.

LXI.

Позолоченнымъ: ихъ любили дѣти,—
Особенная прелесть въ нихъ была.
Въ сосновомъ, пахнущемъ смолой, буфетѣ
Стоялъ сервизъ для дачнаго стола.
Съ тѣхъ поръ забылъ я многое на свѣтѣ—
Любовь, обиды, важныя дѣла,
Но, кажется, до смерти помнить буду
Ту милую зеленую посуду.

LXII.

И связанъ съ ней былъ чудный лѣтній сонъ;
Всегда одинъ и тотъ же, мимолетнѣй,
Чѣмъ облачныя тѣни, озаренъ
Таинственнымъ лучомъ,—и беззаботнѣй
Я ничего не знаю: дальній звонъ,
Какъ будто тихій благовѣстъ субботній...
Большая комната,—гдѣ солнца нѣтъ,
Но внутренній, прозрачно-мягкій свѣтъ...

LXIII.

Гляжу на свѣтъ, не удивляясь чуду,
И не могу насытить жадный взоръ...
На длинныхъ полкахъ вижу я посуду,—
Пронизанный сіяніемъ фарфоръ,
И золотой, и разноцвѣтный, всюду—
На чашкахъ бѣлыхъ, тоненькихъ—узоръ...
Я—какъ въ раю,—такая въ сердцѣ сладость
И чистота, и неземная радость

LXIV.

Той радостью душа еще полна,
Когда проснусь, бывало: я безпеченъ
И тихъ весь день подъ обаяньемъ сна.
Хотя для сердца памятенъ и вѣченъ.
Какъ молодость, какъ первая весна,—
О, милый сонъ, ты былъ недолговѣченъ
И въ темные порочные года
Уже не повторялся никогда.

LXV.

Я полюбилъ Эмара, Жюля Верна,
И Робинзонъ въ тѣ дни былъ мой кумиръ.
Я темными колодцами—безмѣрна
Ихъ глубина—сходилъ въ подземный міръ,
И быстрота была неимовѣрна,
Когда помчался въ бомбѣ чрезъ эѳиръ
Я на луну; мечтой любимой стали
Мнѣ корабли подводные изъ стали.

LXVI.

Я находилъ въ Елагинскихъ поляхъ
Пустынные и дикіе Пампасы;
Блуждалъ—въ пріютѣ воробьевъ—въ кустахъ

Черемухи, какъ Немо, Гаттерасы
Иль Робинзоны въ дѣвственныхъ лѣсахъ.
Я ждалъ порой межъ тощихъ пальмъ террасы
Среди безумныхъ и блаженныхъ игръ.
Что промелькнетъ гиппопотамъ иль тигръ.

LXVII.

Я не забуду въ темномъ переплетѣ
Разорванныхъ библіотечныхъ книгъ.
Фантазія въ младенческомъ полетѣ
Не вѣдала покоя ни на мигъ:
Я жилъ въ волненьи вѣчномъ и заботѣ,—
Мнѣ въ каждой ямѣ чудился тайникъ
И ходъ подземный въ глубинѣ сарая.
Какъ я мечталъ, дрожа и замирая;

LXVIII.

Какъ жаждалъ я открытья новыхъ странъ!
Готовъ принять былъ дачниковъ семейныхъ
За краснокожихъ, прудъ—за океанъ,
И часто, полный грезъ благоговѣйныхъ,
Заглядывалъ въ таинственный чуланъ
Съ осколками горшковъ оранжерейныхъ,
И на чердакъ зайдя иль сѣновалъ
Америку, казалось, открывалъ.

LXIX.

Я съ братьями ходить любилъ по крышѣ,
Чтобъ сапогами не гремѣть,—въ чулкахъ.
Я въ ужасѣ просилъ ихъ: «тише, тише,—
Амалія Христьяновна!..» Въ ушахъ
Былъ вѣтра свистъ и мнѣ хотѣлось выше.
У спутниковъ на лицахъ видѣлъ страхъ,—
Но самъ душою, страху недоступной,
Я наслаждался волею преступной.

LXX.

За погребомъ былъ гладкій, какъ стекло,
И сонный прудъ, на немъ плескались утки;
Плакучей ивы старое дупло,
Гдѣ свѣсились корнями незабудки,
Потопленное, мохомъ обросло;
Играютъ въ тинѣ желтыя малютки—
Семья утятъ, и чертитъ легкій кругъ
По влагѣ быстрый водяной паукъ.

LXXI.

Я съ книгой такъ садился межъ вѣтвями,
Чтобъ за спиной конюшни были, домъ
И клумбы мнѣ противныя съ цвѣтами,
И видя только чащу ивъ кругомъ
И дремлющую воду подъ ногами,
Воображалъ себя въ лѣсу глухомъ;
Такъ страстно мнѣ хотѣлось, чтобы дикимъ
Былъ Божій міръ, пустыннымъ и великимъ.

LXXII.

И каждой смѣлой вѣткой дорожа,
Я возмущался, что по глупой модѣ
Акаціи стригутъ, или, служа
Казенному обычаю въ природѣ,—
Метутъ въ лѣсу тропинки сторожа.
Стремясь туда, гдѣ нѣтъ людей, къ свободѣ—
Прибивъ доску межъ двухъ вѣтвей къ соснѣ,
Я гнѣздышко устроилъ въ вышинѣ,

LXXIII.

И каждый день взлѣзалъ къ нему, какъ бѣлка.
За длинною просѣкою вдали
Виднѣлася Елагинская Стрѣлка,

На блѣдномъ тихомъ взморьѣ корабли;
Нева желтѣла тамъ, гдѣ было мелко...
Какъ по дорожкамъ дачники ползли,
Я наблюдалъ съ презрѣньемъ, гордъ и веселъ,
И голый сукъ казался мягче креселъ...

LXXIV.

Идетъ лакей придворный по пятамъ
Сѣдой и чинной фрейлины-старушки...
Здѣсь модные духи пріѣзжихъ дамъ—
И запахъ первыхъ листьевъ на опушкѣ,
И разговоръ французскій—пополамъ
Съ таинственнымъ пророчествомъ кукушки,
И смѣшанное съ дымомъ папиросъ
Вечернее дыханье блѣдныхъ розъ...

LXXV.

Въ оранжереи, къ плотничьей артели
Я уходилъ: тамъ острая пила
Визжала, стружки бѣлыя летѣли,
И съ дерева янтарная смола,
Какъ будто кровь изъ раны въ нѣжномъ тѣлѣ,
Сіяющими каплями текла;
Мнѣ нравился ихъ ярославскій говоръ,
Когда шутилъ съ работниками поваръ,

LXXVI.

Спѣша на ледникъ съ блюдомъ черезъ дворъ;
И бралъ отъ нихъ рукою неискусной
Я долото, рубанокъ иль топоръ,
Изъ котелка любилъ я запахъ вкусный,
И щи, и ложекъ липовыхъ узоръ;
При звукахъ пѣсни ихъ живой и грустной
Кого-то вдругъ мнѣ становилось жаль:
Я сердцемъ чуялъ русскую печаль...

LXXVII.

Мы подъ дворцомъ Елагинскимъ въ подвалѣ
Однажды дверь открытую нашли:
Мышей летучихъ тѣни ужасали,
Когда мы въ темный коридоръ вошли;
Казалось намъ, что лабиринтъ едва ли
Ведетъ не къ сердцу матери-земли,
Затрепетавъ, упалъ отъ спички сѣрной
На плѣсень влажныхъ сводовъ лучъ невѣрный.

LXXVIII.

Не долетаетъ шумъ дневной сюда;
Столѣтнимъ мохомъ кирпичи покрыты,
Сочится съ низкихъ потолковъ вода;
Сквозь щель, сіяньемъ голубымъ облиты,
Роняя на полъ слезы иногда,
Неровные бѣлѣютъ сталактиты
Въ могильномъ снѣ... Какъ солнцу я былъ радъ,
Изъ глубины подземной выйдя ва садъ.

LXXIX.

Вдыхая запахъ влажный и тяжелый
Медовыхъ травъ, черезъ гнилой заборъ
Перескочивъ, отважный и веселый,
Въ кустахъ малины крадусь я, какъ воръ,
Надъ парникомъ съ жужжаньемъ вьются пчелы,
И какъ рубинъ, виситъ, чаруя взоръ,
Подъ свѣжими пахучими листами
Смородина прозрачными кистями.

LXXX.

Съ младенчества людей плѣняетъ грѣхъ:
Васъ жадностью незрѣлый ѣмъ крыжовникъ,
Затѣмъ, что плодъ запретный слаще всѣхъ

Плодовъ земныхъ; царапаетъ шиповникъ
Лицо мое, и, возбуждая смѣхъ,
Напрасно пугало твое, садовникъ,
Какъ символъ добродѣтели, стоитъ,
Храня торжественный и глупый видъ.

LXXXI.

Елагинъ пустъ,—вдали умолкъ коляски
Послѣдній гулъ, и бѣлой ночи свѣтъ
Тамъ, надъ заливомъ, полонъ тихой ласки,
Какъ неземной, таинственный привѣтъ,—
Все мягкія болѣзненныя краски...
Далекой тони черной силуэтъ,
Кой-гдѣ межъ дачъ овесъ и тощій клеверъ...
Тебя я помню, бѣдный, милый Сѣверъ!

LXXXII.

Когда сквозь дымъ полуденныхъ лучей
Съ утесовъ Капри вижу даль морскую,
О сумракѣ березовыхъ аллей
Я съ нѣжностью задумчивой тоскую:
Люблю унынье сѣверныхъ полей
И блѣдную природу городскую,
И сосенъ тѣнь, и съ милой кашкой лугъ,
Люблю тебя, Елагинъ, старый другъ.

LXXXIII.

Но скоро дни заботъ пришли на смѣну
Веселымъ днямъ, и въ мрачный старый домъ
Вернулся вновь я къ духотѣ и плѣну.
И въ комнатѣ передъ моимъ окномъ
Неумолимую глухую стѣну
Донынѣ помню: видъ ея знакомъ
До самыхъ мелкихъ трещинокъ и пятенъ,
Казенный желтый цвѣтъ былъ непріятенъ.

LXXXIV.

Разносчицы вдали я слышать могъ
Пѣвучій голосъ: «ягода морошка».
Небесъ едва былъ виденъ уголокъ
Надъ крышами, гдѣ пробиралась кошка
И трубочистъ: со сливками горшокъ
Кухарка ставитъ въ ящикъ за окошко;
И какъ воркуетъ пара голубей,
Я слышу въ тихой комнатѣ моей.

LXXXV.

Когда же Лѣтній Садъ увидѣлъ снова,
Я оцѣнилъ свободу лѣтнихъ дней.
Съ презрѣніемъ, не говоря ни слова,
Со злобою смотрѣлъ я на дѣтей,
Играющихъ у дѣдушки-Крылова,
И всѣмъ чужой, одинъ въ толпѣ людей
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести къ аллеѣ молчаливой.

LXXXVI.

Въ сквозной тѣни трепещущихъ березъ
На мраморную нимфу или фавна
Смотрѣлъ я, полный нелюдимыхъ грезъ;
И статуя Тиберія забавна,—
Меня смѣшилъ его отбитый носъ,
Замазкою приклеенный недавно.
Сентябрь дубы и клены позлащалъ,
Крикъ ворона ненастье предвѣщалъ...

LXXXVII.

Стучится дождь однообразно въ стекла.
Къ экзаменамъ готовлюсь я давно,
Зѣвая, годъ рожденья Ѳемистокла

Тержу уныло и смотрю въ окно:
Въ грязи шагая, охтенка промокла...
И сердце скукой мертвою полно.
Рѣшить не въ силахъ трудную задачу,
Надъ грифельной доской едва не плачу.

LXXXVIII

Но вотъ пришелъ великій грозный часъ:
Вступая въ храмъ классической науки,
Чтобы держать экзаменъ въ первый классъ,—
Я полонъ дикой робости и муки.
Смотрю въ тетрадь не подымая глазъ,
Лицо въ чернилахъ у меня и руки,
И подъ диктовку въ словѣ «осѣнять»
Не знаю, что поставить—е иль ѣ.

LXXXIX.

Я помню мѣсто на второй скамейкѣ,
Подъ картою Австраліи, для книгъ
Мой пыльный ящикъ, карандашъ, линейки,
Казенной формы узкій воротникъ,
Мучительный для дѣтской, тонкой шейки.
Спряженіе глаголовъ я постигъ
Съ большимъ трудомъ; и вотъ я—въ новомъ мірѣ,
Гдѣ божество—директоръ въ вицмундирѣ.

XC.

Отъ слезъ дрожалъ невѣрный голосокъ
Когда твердилъ я lupus... conspicavit...
In rupe pascebatur... и не могъ
Припомнить дальше; единицу ставитъ
Мнѣ золотушный нѣмецъ педагогъ.
Томительная скука сердце давитъ:
Потратили мы чуть не цѣлый годъ,
Чтобы понять отличье quid и quod;

XCI.

А говорить по-русски не умѣли.
И въ сокровенный смыслъ частицы ut
Стараясь вникнуть, съ каждымъ днемъ глупѣли.
Гимнастика ума полезный трудъ,
Направленный къ одной великой цѣли:
Намъ выправку казенную дадутъ
Для русскаго чиновничьяго строя,
Бумагъ, служебныхъ дѣлъ и геморроя.

XCII.

Такъ укрощали въ молодыхъ сердцахъ
Вольнолюбивыхъ мыслей духъ зловредный;
Теперь уже о дѣвственныхъ лѣсахъ,
О странствіяхъ далекихъ мальчикъ бѣдный
Не помышлялъ: потухла жизнь въ очахъ
Въ мундиръ затянутъ, худенькій и блѣдный,
По петербургской слякоти пѣшкомъ
Я возвращался въ нашъ холодный домъ.

XCIII.

Манить ребенка воля перестала:
Царилъ надъ нами духъ военныхъ ротъ.
Какъ въ тонкихъ стѣнкахъ твоего кристалла,
Гомункулъ, умный маленькій уродъ,
Душа безъ жизни въ дѣтяхъ жить устала...
Болѣзненный и худосочный родъ—
Къ молчанію, къ терпѣнью предназначенъ,
Чуть не съ пеленокъ дѣловитъ и мраченъ.

XCIV.

Въ тотъ часъ, какъ темной грифельной доски
И словарей коснулся лучъ послѣдній
Туманнаго заката и тоски,

Напѣвъ былъ полонъ въ комнатѣ сосѣдней
Старухи няни, штопавшей чулки,—
Далекій шумъ послышался въ передней...
Мнѣ было скучно, и на груды книгъ
Я головой усталою поникъ...

XCV.

Вдругъ голосъ мамы, шорохъ платья милый,
Его шаговъ знакомый легкій звукъ...
Я поблѣднѣлъ и алгебры постылой
Учебникъ на полъ выронилъ изъ рукъ.
Не отъ любви съ неудержимой силой
Забилось сердце,—это былъ испугъ:
Я въ классицизмѣ, въ мертвомъ книжномъ хламѣ
Такъ одичалъ, что позабылъ о мамѣ.

XCVI.

За годъ разлуки какъ угрюмый звѣрь,
Со злобою смотрѣлъ на злыя лица
Учителей; казалася теперь
Мнѣ падежей неправильныхъ таблица
Важнѣй любви... Отъ матери за дверь
Я спрятался; какъ пойманная птица,
Дрожалъ въ углу, безмолвіе храня,—
И вдругъ она увидѣла меня...

XCVII.

Но я ужъ самъ къ ней бросился въ объятья,
Про все забывъ,—сестеръ не слышалъ крикъ
И не видалъ, какъ прибѣжали братья,
Закрывъ глаза, къ ея груди приникъ,
Вдыхая тонкій, нѣжный запахъ платья...
То былъ блаженства незабвенный мигъ.
Она меня ласкала: «мальчикъ бѣдный,
Какой ты худенькій, какой ты блѣдный!»

XCVIII.

Подъ взорами возлюбленныхъ очей
Я воскресалъ отъ холода и скуки,
Отъ этихъ долгихъ безнадежныхъ дней;
Пугливый, все еще боясь разлуки,
Не вѣря счастью, прижимался къ ней:
Она глаза мнѣ цѣловала, руки
И волосы, и согрѣвала вновь
Меня, какъ солнце, вѣчная любовь.

XCIX.

И улыбаясь, плакали мы оба,
И все, въ чемъ сердце бѣдное могло
Окаменѣть—ожесточенье, злоба
И мертвенная скука—все прошло:
Такъ не боится зимняго сугроба,
Почуявъ жизни первое тепло,
Когда ручей поетъ и блещетъ звонкій,—
На трепетномъ стеблѣ подснѣжникъ тонкій.

C.

Не могъ расторгнуть нашихъ вольныхъ узъ
Духъ строгости, порядокъ жизни чинный,
И тайно крѣпъ нашъ дружескій союзъ:
Ловилъ я звукъ шаговъ ея въ гостиной;
Бывало, рода женскаго на us
Она со мной твердила списокъ длинный,
И находилъ поэзію при ней
Я въ правилахъ кубическихъ корней.

CI.

Подъ сладостной защитой и покровомъ,
Когда ласкался къ мамѣ при отцѣ,

Я видѣлъ ревность на его суровомъ
Завистливо нахмуренномъ лицѣ...
Я былъ плѣненъ улыбкой, каждымъ словомъ,
И брилліантомъ на ея кольцѣ,
И шелестомъ одежды, и духами,
И дѣвственными, юными руками.

CII.

На завтракъ бѣлый рябчика кусокъ,
Обсахаренный вкусный померанецъ,
Любимую конфету, пирожокъ
Она тихонько прятала мнѣ въ ранецъ;
Когда я въ классѣ вынималъ платокъ
Съ ея духами, вспыхивалъ румянецъ
Любви стыдливой на моихъ щекахъ,
Сіяла гордость дѣтская въ очахъ.

CIII.

Я чувствовалъ ея очарованье
Среди учебныхъ книгъ и словарей,
Какъ робкое весны благоуханье
Въ холодной мглѣ осеннихъ мрачныхъ дней,—
И по ночамъ любимыхъ устъ дыханье
Надъ дѣтскою кроваткою моей:
Такъ ласкъ ея недремлющая сила
Меня тепломъ и свѣтомъ окружила.

CIV.

Коль въ сердцѣ, полномъ горечи и зла,
Донынѣ есть поэзія живая,—
Твоя любовь во мнѣ ее зажгла.
Ты слышишь ли меня, о, тѣнь родная?
Пусть не нужна тебѣ моя хвала,

Но счастливъ я, о прошломъ вспоминая,—
И вотъ невѣдомую пѣснь мою
Тебѣ, какъ эти слезы, отдаю.

CV.

Когда стремлюсь я къ неземной отчизнѣ,
Слабѣя, грѣшный, на земномъ пути,
Я внемлю тихой нѣжной укоризнѣ.
Не отвергай меня, молю, прости,—
Какъ ты дитя свое хранила въ жизни,
Такъ предъ Судомъ Верховнымъ защити,
Отчаяньемъ и долгою разлукой
Измученное сердце убаюкай.

CVI.

Слетаешь ты, незримая, ко мнѣ,
Какъ сладкаго покоя дуновенье,
Какъ дальній звукъ въ полночной тишинѣ...
Я чувствую твое благословенье
И къ моему лицу, какъ бы во снѣ,
Твоихъ безплотныхъ рукъ прикосновенье...
О, милая, надъ бездною храня,
Любовью вѣчною спаси меня!

CVII.

У волка есть нора, у птицъ жилище!—
Лишь у тебя, служитель красоты,—
Нѣтъ на землѣ родного пепелища:
Одинъ, среди холодной пустоты,
Я собираю съ тихаго кладбища
Воспоминаній блѣдные цвѣты,
И въ душу вѣетъ запахомъ могилы
Свозь ароматъ ихъ дѣвственный и милый...

CVIII.

Давно привыкъ я будущихъ скорбей
Угадывать нелживыя примѣты;
Жизнь съ каждымъ днемъ становится мрачнѣй...
Ни славою, ни дружбой не согрѣты,
Лишь памятью невозвратимыхъ дней
Питаемся мы, жалкіе поэты,
Какъ собственною лапою медвѣдь,
Чтобъ съ голода зимой не умереть.

CIX.

Пою, свирѣль на тихій ладъ настроя:
До подвиговъ намъ съ Музой дѣла нѣтъ.
Я говорю, увидѣвъ тѣнь героя:
«Не заслоняй мнѣ солнца вѣчный свѣтъ!»
Отъ міровыхъ скорбей ищу покоя
И ухожу я въ прозу давнихъ лѣтъ,
Какъ Діогенъ—въ циническую бочку...
Но здѣсь для риѳмы я поставлю точку.—

CX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой случайный другъ,—
Студентъ ли въ кельѣ сумрачной и дымной,
Чиновникъ ли съ бумагами вокругъ,
Курсистка, баринъ ли гостепріимный,
Питомецъ ли классическихъ наукъ,—
Не требую любви твоей взаимной,—
Но мнѣ близка теперь душа твоя,
Но ты мнѣ другъ, ты человѣкъ, какъ я.

CXI.

Ты также горькимъ опытомъ наказанъ...
Минутной благосклонности твоей
Я самой чистой радостью обязанъ:

Ты дальше всѣхъ, ты ближе всѣхъ друзей,
И я съ тобой свободной дружбой связанъ.
Теперь, прощаясь съ Музою моей,
Забудь вражду, прости, читатель, скуку:
Мы—люди, мы—несчастны, дай мнѣ руку!

CXII.

Тебѣ на судъ я отдаю себя:
Одинъ ли ты иль въ многолюдномъ свѣтѣ,
Хлопочешь ли для славы, жизнь губя,
Или для денегъ,—вспомни о завѣтѣ
Того, кто, дѣтство милое любя,
Училъ насъ: «будьте просты вы, какъ дѣти».
Какъ ни былъ бы ты золъ и мудръ, и старъ,—
Подумай, жизнь—прекрасный Божій даръ;

CXIII.

Смягчись на мигъ въ борьбѣ ожесточенной,
На прошлое съ улыбкою взгляни:
Не правда ли, тамъ, солнцемъ озаренный,
Есть уголокъ родимый, есть они,
Мой братъ, какъ я, познаньемъ отягченный,
Невѣдѣнья безоблачные дни!
Отъ суеты и злобы на минуту
Вернись душою къ тихому пріюту,—

CXIV.

И пусть морщины скуки и труда
Разгладятся!.. Какъ сонъ недолговѣчный,
Тѣ дни прошли... Ты лучше былъ тогда,
Довѣрчивый, свободный и безпечный.
Ужели больше нѣтъ отъ нихъ слѣда,
Отъ этихъ думъ, отъ простоты сердечной?..
О, только бы ты пожалѣлъ о нихъ,—
И дѣла нѣтъ мнѣ до враговъ моихъ.

CXV.

Пусть хмуритъ брови Аристархъ журнальный:
Въ печальномъ сердцѣ—тихо и свѣтло;
Въѣзжаю въ гавань,—конченъ путь мой дальній...
О, другъ, утѣшься, подыми чело
Съ улыбкою спокойной и печальной,
Прощая Богу смерть и людямъ зло:
Въ сіяньи солнца есть еще отрада...
Ты улыбнулся,—вотъ моя награда!

Пѣснь вторая.

I.

Уже никто не вдѣнетъ ногу въ стремя,—
Ты одряхлѣлъ, классическій Пегасъ,
Тебѣ подсѣкло крылья злое Время:
Влачишься ты по улицамъ у насъ,
Гдѣ давитъ сердце вѣчной скуки бремя,
Гдѣ въ мутной снѣжной тьмѣ чуть брежжитъ газъ,
Гдѣ нѣтъ ни воли, ни любви, ни солнца,—
Хромою клячей бѣднаго чухонца...

II.

Отъ риѳмы я отвыкъ, и мнѣ начать
Вторую пѣснь труднѣй, чѣмъ сдвинуть гору.
Но если часъ пришелъ—нельзя молчать:
Слетающихъ видѣній внемля хору,
Ихъ голосамъ я долженъ отвѣчать;
И какъ цвѣтникъ въ полуденную пору—
Жужжаньемъ пчелъ, какъ берегъ—шумомъ волнъ,
Созвучьями не даромъ слухъ мой полнъ.

III.

Ихъ музыка подобна поцѣлую:
И риѳма съ риѳмой—нѣжная чета—
Сливаются въ гармонію живую;
Тамъ ищутъ устъ влюбленныя уста.

Я близость бога сладостнаго чую:
Когда душа уныла и пуста,—
Поэзія—отъ всѣхъ скорбей лѣкарство.
Уйдемъ же къ ней мы въ призрачное царство!

IV.

Тамъ нѣтъ ни зла людского, ни добра,
Тамъ даже смерти не страшна угроза.
Луна порой въ нѣмые вечера—
На стеклахъ блѣдные цвѣты мороза
Вдругъ оживитъ: что значитъ ихъ игра
Безцѣльная?.. Холодной жизни проза,
Гори, гори и ты въ стихѣ моемъ,
Какъ этотъ ледъ, таинственнымъ огнемъ!

V

О, юность бѣдная моя, какъ мало
Ты вольныхъ игръ и счастья мнѣ дала:
Классической премудрости начало,
Словарь латинскій, холодъ, скука, мгла...
Какъ часто я бранилъ тебя, бывало;
Но все прошло,—теперь не помню зла:
Не до конца сумѣли въ пыльной грудѣ
Нелѣпыхъ книгъ тебя испортить люди.

VI.

За сладостный, невинный жаръ въ крови,
За первыя неопытныя грезы,
За дѣтское предчувствіе любви
Среди унынья, холода и прозы,
За маленькія радости твои,
За одинокія, нѣмыя слезы,
О, молодость, за красоту твою
Тебя люблю, тебѣ я гимнъ пою!

VII.

Врата несуществующаго рая,
Ненаступившихъ радостей залогъ,
Благословлю обманъ твой умирая.
Я никогда проклясть тебя не могъ,
О, горькая, о жалкая, святая,
Тебя непобѣдимой создалъ Богъ:
Въ тебѣ есть холодъ, дѣвственная нѣга
И чистота нетронутаго снѣга...

VIII.

Однажды мы весною въ первый разъ
Открыли окна слишкомъ рано, въ мартѣ:
Пахнулъ къ намъ свѣжій воздухъ въ душный классъ;
На стѣнахъ съ пятнами чернилъ, на партѣ,
Изрѣзанной ножами въ скучный часъ
Закона Божьяго, на пестрой картѣ
Америки лучъ солнечный блестѣлъ,
Въ листахъ грамматикъ вѣтеръ шелестѣлъ.

IX.

Я думаю, Армидинъ садъ, и ты бы
Намъ болѣе счастливыхъ не далъ грезъ,
Чѣмъ грязный дворъ, гдѣ льда сѣдого глыбы
Кололи дворники; не запахъ розъ,
А москательныхъ лавокъ, мяса, рыбы—
Зефиръ весенній съ рынка намъ принесъ...
А воробьи на крышахъ стаей шумной
Чирикали отъ радости безумной.

X.

Смотрѣли жадно мы на красный домъ,
Влюбившись сразу въ барышню-сосѣдку.
Къ окну подходитъ—видно за стекломъ,—
Чтобы крупы насыпать птицѣ въ клѣтку.

Тетради, книги наши подъ столомъ:
Какъ мотылекъ, попавшій дѣтямъ въ сѣтку,
Трепещетъ сердце, и волнуетъ кровь
Мнѣ глупая и милая любовь.

XI.

Пусть наглухо опять окно закрыли:
Проснувшись вдругъ отъ мертвеннаго сна,
Сквозь мутное стекло подъ слоемъ пыли,
Глядимъ,—душа надеждою полна,
Мгновенно всю грамматику забыли,
Ты побѣдила, вѣчная весна!
Такъ молодость въ тюрьмѣ находитъ радость
И горечь жизни превращаетъ въ сладость...

XII.

Мнѣ эта улица мила съ тѣхъ поръ:
Въ галантерейной маленькой лавчонкѣ
Донынѣ все еще плѣняютъ взоръ
И тѣ же чувства будятъ, какъ въ ребенкѣ,—
Знакомыхъ ситцевъ пестренькій узоръ,
Духи, помада, зеркальца, гребенки
И волны подвѣнечной кисеи—
Соблазны юной прачки и швеи.

XIII.

Душа волненьемъ сладкимъ вновь объята,
Когда по тѣмъ мѣстамъ я прохожу;
Какъ тихій свѣтъ унылаго заката,
Я въ улицѣ безмолвной нахожу
Слѣды тѣхъ дней, которымъ нѣтъ возврата...
И самъ не знаю, чѣмъ въ нихъ дорожу;
Но жизнь кругомъ—холодная пустыня,
Лишь въ прошломъ все—отрада и святыня.

XIV.

Люблю я запахъ елки въ Рождество,
Когда она таинственно и жарко
Горитъ, и всѣ мы ждемъ Богъ вѣсть чего...
Пускай бѣду пророчитъ злая Парка,—
Я вѣрю въ елку, вѣрю въ торжество.
Попрежнему отъ Бога жду подарка.
Какъ елка, ты—въ огняхъ ночная твердь.
Ужель подарокъ Бога—только смерть?

XV.

Все мимолетно—радости и мука,
Но вѣчное проклятіе боговъ—
Не смерть, не старость, не болѣзнь, а скука,
Нѣмая скука долгихъ вечеровъ.
Скучать съ приличнымъ видомъ есть наука
Важнѣйшая для умныхъ и глупцовъ:
Подруги наши—страсть, любовь иль злоба,
А скука—вѣчная жена до гроба.

XVI.

О, темная владычица людей,
Какъ рано я узналъ твои морщины,
Недвижный взоръ твоихъ слѣпыхъ очей
Лицо мертвѣе сѣрой паутины
И тихій лепетъ злыхъ твоихъ рѣчей!..
Но оживлять унылыя картины
Не буду вновь: ужъ я сказалъ о томъ,
Чѣмъ былъ нашъ мрачный и холодный домъ.

XVII.

Все важно въ немъ и сонно, и прилично.
Отецъ любилъ дѣтей, но издали:
Онъ каждую субботу педантично,

Просматривая баллы, за нули
Нотаціи читать умѣлъ отлично.
Безъ дружбы, вѣчно ссорясь, мы росли
Всѣ вмѣстѣ, кучей, какъ въ тѣни древесной
Семья грибовъ: намъ было слишкомъ тѣсно...

XVIII.

Съ Сергѣемъ мы ходили въ тотъ же классъ.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватыхъ быстрыхъ глазъ
Лукаво щурить онъ имѣлъ привычку;
Лицо въ веснушкахъ помню, какъ сейчасъ,
Пронырливый и острый носикъ, кличку
Всему давалъ онъ мѣтко: былъ актеръ
И дипломатъ, насмѣшливъ и хитеръ.

XIX.

А неуклюжій Саша, молчаливый,
Съ лицомъ румянымъ и тупымъ, въ очкахъ.—
Какъ медвѣжонокъ, дикій и лѣнивый;
Въ монахи собирался онъ, въ дѣлахъ
Земныхъ не видя толку; горделивый
Тотъ замыселъ погибъ и сталъ монахъ—
Немало въ жизни всякихъ превращеній—
Чиновникомъ особыхъ порученій.

XX.

Благоразуменъ, важенъ, какъ старикъ,
Былъ Коля гимназистомъ идеальнымъ;
Премудрость всѣхъ учебниковъ постигъ.
Съ лицомъ худымъ безкровнымъ и печальнымъ,
Питая страсть, какъ первый ученикъ,
Къ пятеркамъ съ плюсомъ и листамъ похвальнымъ,
Смиряться онъ умѣлъ, терпѣть и ждать
И всякому начальству угождать.

XXI.

Но иногда, романтикъ добродушный,
Про все забывъ, какихъ-то вѣдьмъ и фей,
И рыцарей, и замокъ ихъ воздушный
Чертилъ перомъ въ тиши воскресныхъ дней,
Воображенью странному послушный,
Онъ на поляхъ латинскихъ словарей,
Влюбленный въ этотъ міръ необычайный:
Онъ вѣрилъ въ сны, пророчества и тайны...

XXII.

У насъ въ крови—неугасимый жарь
Мистическаго бреда; это—сходство
Семейное, опасный людямъ даръ,
Наслѣдственный недугъ иль превосходство,
Подъ пепломъ жизни тлѣющій пожаръ,—
Не вѣдаю—талантъ или уродство...
Вольнолюбивый, непокорный духъ,
Донынѣ въ насъ огонь твой не потухъ.

XXIII.

Обычный въ жизни путь ему невѣдомъ,
Противенъ будничный и тѣсный кругъ.
Былъ Костя старшій братъ мой правовѣдомъ;
Но поступилъ онъ, возмутившись вдругъ,
И полный нигилизма модным бредомъ,
На факультетъ естественныхъ наукъ:
Не слѣдуя отцовскому примѣру,
Онъ погубилъ блестящую карьеру.

XXIV.

Самонадѣянъ и уменъ, и гордъ,
Нашъ мертвый домъ чиновничій и сѣрый
Онъ презиралъ: настойчивъ, волей твердъ,

Въ добрѣ и злѣ безъ удержу, безъ мѣры,
Отъ микроскоповъ ждалъ онъ и реторть
Невѣдомыхъ чудесъ и новой вѣры.
Любила мать его; съ отцомъ всегда
Была у Кости тайная вражда.

XXV.

Мнѣ помнится подъ колбою стеклянной
Спиртовой лампочки дрожащій блескъ
И жидкости опаловой, туманной
Въ прозрачныхъ стѣнахъ легкій звонъ и плескъ,
Волшебной искры голубой и странной
На гальванической машинѣ трескъ..
Въ густой тѣни большого кабинета
Желтѣли кости пыльнаго скелета.

XXVI.

Мнѣ объяснялъ фанатикъ молодой
Открытья, чудеса лабораторій,
Неясныя мелькали предо мной
Отрывки дерзновеннѣйшихъ теорій;
Показывалъ онъ въ каплѣ водяной
Другъ друга пожиравшихъ инфузорій
И слушалъ я, потупивъ робкій взоръ,
Про Дарвиновъ естественный подборъ.

XXVII.

Я чувствовалъ, что онъ неправъ во многомъ:
Краснѣя, запинался я, дрожалъ,
Ребяческимъ и неумѣлымъ слогомъ
На доводы науки возражалъ,
Когда, смѣясь надъ чортомъ и надъ Богомъ
Онъ все, во что я вѣрилъ, разрушалъ...
Хотя и страшно было мнѣ и больно,—
Запретный плодъ прельщалъ меня невольно.

XXVIII.

И любопытство жадное влекло
Къ опасности на крайнія ступени,
И въ первый разъ на дѣтское чело
Уже недѣтскихъ думъ ложились тѣни:
Плѣняетъ душу человѣка зло.
Какъ нѣкогда Адаму въ райской сѣни—
«Вкуси и будешь богомъ»—мудрый Змѣй,
Коварный далъ совѣтъ душѣ моей

XXIX.

Въ столовой разъ за чаемъ мы сидѣли;
Здѣсь маятникъ медлительныхъ часовъ,
Влачившихся безъ отдыха, безъ цѣли,
Вкусъ тѣхъ же булокъ, звуки тѣхъ же словъ
И тусклые обои надоѣли
Знакомымъ видомъ желтенькихъ цвѣтовъ.
На ужинъ экономно разогрѣты
Унылыя вчерашнія котлеты

XXX.

Изъ всѣхъ угловъ ползетъ ночная тѣнь,
Цѣдится струйка жиденькаго чая
Сквозь ситечко: смотрѣть и думать—лѣнь,
Царитъ безмолвье, мысли удручая...
У матери—всегдашняя мигрень.
И лампа блѣдная горитъ, скучая,
И силы нѣтъ дремоты превозмочь,—
Скорѣй бы сонъ безчувственный и ночь.

XXXI.

Вдругъ настежь дверь,—и дрогнулъ воздухъ сонный,
И старшій братъ съ улыбкой на устахъ
Вошелъ, и нашей скукой изумленный,
Тотчасъ притихъ; румянецъ на щекахъ

Еще горитъ, морозомъ оживленный,
Пылинки снѣга таютъ въ волосахъ:
Онъ съ улицы принесъ душистый холодъ,
Глаза блестятъ,—онъ радостенъ и молодъ

XXXII.

Отецъ спросилъ: «Откуда?»—«Изъ суда,—
Присяжные Засуличъ оправдали!»
Какъ? ту, что въ Трепова стрѣляла?»—«Да».—
«Не можетъ быть!..»—«Такой восторгъ былъ въ залѣ,
Какого не бывало никогда:
Мы полную побѣду одержали!»
Отецъ сердито молвилъ: «Что за вздоръ!»
И вспыхнулъ вдругъ ожесточенный споръ.

XXXIII.

И шопотомъ безпомощныхъ моленій
Напрасно мама хочетъ ихъ унять:
То споръ былъ вѣчный, распря поколѣній,—
Не уступаютъ оба ни на пядь,
Не слушаютъ другъ друга: «Убѣжденій
Вы права не имѣете стѣснять!»
Кричитъ студентъ; они вскочили оба,—
Въ очахъ старинная слѣпая злоба.

XXXIV.

«Наука доказала»...—«Чушь и гиль—
Твоя наука... Вѣчныя основы
Религіи...»—«Основы ваши—гниль!
Предъ истиною всѣ онѣ готовы
Разсыпаться, какъ мертвый прахъ и пыль...
Намъ Спенсеръ далъ для жизни принципъ новый!»
«А Богъ?..»—«Нѣтъ Бога!»—«Спенсеръ твой—дуракъ!»
Дошли до Бога,—это скверный знакъ.

XXXV.

Теперь конецъ ужъ ясенъ бѣдной мамѣ,—
Ей скажетъ мужъ: «Во всемъ—твоя вина.
Дѣтей избаловала!» Въ этой драмѣ
Нѣмою жертвой быть обречена,
Печальными и кроткими глазами,
Безпомощнаго ужаса полна,
Глядитъ на нихъ и вся мольбою дышитъ:
Никто ее не видитъ и не слышитъ.

XXXVI.

«Прочь, негодяй, изъ дома моего!..»
Кричитъ отецъ, блѣднѣя. «Ради Бога,
Не будь къ нему жестокъ, прости его,—
Ну, хоть меня ты пожалѣй немного!»
«Нѣтъ, не просите, мама,—ничего
Не надо!—Костя ей кричитъ съ порога,—
Я радъ уйти: мнѣ воля дорога,—
Не будетъ больше здѣсь моя нога!

XXXVII.

Вамъ оскорблять себя я не позволю...»
И онъ дверями хлопнулъ. Мать жалѣлъ,
Но думалъ я, что Костя выбралъ долю
Завидную: какъ былъ онъ гордъ и смѣлъ!
И за героемъ я рвался на волю,
Я самъ дрожалъ отъ злобы и горѣлъ:
Душа была смятеніемъ объята;
Я раздѣлить хотѣлъ бы участь брата.

XXXVIII.

И долго я въ ту ночь не могъ уснуть:
Все чудились мнѣ тихія рыданья
Предчувствіемъ бѣды сжималась грудь.
Я всталъ; лишь уличныхъ огней мерцанье

По комнатѣ мнѣ озаряло путь,
Когда среди глубокаго молчанья,
Какъ воръ, прокравшись въ темный длинный залъ,
Я разговоръ изъ спальни услыхалъ:

XXXIX.

«Онъ можетъ повредить моей карьерѣ...
Каковъ щенокъ, мальчишка, нигилистъ!»
— «Ну, денегъ дай ему, по крайней мѣрѣ:
Онъ вспыльчивъ, сердцемъ же онъ добръ и чистъ...»
Я ухо приложилъ къ закрытой двери
И въ темнотѣ внималъ, дрожа какъ листъ,
И страшно было мнѣ, стучали зубы:
Слова отца безжалостны и грубы.

XL.

Съ тѣхъ поръ прошли года, но помню то,
Что слышалъ тамъ: осталось въ сердцѣ жало.
«Онъ—сынъ твой, не губи его,—за что?..»
—«Вѣдь, я сказалъ: дамъ сорокъ въ мѣсяцъ».—«Мало».—
«А сколько жъ?» — «Сто». — «Ну, пятьдесятъ...» — «Нѣтъ, сто...»
Мольбою долгой, долгой и усталой
Упрямой силою любви своей
Она боролась съ нимъ изъ-за грошей.

XLI.

Я словъ уже не слышалъ,—только звуки
Все тѣхъ же просьбъ: такъ падаетъ вода
И точитъ твердый камень; лишь отъ скуки
Онъ дѣлалъ ей уступку иногда.
Она ему въ слезахъ цѣлуетъ руки,
Терпѣньемъ побѣждаетъ, какъ всегда,
Смиреніемъ глубокимъ и притворствомъ
И жертвъ незримыхъ медленнымъ упорствомъ.

XLII.

Мы грѣшны всѣ: я не сужу отца.
Но ужаса я полнъ и отвращенья
Къ семейной пыткѣ, къ битвѣ безъ конца,
Безъ отдыха, гдѣ нѣтъ врагу прощенья,
Гдѣ только блѣдность кроткаго лица,
Иль вздохъ невольный выдаетъ мученья:
Внутри—убійство, а извнѣ хранитъ
Законный бракъ благопристойный видъ.

XLIII.

Когда же утромъ мы при лампѣ встали
И за окномъ, сквозь мокрый снѣгъ и тѣнь,
Съ предчувствіемъ заботы и печали
Рождался вновь ненужный сѣрый день,
За кофеемъ отъ няни мы узнали,
Что мать больна, что у нея мигрень:
И вѣщая тоска мнѣ сердце сжала.
Три дня она въ постели пролежала.

XLIV.

И, можетъ-быть, то первый приступъ былъ
Болѣзни тяжкой, длившейся годами,
Неисцѣлимой; все же гнѣвный пылъ
Отца смягченъ былъ долгими мольбами,
Хотя онъ ссоры съ Костей не забылъ,
Но поневолѣ, уступая мамѣ,
Не одобряя баловства дѣтей,—
Не сорокъ далъ ему, а сто рублей.

XLV.

И жизнь пошла чредой однообразной;
Зазубрины и пятнышки чернилъ
Все тѣ же на моей скамейкѣ грязной,
Родной языкъ коверкая, долбилъ

Я тотъ же вздоръ латыни безобразной,
И года три подъ мышками тѣснилъ
Все въ томъ же мѣстѣ мнѣ мундирчикъ узкій,
На завтракъ тотъ же сыръ и хлѣбъ французскій.

XLVI.

Лимоніусъ директоръ, глухъ и старъ,
Софокла намъ читалъ и Одиссею,
Насъ усыплять имѣя рѣдкій даръ;
Но до сихъ поръ предъ нимъ благоговѣю,
Лишь вспомню, съ крѣпкимъ запахомъ сигаръ,
Я вицмундиръ передъ скамьей моею
И тонкій пухъ сѣдыхъ его волосъ
И въ голубыхъ очкахъ багровый носъ.

XLVII.

Урокъ по спрятанной въ рукавъ бумажкѣ,
Бывало, всякій бойко отвѣчалъ.
При немъ играли въ карты мы и въ шашки:
Намъ добродушный нѣмецъ все прощалъ,
Но вдругъ за бѣлый воротникъ рубашки
Неформенной, за галстукъ онъ кричалъ
Съ нежданнымъ пыломъ ярости безмѣрной
И тѣмъ внушалъ намъ трепетъ суевѣрный.

XLVIII.

Честнѣйшій нѣмецъ Кесслеръ—латинистъ,
Заросшій волосами, бородатый,
На видъ угрюмъ, но сердцемъ добръ и чистъ,—
Какъ древніе Катоны, Цинцинаты
И Сцеволы; большой идеалистъ,
Изъ года въ годъ, отчаяньемъ объятый,
Всѣмъ существомъ грамматику любя,
Онъ насъ терзалъ и не жалѣлъ себя

XLIX.

Отвѣтовъ ждалъ со страхомъ и томленьемъ
Краснѣя самъ, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личнымъ оскорбленьемъ
Неправильная форма падежа,
Ему глаголъ съ невѣрнымъ удареньемъ
Изъ нашихъ устъ былъ какъ ударъ ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатикъ,
Писалъ онъ рядъ ученѣйшихъ грамматикъ.

L.

Читалъ Платона Бирюкъ—не педантъ,
Напротивъ, весельчакъ, но злѣйшій въ мірѣ,
Весь бѣлый, бритый, выхоленный франтъ,
Въ обрызганномъ духами вицмундирѣ;
Къ жестокимъ шуткамъ онъ имѣлъ талантъ.
Того, кто зналъ урокъ, оставивъ въ мирѣ,
Онъ робкаго лѣнтяя выбиралъ
И долго съ нимъ какъ съ мышью котъ игралъ.

LI.

Несчастный мальчикъ, съ мнимою отвагой,
Къ доскѣ уже блѣднѣя подходилъ;
Тотъ ободрялъ его, шутилъ съ бѣднягой
И понемногу въ дебри заводилъ,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, онъ медленно цѣдилъ
Слова сквозь зубы и въ дремотѣ сладкой
Ласкалъ тихонько подбородокъ гладкій.

LII.

Какъ выступалъ на лбу ученика
Холодный потъ, съ улыбкой сладострастной
Слѣдилъ, и мухой въ лапахъ паука
Тотъ бился все еще въ борьбѣ напрасной:

Томила жертву смертная тоска;
«Скорѣй бы нуль!» мечталъ уже несчастный,
Въ схоластикѣ блуждая безъ руля,
А смерти нѣтъ и нѣтъ ему нуля!

LIII.

Но въ старшихъ классахъ алгебры учитель
Былъ хуже нѣмцевъ—русскій буквоѣдъ,
Поповъ, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завѣтъ,
Незлобивый старательный мучитель,
Онъ страшенъ былъ душѣ моей, какъ бредъ...
Въ лицѣ—подобье блѣдной мертвой маски—
Мерцали хитрые свиные глазки.

LIV.

Въ немъ было все противно: глупый носъ
И на челѣ торжественномъ и плоскомъ
Начальственная важность, цвѣтъ волосъ
Прилизанныхъ и рѣдкихъ съ желтымъ лоскомъ;
Онъ—неуклюжъ, горбатъ и хромъ, и косъ,—
Казался жалкимъ, страннымъ недоноскомъ.—
Всегда покоренъ и застѣнчивъ, разъ
Я дерзкимъ бунтомъ удивилъ нашъ классъ.

LV.

Мнѣ отъ Попова слушать надоѣло—
«Ровнѣй держитесь, выпрямите грудь!»—
Я на скамью—неслыханное дѣло—
Сѣлъ, опершись локтемъ, чтобъ отдохнуть
И пуговицъ, ему отвѣтивъ смѣло,
На сюртукѣ дерзнулъ не застегнуть;
Онъ закричалъ, но я рѣшилъ упрямо:
Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI.

Лимоніусъ съ инспекторомъ пришли,
И сторожа меня на новоселье
Въ сырой, холодный карцеръ повели
И заперли на ключъ въ позорной кельѣ,—
Жилищѣ крысъ, но тамъ, во тьмѣ, въ пыли,
Я чувствовалъ нежданное веселье:
Подвижникомъ себя воображалъ
И въ лихорадкѣ сладостной дрожалъ.

LVII.

Какъ жаждалъ сердцемъ правды я и мщенья:
Не все ль равно, за что возстать—за міръ
И всѣ его обиды и мученья,
Или за право разстегнуть мундиръ?
Тебя позналъ я, демонъ возмущенья:
Утративъ сердца прежній дѣтскій миръ,
Я чувствовалъ,—хотя былъ бунтъ напрасенъ,
Что ты, Злой Духъ, мой темный Богъ—прекрасенъ!

LVIII.

Тебѣ остался вѣренъ я съ тѣхъ поръ
И, соблазненный ангеломъ суровымъ,
Не покорясь, всю жизнь веду я споръ,
Изъ-за несчастныхъ пуговицъ съ Поповымъ.
Душа безумно рвется на просторъ.
За то, что я къ мірамъ стремился новымъ,
За то, что рабства я терпѣть не могъ,—
Меня казнилъ Лимоніусъ и Богъ.

LIX.

Въ тѣ дни ужъ я томился у преддверья
Сомнѣній горькихъ, и когда нашъ попъ,
Находчивый и полный лицемѣрья,
Доказывалъ, наморщивъ умный лобъ,

Чтобъ истребить въ насъ плевелы невѣрья,
Научною теоріей потопъ,
Иль логикой—существованье Бога,—
Рождалась въ сердцѣ вѣщая тревога.

LX.

И бѣсъ меня смущалъ: насъ каждый день
Водили въ церковь на Страстной недѣлѣ;
Напѣвъ дьячка внушалъ мнѣ сонъ и лѣнь:
Мы по казеннымъ правиламъ говѣли;
И неуютною казалась тѣнь,
Недружески огни лампадъ блестѣли;
Рука творила знаменье креста,
Но мертвая душа была пуста.

LXI

Кощунственная мысль была упряма;
И чистая святая бѣлизна
Просвирки нѣжной, запахъ ѳиміама,
Вкусъ теплаго церковнаго вина,
И голубь, Духъ Святой, на сводѣ храма,
За царскими вратами глубина,
Не вѣютъ въ душу прежней сладкой тайной:
Рождаетъ все лишь страхъ необычайный.

LXII.

Но по привычкѣ давней передъ сномъ
Я начиналъ молитву, умиленный:
Съ подаркомъ няни — сахарнымъ яйцомъ
На алой лентѣ, съ вербой запыленной,
Былъ образокъ такъ родственъ и знакомъ...
Когда же вновь опомнюсь, пробужденный, —
Какъ будто вдругъ въ душѣ потухнетъ свѣтъ,
И ужасаетъ мысль, что Бога нѣтъ.

LXIII.

Скребется мышь, страшатъ ночные звуки,
На улицѣ умолкъ послѣдній шумъ.
А я сижу во тьмѣ, ломая руки,
И отогнать не въ силахъ грѣшныхъ думъ:
Съ мятежнымъ духомъ, дьяволомъ науки,
Изнемогая борется мой умъ,
И ангела хранителя напрасно
На помощь я зову съ надеждой страстной.

LXIV.

Что избавленіе должно притти,
Я чувствую, не вѣдая, откуда.
Цѣлуя образъ, я молилъ: «прости!
Не вѣрю я и знаю — это худо,
Но вѣдь Тебѣ легко меня спасти:
О, дай мнѣ знакъ, о, только сдѣлай чудо,
Теперь, сейчасъ, до наступленья дня, —
Хоть маленькое чудо для меня!»

LXV.

Миссіонеръ для обращенья Кости,
Ученый попъ, былъ приглашенъ отцомъ:
Онъ приходилъ къ намъ по субботамъ въ гости;
Въ лиловой рясѣ съ золотымъ крестомъ.
Пить чай умѣлъ, въ бесѣдахъ, чуждыхъ злости,
Лобъ вытирая шелковымъ платкомъ,
Съ баранками и сливками такъ вкусно
И Дарвина опровергалъ искусно.

LXVI.

И спорамъ ихъ о Богѣ безъ конца
Я съ жадностью внималъ, дохнуть не смѣя:
Доказывалъ онъ промыселъ Творца,
И, объясняя книги Моисея,

Съ пріятной тихой важностью лица
Цитатами изъ книгъ ученыхъ сѣя,
По поводу Адама говорилъ
Онъ о строеньи черепа гориллъ.

LXVII.

Но дерзкаго невѣрья злое сѣмя
Въ душѣ моей росло: я помню, разъ
Нашъ батюшка въ гимназіи, въ то время
Къ принятью Тайнъ Святыхъ готовя классъ,
Моихъ сомнѣній увеличилъ бремя:
Смутилъ меня о грѣшникѣ разсказъ,
Вкусившемъ недостойно отъ Причастья,
Я слушалъ, полонъ жаднаго участья.

LXVIII.

Какъ тайнами Христовыми сожженъ,
Языкъ его лукавый былъ раздвоенъ
И въ трепетное жало превращенъ...
Я былъ, какъ этотъ грѣшникъ, недостоинъ;
Въ кощунственныя мысли погруженъ,
Я ждалъ бѣды, угрюмъ и безпокоенъ,
И, вѣря, что меня накажетъ Богъ,
Раскаяться хотѣлъ я и не могъ.

LXIX.

Съ непобѣдимымъ трепетомъ боязни
Объ исповѣди думалъ, и тоска
Мнѣ грызла сердце, холодъ непріязни
Внушалъ одинъ лишь видъ духовника:
Я представлялъ весь ужасъ этой казни
И чувствовалъ, какъ вмѣсто языка
Во рту моемъ шипѣло и дрожало
Змѣиное раздвоенное жало.

LXX.

Но вышло все такъ просто, безъ чудесъ,
Что я почти жалѣлъ о томъ, и съ шумомъ
Весеннихъ водъ напѣвъ «Христосъ воскресъ»
Теперь въ молчаньи слушалъ я угрюмомъ:
Веселый праздникъ для меня исчезъ,—
Уже ни Пасха бѣлая съ изюмомъ,
Ни съ розаномъ, нѣжны и горячи,
Не радовали сердце куличи.

LXXI.

Я съ нянею пошелъ на балаганы:
Здѣсь ныла флейта, и пищалъ фаготъ,
И съ бубнами гудѣли барабаны.
До тошноты мнѣ гадокъ былъ народъ:
Фабричные съ гармониками, пьяный
Ихъ смѣхъ, яйцомъ пасхальнымъ полный ротъ,
Самодовольство праздничнаго вида,—
Все для меня уродство и обида.

LXXII.

А въ тучкахъ—нѣженъ золотой апрѣль.
Царицынъ Лугъ ужъ пыленъ былъ и жарокъ;
Скрипя колеса вертятъ карусель,
И къ облакамъ ликующихъ кухарокъ
Возноситъ въ небо пестрая качель:
Въ лазури цвѣтъ платковъ ихъ желтыхъ ярокъ...
И безобразье вѣчное людей
Рождаетъ скорбь и злость въ душѣ моей.

LXXIII.

И благовѣстъ колоколовъ побѣдный,
Какъ приговоръ таинственный, гудѣлъ...

Я въ эти дни, къ прискорбью мамы бѣдной,
Какъ будто въ злой болѣзни, похудѣлъ
По комнатамъ какъ тѣнь, слонялся, блѣдный
И нелюдимый, плохо спалъ и ѣлъ,
И спрашивала мать меня порою
Въ отчаяньи: «Мой мальчикъ, что съ тобой?..»

LXXIV.

Но я молчалъ, стыдился думъ моихъ,
Лишь изрѣдка, не говоря ни слова,
Къ ней подходилъ безпомощенъ и тихъ,
И маленькимъ, не думающимъ снова
Я дѣлался отъ ласкъ ея простыхъ,
Когда она, жалѣя, какъ больного,
И мудрое безмолвіе храня,
Съ улыбкою баюкала меня.

LXXV.

Спасителемъ моимъ Елагинъ милый
Былъ, какъ всегда: экзамены прошли,
И, какъ покойникъ, вставшій изъ могилы,
Я свѣжестью дышалъ сырой земли,
Отъ солнца щурился, больной и хилый,
Но радовали въ морѣ корабли,
Знакомый прудъ, и ледникъ, и дорожка
Межъ грядками душистаго горошка.

LXXVI.

Все трогало меня почти до слезъ—
Съ полупрозрачной зеленью опушка
И первый шелестъ молодыхъ березъ,
И вѣщая, унылая кукушка,

И дряхлая подруга дѣтскихъ грезъ—
Родная ива, милая старушка,
И дачный вкусъ парного молока,
И теплыя живыя облака.

LXXVII.

Катались мы на лодкѣ съ братомъ Сашей;
Покинувъ весла, зонтикъ дождевой
Мы ставили, какъ парусъ, въ лодкѣ нашей;
Казался куполъ неба надъ водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
Съ гніющимъ остовомъ ладьи рыбачьей
Картофель мы пекли въ золѣ горячей.

LXXVIII.

Закусывая парой огурцовъ
И слушая великое молчанье
Зеркальныхъ водъ и медленныхъ коровъ
Протяжное унылое мычанье
И въ стебляхъ желтыхъ водяныхъ цвѣтовъ
Лѣнивыхъ струекъ слабое журчанье,—
Я всѣ мои грамматики забылъ,
Не думалъ, есть ли Богъ, и счастливъ былъ.

LXXIX.

Скучать въ домашней церкви за обѣдней
По праздникамъ въ Елагинскій дворецъ
Водили насъ, я помню; въ аркѣ средней
Межъ ангелами рѣялъ Богъ Отецъ.
Но суетныхъ мой умъ былъ полонъ бредней,
Я думалъ: службѣ скоро ли конецъ?
Смотрѣлъ, какъ небо въ перистыхъ волокнахъ
Высокихъ тучъ блеститъ въ открытыхъ окнахъ.

LXXX.

Крикъ ласточекъ сквозь пѣніе псалмовъ,
Шумящіе подъ свѣжимъ вѣтромъ клены,
Дыханіе сиреневыхъ кустовъ,
Все манитъ прочь изъ церкви въ садъ зеленый,
И кажется мнѣ страшнымъ ликъ Христовъ
Сквозь зарево свѣчей во мглѣ иконы:
Лобовью, чуждой Богу, міръ любя,
Язычникомъ я чувствовалъ себя.

LXXXI.

И въ этой церкви разъ въ толпѣ воскресной,
Среди дѣвицъ уродливыхъ и дамъ,
Увидѣлъ профиль дѣвушки прелестной.
Смотрѣлъ я жадно, волю давъ очамъ:
Мнѣ было все въ ней тайною чудесной,
Подобной райскимъ непонятнымъ снамъ,
И я въ благоговѣньи не замѣтилъ,
Цвѣтъ глазъ ея былъ теменъ или свѣтелъ.

LXXXII.

Лишь смутно помню, что она была
Вся въ бѣломъ кружевѣ; глубокой тѣнью
Рѣсницъ и томной блѣдностью чела
Я изумленъ и преданъ былъ смятенью:
Казалось мнѣ, воздушна и бѣла,
Она принцессой бѣлою сиренью,
Окутанною въ сказочный туманъ.
Тайкомъ невинный начался романъ.

LXXXIII.

И образъ твой, елагинская фея,
Донынѣ сердцу памятенъ и милъ;
Тамъ, гдѣ къ пруду спускается аллея,

За бѣлымъ платьемъ иногда слѣдилъ
И прятался я, подойти не смѣя;
Ни разу въ жизни съ ней не говорилъ,
Любви неопытную душу предалъ,
Хоть имени возлюбленной не вѣдалъ.

LXXXIV

Когда въ затишьи знойныхъ вечеровъ
Гармоника кухарокъ собирала
Въ конюшню—царство важныхъ кучеровъ,
И въ облакахъ былъ нѣжный цвѣтъ коралла,
Съ толпою неуклюжихъ юнкеровъ
Въ крокетъ моя владычица играла
И бѣгала, смѣялась громче всѣхъ:
Донынѣ въ сердцѣ—этотъ милый смѣхъ.

LXXXV.

И, крадучись, какъ воръ, къ рѣшеткѣ сада
За дачей, гдѣ она жила, тайкомъ
Я подходилъ, и было мнѣ отрада
Смотрѣть на ветхій деревянный домъ,
Хотя мѣшала пыльная ограда
Кустовъ колючихъ; къ тѣмъ, кто съ ней знакомъ,
Я завистью былъ жгучей пожираемъ,
И садикъ бѣдный мнѣ казался раемъ.

LXXXVI.

Но холодъ жизни ранній цвѣтъ убилъ,
И все, что было мнѣ еще не ясно,
Что я въ душѣ лелѣялъ и хранилъ,
Едва родившись, умерло безгласно,—
И никогда я больше не любилъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно и напрасно,
Какъ въ тѣхъ мечтахъ, погибшихъ навсегда
Безъ имени, безъ звука, безъ слѣда...

LXXXVII.

Мы въ сердцѣ вѣчную таимъ измѣну;
Ужъ привлекалъ вниманіе мое
Иной предметъ: однажды прачку Лену
Я увидалъ, стиравшую бѣлье:
Я помню мыла тающую пѣну,
Когда сквозь паръ смотрѣлъ я на нее,
Румяную, съ веснушками, съ глазами.
Почти безъ мысли, съ голыми руками.

LXXXVIII.

А въ прачечной и въ кухнѣ былъ пожаръ
Сіянія вечерняго: блеснули
Ведро, кофейникъ, яркій самоваръ,
Зрачки кота, дремавшаго на стулѣ,
И полымемъ объятыя, какъ жаръ,
Кругомъ на полкахъ мѣдныя кастрюли:
И Лена, вся здоровіемъ дыша,
Была въ огнѣ заката хороша.

LXXXIX.

И весело мнѣ было рядомъ съ нею:
Подъ нѣжнымъ солнцемъ въ тонкихъ завиткахъ
Коротенькихъ волосъ я видѣлъ шею
И ямочки на розовыхъ локтяхъ.
Хотя любилъ я сказочную фею,
Но эта баба съ утюгомъ въ рукахъ,
Богиня синьки, мыла и крахмала
Мое воображенье занимала.

XC.

Зачѣмъ ты далъ намъ двѣ души, Господь?
Другъ друга ненавидя и страдая,
Напрасно въ людяхъ спорятъ духъ и плоть,

Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не можетъ побороть.
Съ Владыкой Тьмы враждуетъ Ангелъ рая:
Кому изъ нихъ я первенство отдамъ,
Кто побѣдитъ меня,—не знаю самъ.

XCI.

Не смѣйся же, читатель благосклонный,
Что мы съ тобой нежданно перешли
Отъ прачки Лены съ барышней Мадонной
Къ противорѣчьямъ неба и земли:
Одинъ законъ владѣетъ непреклонный
Созвѣздьями, горящими вдали,
Съ ихъ правильнымъ восходомъ и закатомъ,
И силой, движущей незримый атомъ.

XCII.

Такъ сразу я въ двухъ женщинъ былъ влюбленъ:
Мнѣ самому казалось это дикимъ...
Уже тогда, съ младенческихъ временъ
Лукавымъ духомъ, Янусомъ двуликимъ,
Неопытный мой умъ былъ соблазненъ,
И съ этихъ поръ я съ ужасомъ великимъ
Всю жизнь внималъ, какъ съ Богомъ споритъ бѣсъ,
Духъ грѣшной плоти съ ангеломъ небесъ.

XCIII.

Тотъ узелъ Гордіевъ чей мечъ разрубитъ?
О, если бы рѣшить я только могъ,
Кого душа моя сильнѣе любитъ,
Кто сердцу ближе: Демонъ или Богъ!
Ихъ двойственный соблазнъ меня погубитъ:
Я все еще стою межъ двухъ дорогъ,
И съ прачкой Леной борется богиня—
Съ кощунствомъ вѣчнымъ—вѣчная святыня.

XCIV.

Я осенью въ тотъ годъ увидѣлъ Крымъ:
Казался край далекій сномъ волшебнымъ.
Я не изъ тѣхъ, кому пріятенъ дымъ
Отечества, и былъ всегда цѣлебнымъ
Мнѣ путь далекій къ небесамъ инымъ.
Отецъ мой ѣхалъ по дѣламъ служебнымъ;
Его давно уже молила мать
Меня съ собой на южный берегъ взять.

XCV.

Изъ царства моха, кочекъ и рябины
Перелстѣлъ я въ дремлющій аулъ
Въ уютной нѣгѣ солнечной долины;
Мнѣ яркій мѣсяцъ въ очи заглянулъ;
Въ тиши ночной таинственной пучины
Я полюбилъ многоголосый гулъ,
Смотрѣлъ, какъ въ небѣ серебрится тополь
И при лунѣ бѣлѣетъ Севастополь.

XCVI.

Тамъ, гдѣ шумятъ немолчные валы,
Гдѣ вознеслись надъ моремъ великаны—
Изъ чернаго базальта двѣ скалы,
И стелются надъ пропастью туманы,
Гдѣ рѣютъ съ хищнымъ клекотомъ орлы,
Былъ нѣкогда великій храмъ Діаны,—
Тамъ нынѣ мрачный и глухой пустырь,
А рядомъ—крестъ и бѣдный монастырь.

XCVII.

Въ обители Георгія Святого
Здѣсь иноки нашли себѣ пріютъ,
Но по ночамъ на мысѣ дикомъ снова

Колонны храма бѣлаго встаютъ—
Языческіе призраки былого,
И волны гимнъ торжественный поютъ...
Тамъ я бродилъ, и сердце грустью ныло,
А колоколъ вдали звучалъ уныло.

XCVIII.

О, боги древности, я чуялъ васъ,
Когда въ безмолвной и печальной тризнѣ
Сюда вашъ рой слеталъ въ предзвѣздный часъ:
Казалось мнѣ,—въ иной далекой жизни
Я съ вами здѣсь бывалъ уже не разъ
И нынѣ вновь пришелъ къ моей отчизнѣ;
Съ видѣньями боговъ наединѣ
И сладостно, и страшно было мнѣ...

XCIX.

Обвѣянъ прелестью твоей, Эллада,
Въ какія былъ я думы погруженъ,
Чему душа была безумно рада,
Когда горѣлъ полдневный небосклонъ
И волнъ дышала вѣчная прохлада
На высотѣ межъ греческихъ колоннъ
Той полукруглой маленькой веранды
Надъ рощами тѣнистой Ореанды.

C.

Тамъ я любилъ по цѣлымъ днямъ мечтать:
Въ благоуханьи мяты и шафрана
И въ яркости твоей, морская гладь,
И въ бѣдной дымкѣ знойнаго тумана—
Во всей природѣ южной—благодать
Великаго языческаго Пана.
О, древній богъ, подъ сѣнью рощъ твоихъ
Сложилъ я первый неумѣлый стихъ.

CI.

Но долго я скрывалъ подруги тайной,
Стыдливой Музы, нѣжные грѣхи:
Хромой сонетъ о блѣдной розѣ чайной
Восторженной былъ полонъ чепухи.
Но музыкою риѳмъ необычайной
Я упивался: глупые стихи
Казались мнѣ предѣломъ совершенства,
И я надъ ними плакалъ отъ блаженства.

CII.

Я Пушкину безстыдно подражалъ,
Но ослѣпленъ туманомъ романтизма,
Въ О н ѣ г и н ѣ я только риѳмъ искалъ:
Нужда была мнѣ сказочная призма—
Луна и пурпуръ зорь, и груды скалъ;
Мятежный Пушкинъ, полный байронизма
И пышныхъ грезъ, мнѣ нравился тогда,
Какимъ онъ былъ въ двадцатые года.

CIII.

Я пѣлъ коварныхъ дѣвъ, красы Эдема
И соловья надъ розой при лунѣ,
И лучшую изъ тайныхъ розъ гарема,
Тебя, которой бредилъ я во снѣ
И наяву, о, милая Зарема.
Стихи журчали, и казалось мнѣ,
Что мой напѣвъ былъ полонъ нѣги райской,
Какъ лепетъ твой, фонтанъ Бахчисарайскій!

CIV.

Я не люблю родныхъ моихъ, друзья
Мнѣ чужды, бракъ—тяжелая обуза.
Въ томительной пустынѣ бытія

Гонимая отверженная Муза—
Единственная спутница моя.
И болѣе надежнаго союза
Нѣтъ на землѣ: съ младенчества храня,
Она, какъ мать, лелѣяла меня.

CV.

Не вѣдали мы съ нею шумной славы,
Но въ дни унынья ты была со мной,
Богиня кроткая, въ тѣни дубравы,
Или у водъ, объятыхъ тишиной,
Гдѣ сонныя благоухаютъ травы,
Ждала меня съ улыбкой неземной,
Таинственною прелестью дышала
И ласкою невинной утѣшала.

CVI.

И былъ въ чертахъ прекраснаго лица
Глубокій слѣдъ божественной печали.
Лавровой тѣнью гордаго вѣнца
Твоей главы друзья не увѣнчали.
Ты слышала и брань и судъ глупца,
Сообщниковъ немногихъ мы встрѣчали.
Но, совершая долгъ своимъ путемъ,
Всегда мы шли и до конца пойдемъ.

CVII.

Съ тобой не страшенъ ночи мракъ беззвѣздный:
Направь мои невѣрныя стопы.
Надъ пропастью цвѣты тебѣ любезны,
Растущіе не на путяхъ толпы,
И ты ведешь меня по краю бездны
На узкія необщія тропы,
Откуда виденъ отблескъ на вершинахъ
Зари, еще невѣдомой въ долинахъ.

CVIII.

Пусть годы память обо мнѣ сотрутъ,
Слезой умильной юноши и дѣвы
Не освѣтятъ мой незамѣтный трудъ,
Пусть не дано взошедшіе посѣвы
Очамъ моимъ увидѣть, и замрутъ
Безъ отклика негромкіе напѣвы:
Я сердцемъ чистъ, я дѣлалъ все, что могъ,—
Тебя, о, Муза, оправдаетъ Богъ.

CIX.

Мы не нашли въ сердцахъ людей отвѣта,
Но только бы онъ до конца горѣлъ,
Огонь, которымъ жизнь моя согрѣта,
Не даромъ я любилъ, страдалъ и пѣлъ.
Благословенъ святой удѣлъ поэта,
Благословенъ изгнанниковъ удѣлъ,
Мой уголъ бѣдный, тихая лампада
Моихъ ночей и тайныхъ слезъ отрада.

CX.

Когда я съ Музой начиналъ мой путь
И ждалъ побѣды, дерзостенъ и молодъ,
Какъ страшно было въ Летѣ потонуть,
Какъ мучилъ славы ненасытный голодъ!
Но въ тридцать лѣтъ ровнѣе дышитъ грудь,
Сулитъ покой намъ Леты вѣчный холодъ:
Отрада есть въ ея ночной волнѣ,—
Въ молчаніи, въ забвеньи, въ тишинѣ...

CXI.

А, можетъ-быть, и то: подъ слоемъ пыли
Межъ тѣхъ, чьи книги только мышь грызетъ,

Кого давно на чердакѣ забыли,
Историкъ важный и меня найдетъ
И пѣснь мою о стародавней были
Съ улыбкою внимательной прочтетъ.
И гордую въ изгнаніи суровомъ
Помянетъ Музу нашу добрымъ словомъ.

CXII.

Теперь съ тобой прощаясь, мы почтимъ,
Богиня, ту, что тихо спитъ во гробѣ,
Кто ангеломъ хранителемъ твоимъ
Была во мракѣ, холодѣ и злобѣ.
Возлюбленную тѣнь благословимъ:
Вы были мнѣ заступницами обѣ,
И вѣрую, что въ часъ послѣдній вновь
Меня спасетъ великая любовь.

CXIII.

Ты въ горестный и страшный часъ, родная,
Придешь ко мнѣ не съ горестнымъ лицомъ,
Не слабая, не жалкая, больная,
Такой, какъ ты была передъ концомъ,
Но съ дѣвственной улыбкой, молодая,
Съ торжественно сіяющимъ вѣнцомъ,
Меня въ преддверьи новой жизни встрѣтишь
И радостно на мой призывъ отвѣтишь.

CXIV.

Сотрешь съ чела въ предсмертной тишинѣ
Холодный потъ моей послѣдней муки.
Чтобъ слаще мнѣ спалось въ могильномъ снѣ,
Баюкая, на любящія руки
Возьмешь меня и тихо скажешь мнѣ:
«Не бойся же,—нѣтъ смерти, нѣтъ разлуки.
Тебѣ я пѣсню прежнюю спою,—
Усни, мой мальчикъ, баюшки-баю».

CXV.

Великаго обѣта не нарушу:
О, мама, скоро я къ тебѣ приду!
Какъ погибающій пловецъ—на сушу,
Стремлюсь къ тебѣ и радуюсь, и жду:
Душа обниметъ родственную душу,
Въ твоихъ чертахъ любимыхъ я найду,—
Какъ разрѣшишь ты всѣ земныя узы,—
Черты моей богини, вѣчной Музы.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОСЛѢДНИХЪ ГОДОВЪ.

Чужбина-родина.

Намъ и родина-чужбина,
Всюду путь и всюду цѣль.
Намъ безвѣстная долина—
Какъ родная колыбель.
Шепчутъ горы, лаской полны:
«Спи спокойно, конченъ путь!»
Шепчуть медленныя волны:
«Отдохни и позабудь!»

Радъ забыть, да не забуду;
Радъ уснуть, да не усну.
Не любя, любить я буду,
И проклявъ, не прокляну:
Эти блѣдныя березы
И дождя ночныя слезы,
И унылыя поля...
О, проклятая, святая,
О, чужая и родная
Мать и мачеха земля!

Осеннее-весеннее.

I.

Еще роса на сжатый колосъ
Хрустальной сѣткой не легла,
И желтыхъ лентъ въ зеленый волосъ
Еще береза не вплела.

О, какъ медлительно прощанье
Склоненныхъ солнечныхъ лучей.
О, какъ торжественно молчанье
Уже пустѣющихъ полей.
И мнится: кончены боренья,
Исчезло время, смерть и зло;
И видитъ вновь, какъ въ день творенья,
Господь, что все добро зѣло.

II.

Купальницы болотныя,
Вы снова зацвѣли,
О, дѣти беззаботныя
Довѣрчивой земли.

Поля уже пустыннѣе,
Лѣса уже молчатъ,—
А вашъ еще невиннѣе
Весенній ароматъ.

Весенніе, осенніе,—
Начало и конецъ,
Еще мнѣ драгоцѣннѣе
Вашъ золотой вѣнецъ.

Вы снова пламенѣете,
Какъ будто въ первый разъ,
Вы любите, вы смѣете,—
И августъ—май для васъ.

Амаліи.

Ты—горящій, устремленный,
Въ темнотѣ открытый глазъ.
Отъ руды неотдѣленный
И не вспыхнувшій алмазъ.

Ты—стѣсненное ножнами
Пламя острое меча.

Предъ святыми образами
Незажженная свѣча.

Но не бойся: многоцвѣтный,
Загорится твой алмазъ.
Первой блѣдности разсвѣтной
Не пропуститъ жадный глазъ.

Въ Змія темнаго вопьется
Пламя свѣтлаго меча,
И предъ Господомъ зажжется
Негасимая свѣча.

Ты откроешь ли мнѣ душу,
Какъ цвѣтокъ—ночной росѣ.
Хочешь,—сны твои нарушу?
Хочешь,—спи и будь, какъ всѣ?

Всѣмъ, кто спитъ,—видѣній сладость,
Сонный плачъ и сонный смѣхъ,
Но божественная радость
Пробужденья—не для всѣхъ.

Ты не можешь? Ты не смѣешь?
Берегись же: такъ уснешь,
Что проснуться не успѣешь
Жизнь безъ жизни проживешь.

Ты едва открыла очи.
Да иль нѣтъ? Отвѣть. Я жду.
Нѣтъ? Ну, что же, доброй ночи,
Спи спокойно. Я уйду.

Парижъ.
1907.

Затихшихъ волнъ сіянье безконечно
Подъ низкимъ, жаркимъ солнцемъ декабря.
Прозрачно все и такъ нетлѣнно-вѣчно,
Какъ мотылекъ въ обломкѣ янтаря.

Багровыхъ скалъ въ бездонной чашѣ синей
Волшебное сомкнулося кольцо.
У ногъ моихъ ночной сѣдѣетъ иней,
И дышитъ зной полуденный въ лицо.

О, зимнихъ дней уютная короткость,
Въ очарованіи застывшій лѣсъ,
И хвойныхъ иглъ недвижимая четкость
Въ неизъяснимой ясности небесъ.

О, райская, блаженная пустыня
Гдѣ и доднесь, какъ древле, сходитъ Богъ,
Гдѣ все—одна любовь,одна святыня—
Уже и здѣсь нездѣшняго залогъ.

И пусть на мигъ,—но сердце не забудетъ
Того, что нынѣ сердцемъ я постигъ.
И знаю: тамъ уже навѣки будетъ,
Что здѣсь на мигъ.

Эстерель-Агэ.
1910.

Какъ наполняетъ храмъ благоуханье
Сожженныхъ смолъ,
Такъ вересковъ наполнило дыханье
Вечерній долъ.
И сладостно, какъ бредъ любви, жужжанье
Декабрьскихъ пчелъ.

Отшельникъ и Фавнъ.

(Изъ Гёте).

Разъ отшельникъ повстрѣчалъ
Козлоногаго въ пустынѣ.
— «Я пришелъ къ твоей святынѣ,—
Такъ смиренно Фавнъ сказалъ:—
Помолись-ка въ добрый часъ,
Чтобы въ рай пустили насъ»,—
«Я бы радъ,—подвижникъ строгій
Отвѣчаетъ,—но прости:

Не дадутъ вамъ козьи ноги
Въ царство Божіе войти».
— «Чѣмъ мѣшаетъ,—Фавнъ отвѣтилъ,—
Вамъ козлиная нога?
Ужъ не слишкомъ ли строга
Ваша милость? Я замѣтилъ,
Какъ входили въ рай святой
И съ ослиной головой!»

Ночная пѣсня странника.

Der du von dem Himmel bist.
Göethe.

Ты, о, неба лучшій даръ,
Всѣ печали исцѣляющій,—
Чѣмъ болѣзненнѣе жаръ,
Тѣмъ отраднѣй утоляющій!

Путь все тотъ же впереди—
Что мнѣ, горестный иль радостный...
Ахъ, усталъ я! Отдыхъ сладостный,
О, приди, приди!

Hamburg w. d. H.
13—ix 1909.

*
* *

Ужель мою святыню
Ты не поймешь вовѣкъ,
И я люблю рабыню,
Свободный человѣкъ?

Ужели тщетны муки,—
Цѣпей не разорвать,
И скованныя руки
Могу лишь цѣловать?

* * *

Люблю иль нѣтъ,—легка мнѣ безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоимъ,
А все-таки порой такая нѣжность
Въ твоихъ глазахъ, какъ будто я любимъ.

Не мною жить, не мной страдать ты будешь,
И я пройду какъ тѣнь отъ облаковъ;
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замретъ въ тебѣ мой дальній зовъ.

Приснилась намъ невѣдомая радость,
И знали мы во снѣ, что это сонъ...
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и въ томъ, что я—не *онъ*.

* * *

Ты ушла, но поздно:
Намъ не разлюбить.
Будемъ вѣчно розно,
Вѣчно вмѣстѣ жить.

Какъ же мнѣ, и зная,
Что не буду твой,
Сдѣлать, чтобъ родная
Не была родной?

* * *

О, какъ порывъ любви безплоденъ,
Мой огонекъ въ ночныхъ степяхъ!
Какъ безполезно я свободенъ,
Какъ безнадежно ты въ цѣпяхъ!

Но пусть насъ ужасъ ждетъ безвѣстный,
Пусть вся въ крови, едва дыша
И падая подъ ношей крестной,
Влачится бѣдная душа.

Любовь есть ожиданье чуда,
Любовь безумно чуда ждетъ.
Не знаю, какъ, когда, откуда,—
Но знаю, что оно придетъ.

* * *

Все кончается смертью, все кончается сномъ.
Буйныхъ надеждъ истощилъ я отвагу...

Что-то усталъ я... ну-ка прилягу...
Все кончается смертью, все кончается сномъ.

Гробъ—колыбель... теперь и потомъ...
Было и будетъ, будетъ и было...
Сердце любило, сердце забыло...
Все кончается смертью, все кончается сномъ.

* * *

Опять горитъ межъ темныхъ сосенъ
Весны вечерняя звѣзда,
И всѣхъ увядшихъ милыхъ весенъ
Мнѣ вспоминается чреда.

И пусть тоскую неутѣшнѣй
Съ весною каждою, но есть
Въ дыханьи первомъ нѣгѣ вешней
Для сердца слышащаго вѣсть.

И пусть вся жизнь—глухая осень;
Ведетъ въ правдиво-лживомъ снѣ
Меня чреда увядшихъ весенъ
Къ неувядающей веснѣ.

Не-Джіокондѣ.

И я плѣнялся ложью сладкою.
Гдѣ смѣшаны добро и зло;
И я Джіокондовой загадкою
Былъ соблазненъ,—но то прошло:
Я всѣхъ обмановъ не-тайнственность,
Тщету измѣнъ разоблачилъ;
Я не раздвоенность—единственность
И простоту благословилъ.
Люблю улыбку не лукавую
На цѣломудренныхъ устахъ
И откровенность величавую
Въ полумладенческихъ очахъ.

Люблю безтрепетное мужество
Въ пожатьи дѣвственной руки
И незапятанное дружество
Безъ угрызенья и тоски.

Я радъ тому, что ложью зыбкою
Не будетъ ваше «нѣтъ» и «да».
И мнѣ Джіокондовой улыбкою
Не улыбнетесь никогда.

* * *

И снилось мнѣ: заря туманная,
Въ поляхъ густѣющая мгла,
И сосенъ кровь благоуханная—
Свѣтлотекущая смола.

И кто-то мнѣ родимымъ голосомъ
Все то же на ухо твердитъ,—
Такъ въ сентябрѣ несжатымъ колосомъ
Пустая нива шелеститъ.

Но тайна словъ тѣхъ не разгадана...
Гори, послѣдній свѣтъ, гори,
И смолью сосенъ, дымомъ ладана
Курись, кадильница зари!

Да не будетъ.

Надежды нѣтъ и нѣтъ боязни.
Наполненъ кубокъ черезъ край.
Твое прощеніе—хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

* * *

Всему я радъ, всему покоренъ.
Въ ночи послѣдній замеръ плачъ.
Мой путь, какъ ходъ подземный, черенъ—
И тамъ, гдѣ выходъ, ждетъ палачъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ КИТАЙСКОЙ МУДРОСТИ.

I.

Изъ книги Та-Хіо, или Великая Наука.

О, какъ былъ мудръ Тоеіі! Онъ имѣлъ бамбуковый сосудъ для пищи, простую чашу для питья и жилъ въ крошечной каморкѣ, въ узкой и темной улицѣ; никто изъ людей, кромѣ него, не перенесъ бы такихъ лишеній и страданій. А между тѣмъ они не омрачали сердечной ясности Тоеіі, О, какъ былъ мудръ Тоеіі!

* * *

Любовь побѣждаетъ ненависть, какъ вода побѣждаетъ огонь.

* * *

Питаться щепоткою риса, пить чистую воду, не имѣть другого изголовья, кромѣ собственной руки,—вотъ образъ жизни, въ которомъ тоже есть своя прелесть. Быть богатымъ и достигнуть почестей неправдою, это кажется мнѣ ненадежнымъ, какъ облако, которое улетаетъ.

* * *

Законъ Великой Науки или дѣятельной мудрости состоитъ въ томъ, чтобы развивать и проявлять свѣтлое, разумное начало, вложенное въ насъ Богомъ, въ томъ, чтобы обновлять людей и полагать свою послѣднюю цѣль въ совершенствѣ или въ высшемъ благѣ.

* * *

Надо достигнуть того, чтобы наслаждаться невозмутимымъ покоемъ, тишиною, которой уже ничто не можетъ нарушить.

* * *

Поступайте другъ съ другомъ, какъ поступаютъ братья и сестры различныхъ возрастовъ.

* * *

Государь долженъ любить народъ, какъ мать, нѣжно обнимающая своего первенца.

* * *

Государь долженъ прежде самъ проявить добродѣтель,—и тогда уже внушить ее подданнымъ. Если же онъ самъ не обладаетъ ею и не проявляетъ ее въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не долженъ требовать добродѣтели отъ другихъ людей. Не имѣть ничего благороднаго, ничего добраго въ собственномъ сердцѣ и быть, однако, способнымъ дѣлать такъ, чтобы другіе люди были добрыми и благородными—это невозможно и противно самой природѣ вещей.

* * *

Того, что ты осуждаешь въ стоящихъ по правую руку отъ тебя, не дѣлай, стоящимъ по лѣвую: того, что ты осуждаешь въ стоящихъ по лѣвую руку отъ тебя, не дѣлай стоящимъ по правую,—вотъ первое правило мудрости.

На стѣнахъ купальни одного древняго императора было начертано: «обновляйся совершенно каждый день, и опять, и опять, и вѣчно обновляйся!»

* * *

То, что любитъ народъ—любить, то что ненавидитъ народъ—ненавидѣть, это значитъ быть отцомъ и матерью народа, быть добрымъ государемъ.

* * *

Государь, имѣющій добродѣтель, будетъ имѣть и сердце народа; имѣющій сердце народа, будетъ имѣть и землю народа.

II.

Изъ книги Чунгъ-Юнгъ, или „Неизмѣнность въ Серединѣ".

Сладость этой книги неисчерпаемая: все въ ней плодоносно.

* * *

Середина, мѣра есть великое основаніе міра; гармонія есть общій и неизмѣнный законъ міра.

* * *

Когда Мѣра и Гармонія доведены до совершенства, небо и земля находятся въ покоѣ совершенномъ, и всѣ существа могутъ достигнуть полнаго развитія.

* * *

Учитель Кунгъ-тсё (Конфуцій) говоритъ: человѣкъ высшей добродѣтели неизмѣнно соблюдаетъ мѣру; человѣкъ обыкновенный или чуждый добродѣтели постоянно нарушаетъ неизмѣняемую мѣру.

* * *

Учитель говорилъ: о, какъ мало, какъ мало людей, которые умѣютъ неизмѣнно соблюдать мѣру!

* * *

Учитель говорилъ: люди всегда сходятъ съ прямого пути, и я знаю причину: мудрые переступаютъ его, глупые не достигаютъ. Прямой путь не ясенъ. Тѣ, кто обладаетъ слабою добродѣтелью, не доходятъ. Изъ всѣхъ людей нѣтъ ни одного, кто бы не ѣлъ и не пилъ, но немногіе умѣютъ различать разные вкусы.

* * *

При всякомъ знаніи остается непостижимое для ума, при всякой добродѣтели остается недостижимое для воли. Небо и земля прекрасны, но и въ нихъ человѣкъ находитъ несовершенства. Вотъ почему мудрецъ, зная величайшее, что можетъ быть въ добродѣтели, говоритъ, что міръ не можетъ вмѣстить ее.

* * *

Законъ добродѣтели, есть законъ всякаго разума: она озаряетъ вселенную и въ высочайшемъ небѣ и въ глубочайшихъ безднахъ.

* * *

Праведный человѣкъ не дѣлаетъ другимъ того, чего онъ не хочетъ, чтобы дѣлали ему.

* * *

Человѣкъ, достигшій послѣдней ступени совершенства, можетъ предугадывать будущее.

* * *

Человѣкъ, достигшій послѣдней ступени совершенства, уподобляется силамъ сверхчеловѣческимъ.

* * *

Сто поколѣній умираютъ одно за другимъ, прежде чѣмъ къ людямъ является святой человѣкъ.

* * *

Человѣкъ совершенный подражаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ неизмѣнности естественныхъ законовъ, управляющихъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ.

* * *

Мудрый — правдивъ, даже въ то время, какъ безмолвствуетъ.

* * *

Чернь боится мудраго, какъ сѣкиры и топора.

* * *

Добродѣтель легка, какъ тонкій пухъ.

* * *

Сокровенныя дѣйствія Высшаго Неба беззвучны и неосязаемы: въ нихъ—послѣдняя степень безплотности.

III.

Изъ книги Лунъ-Ю, или „Бесѣды Мудрецовъ“.

Величайшая вѣжливость была присуща древнимъ, мудрымъ царямъ.

* * *

Конфуцій говоритъ: должно скорбѣть не о томъ, что люди насъ не знаютъ, а, напротивъ, о томъ, что мы не знаемъ людей.

* * *

Учитель говоритъ: кто хочетъ управлять государствомъ съ добродѣтелью и мудростью, долженъ быть подобенъ Полярной звѣздѣ, которая остается неподвижной въ то время, какъ всѣ другія свѣтила вращаются вокругъ нея и по ней направляютъ пути свои.

* * *

Одни только отцы и матери истинно жалѣютъ больныхъ дѣтей своихъ.

* * *

Ученикъ Тсё-Кунгъ спросилъ: кто великій человѣкъ? Учитель сказалъ: тотъ, кто сперва согласуетъ свои дѣйствія съ словами, а потомъ уже слова свои съ дѣйствіями.

* * *

Если утромъ ты внялъ голосу Разума Небеснаго, вечеромъ можешь умереть.

* * *

Учитель говоритъ: о, сынъ мой! ученіе мое просто и легко.

* * *

Великій человѣкъ любитъ быть медленнымъ въ словахъ своихъ, быстрымъ въ дѣлахъ.

* * *

Какая польза исправлять глупца? Все равно изъ гнилого дерева не вырѣжешь статуи.

* * *

Когда въ человѣкѣ естественныя наклонности преобладаютъ надъ воспитаніемъ, то выходитъ только грубый невѣжа; когда воспитаніе преобладаетъ надъ естественными наклонностями, то выходитъ только хитрый дѣлецъ; когда же воспитаніе и естественныя наклонности уравновѣшиваютъ другъ друга,—образуется человѣкъ высшей добродѣтели.

* * *

Ученый—какъ свѣтлая вода, которая радуетъ, милосердный—какъ вершина вѣчныхъ горъ, которая радуетъ. Ученый имѣетъ въ себѣ великое начало движенія; милосердный имѣетъ въ себѣ великое начало покоя. У ученаго есть много предметовъ для мгновенныхъ радостей, у милосерднаго—вѣчность.

* * *

Милосердіе, такъ ли оно далеко отъ насъ, какъ мы думаемъ? Я хочу обладать милосердіемъ,—и вотъ оно уже приходитъ ко мнѣ.

* * *

Учитель говоритъ: я не могу надѣяться увидѣть человѣка святого; все, что я могу—это надѣяться увидѣть человѣка мудраго.

* * *

Когда Конфуцій былъ очень боленъ, одинъ изъ учениковъ его, Тсё-Лу, просилъ его позволить имъ обратиться съ молитвою къ Духамъ и Геніямъ. Учитель сказалъ: должно ли молиться? Тсё-Лу отвѣтилъ почтительно: должно; ибо сказано въ книгѣ, озаглавленной Луи: «обращайтесь съ молитвами къ Духамъ и Геніямъ, живущимъ внизу и вверху, на землѣ и на небѣ». Тогда Конфуцій сказалъ: моя молитва—непрестанная, моя молитва—вся жизнь!

* * *

Можно заставить народъ слѣдовать законамъ справедливости и разума, нельзя заставить его понять эти законы.

* * *

Люди, преданные литературѣ, не могутъ не имѣть души твердой и возвышенной, потому что бремя ихъ тяжкое, путь ихъ долгій.

* * *

Человѣкъ высшей добродѣтели обладаетъ ясностью и спокойствіемъ; человѣкъ изъ толпы испытываетъ вѣчную тревогу и смятеніе.

* * *

Если государство управляется по законамъ разума, то надо стыдиться безславія и нищеты; если государство не управляется по законамъ разума, надо стыдиться почестей и богатства.

* * *

Имѣйте такой страхъ, такую осторожность, какъ будто всегда передъ вами—глубокая пропасть, какъ будто всегда вы ходите по тонкому льду.

* * *

Учитель говоритъ: обладаю ли я въ самомъ дѣлѣ какимъ-нибудь знаніемъ? Не знаю. Но если мнѣ встрѣтится человѣкъ еще менѣе знающій, который предложитъ вопросъ, хотя бы самый пустой,—я отвѣчу, какъ могу, изслѣдуя предметъ со всѣхъ сторонъ.

* * *

Когда приходитъ зимняя пора—тогда только мы узнаемъ природу сосны и кипариса, ибо вѣтви ихъ не обнажаются, между тѣмъ, какъ падаютъ листья со всѣхъ другихъ деревьевъ.

* * *

Учитель говоритъ: увы! я еще донынѣ не видѣлъ никого, кто любилъ бы добродѣтель, хотя такъ, какъ всѣ любятъ красоту тѣлесную.

* * *

У войска, состоящаго изъ трехъ полковъ—въ 37.500 человѣкъ, можно отнять полководца; у человѣка самаго ничтожнаго нельзя отнять его мысли!

* * *

Когда Конфуцій жилъ въ своей деревнѣ, онъ былъ искреннимъ и простымъ, но обладалъ такою скромностью, что казался лишеннымъ дара слова.

* * *

Одинъ изъ учениковъ спросилъ Конфуція: какъ надо служить Духамъ и Геніямъ? Учитель сказалъ: когда мы еще

и людямъ не умѣемъ служить, то гдѣ же намъ знать, какъ надо служить Духамъ и Геніямъ!—Позволь мнѣ спросить,—продолжалъ ученикъ,—что такое смерть? Учитель сказалъ: когда мы еще не знаемъ, что такое жизнь, гдѣ же намъ знать, что такое смерть!

* * *

Тсё-Кунгъ спросилъ, кто умнѣе изъ двухъ учениковъ Конфуція, Се или Шангъ. Учитель сказалъ: Се переступаетъ цѣль; Шангъ не достигаетъ цѣли.

— Значитъ, Се умнѣе, чѣмъ Шангъ?—продолжалъ Тсё-Кунгъ.

Тогда учитель сказалъ: переступать и не достигать—одно и то же.

* * *

Добродѣтель великаго человѣка—какъ вѣтеръ; добродѣтель обыкновенныхъ людей,—какъ трава: когда вѣтеръ пролетаетъ, трава подъ нимъ наклоняется.

* * *

Не обращать вниманія на сплетни, расходящіяся тихимъ шумомъ, какъ вода, которая просачивается; не обращать вниманія на обвиненія, истину которыхъ клеветники готовы подтвердить, отрѣзавъ себѣ кусокъ тѣла,—вотъ въ чемъ слѣдуетъ видѣть высшую степень проницательности!

* * *

Какъ прекрасно это изреченіе древнихъ царей: «Если бы мудрые и добродѣтельные люди только въ продолженіе семи лѣтъ могли управлять государствомъ, они усмирили бы жестокихъ и уничтожили казни. Избранные люди, занимая высокое положеніе, не выказываютъ гордости и тщеславія; человѣкъ ничтожный выказываетъ гордость и тщеславіе, не занимая высокаго положенія.

* * *

Были избранные люди, не обладавшіе милосердіемъ; но до сихъ поръ не было еще ни одного ничтожнаго человѣка, который бы обладалъ милосердіемъ.

* * *

Трудно быть бѣднымъ и не испытывать горечи, сравнительно легче быть богатымъ и не чувствовать гордости.

* * *

Избранный человѣкъ непрестанно возвышается въ разумѣ и проницательности; ничтожные люди непрестанно опускаются въ невѣжествѣ и порокѣ.

* * *

Избранный человѣкъ краснѣетъ отъ стыда и страха, чтобы слова его не пошли дальше чѣмъ дѣла его.

* * *

Учитель говоритъ: не возмущаться, когда люди тебя обманываютъ, не остерегаться невѣрности, когда ее заранѣе предвидишь,—не значитъ ли это быть мудрымъ?

* * *

Въ древности любили знаніе для себя; теперь любятъ знаніе для другихъ (изъ тщеславія).

Учитель говоритъ: прямыхъ путей, или главныхъ добродѣтелей—три, и ни одной изъ нихъ я еще не могъ вполнѣ достигнуть: первая—Милосердіе, уничтожающее скорбь, вторая—Знаніе, уничтожающее сомнѣнія, третья—Мужество, уничтожающее страхъ.

* * *

Одинъ человѣкъ спросилъ Конфуція: что слѣдуетъ думать о томъ, кто воздаетъ добромъ за зло?

Учитель сказалъ: если онъ воздастъ добромъ за зло, то чѣмъ же онъ будетъ воздавать за добро? Нѣтъ, должно воздавать справедливости за ненависть и оскорбленія, а благодѣяніями за благодѣянія!

* * *

Учитель сказалъ: меня никто не знаетъ! Тсё-Кунгъ сказалъ: какъ это могло случиться, что тебя никто не знаетъ?

Учитель сказалъ: я не ропщу на небеса, не сержусь на людей. Смиренный и простой ученикъ, я самъ достигъ того, что понялъ многое. Если же кто знаетъ душу мою, то это одно только Небо!

* * *

Учитель говоритъ: мудрые бѣгутъ отъ вѣка сего.

* * *

Не былъ ли древній императоръ Шунъ такимъ властителемъ, который управлялъ государствомъ, бездѣйствуя? Какъ же онъ поступалъ? Постоянно воплощая совершенный образъ добродѣтели, онъ обращалъ лицо свое прямо къ полуденному солнцу, народъ его видѣлъ, и этого было довольно!

* * *

Человѣкъ избранный живетъ въ мирѣ съ толпою, хотя онъ не изъ толпы.

* * *

Человѣкъ избранный всего ищетъ въ себѣ; человѣкъ ничтожный всего ищетъ въ другихъ.

* * *

Тѣ, кто со дня рожденія обладаютъ знаніемъ, первые лучшіе люди; тѣ, кто посредствомъ ученія пріобрѣтаютъ

знанія, слѣдуютъ за ними; потомъ тѣ, кто, имѣя умъ тяжелый и грубый, посредствомъ ученія пріобрѣтаетъ знанія; и, наконецъ, тѣ, кто, имѣя умъ тяжелый и грубый, ничему не учатся и ничего не знаютъ, это послѣдніе изъ людей.

* * *

Человѣкъ избранный не можетъ быть вполнѣ оцѣненъ и понятъ въ маломъ, потому что онъ способенъ на великое, человѣкъ обыкновенный можетъ быть вполнѣ оцѣненъ и понятъ въ маломъ.

* * *

Ничтожные люди не знаютъ воли Неба и потому не чтятъ ея; они мало цѣнятъ великихъ людей и смѣются надъ словами святыхъ.

* * *

По природѣ мы всѣ очень близки другъ другу; по воспитанію очень далеки.

* * *

Люди, пренебрегающіе знаніемъ, становятся лицомъ къ стѣнѣ.

* * *

Честолюбіе древнихъ мужей стремилось къ великому и презирало малое; честолюбіе людей нашего времени умѣренно въ великомъ и безмѣрно въ маломъ.

* * *

Учитель сказалъ: я не хочу терять времени на слова.

Тсё-Кунгъ сказалъ: если учитель нашъ не будетъ говорить, какъ же ученики, передадутъ слова его потомству?

Учитель сказалъ: какъ Небо говоритъ? Четыре времени года слѣдуютъ одно за другимъ; всѣ существа рождаются и умираютъ одно за другимъ. Какъ Небо говоритъ?

* * *

Мудрость нашего учителя недостижима: онъ подобенъ Небу, на которое нельзя взойти даже по высочайшимъ лѣстницамъ

* * *

Пѣсня птицы передъ смертью становится жалобной; слова человѣка передъ смертью становятся добродѣтельными.

IV

Изъ книги Менгъ-Тсё (Менція).

Народъ умираетъ отъ голода на поляхъ и на большихъ дорогахъ, а ты, о царь, не хочешь открыть ему житницы. Когда ты видишь человѣка, умирающаго отъ голода, ты говоришь: не я виноватъ, а неурожай. Но развѣ это не то же самое, если бы кто-нибудь, пронзивъ своего врага мечомъ, сказалъ: не я виноватъ, а мечъ!

* * *

Если царь радуется съ народомъ, народъ радуется съ царемъ. Если царь скорбитъ съ народомъ, народъ скорбитъ съ царемъ. Пусть только царь радуется со всѣми и скорбитъ со всѣми, тогда никто не подумаетъ противиться его власти.

* * *

Царь спросилъ: имѣетъ ли право министръ свергнуть съ престола или убить своего государя?

Менгъ-Тсё отвѣтилъ: тотъ, кто воруетъ у Милосердія, называется грабителемъ; тотъ, кто воруетъ у Справедли-

вости, называется тираномъ. А тиранъ и грабитель такіе люди, которыхъ называютъ «одинокими», «отверженными». Я, правда, слышалъ, что нѣкогда министръ Чингъ-Тангъ умертвилъ «одинокаго», «отверженнаго», котораго звали императоромъ Шеу-Синъ; но никогда не слыхалъ, чтобы онъ убилъ своего государя.

* * *

Тзенгъ-Тсё говорилъ: «Берегитесь! Берегитесь! Что исходитъ отъ васъ, то и возвратится къ вамъ».

Теперь уже народъ дошелъ до того, что онъ возвращаетъ то, что ему даютъ. Пусть же царь не обвиняетъ его!

* * *

Менцій спросилъ царя почтительно: убить человѣка палкою или мечомъ, — находишь ли ты въ этомъ какую-нибудь разницу?

Царь сказалъ: никакой.

— А убить человѣка мечомъ или дурнымъ правительствомъ,—находишь ли ты въ этомъ какую-нибудь разницу?

Царь сказалъ: никакой.

Тогда Менцій воскликнулъ: вотъ ваши кухни полны мяса; ваши стойла полны откормленными на убой животными. Но блѣдныя лица земледѣльцевъ свидѣтельствуютъ о голодѣ, и поля усѣяны трупами умершихъ отъ изнуренія! Поступать такъ, значитъ, отдавать людей на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ!.. Ты же, о царь, долженъ быть отцомъ и матерью народа.

* * *

Только тогда, если царь раздѣлитъ съ народомъ свои радости и скорби, онъ будетъ царствовать воистину!

* * *

Царь, умоляю тебя, не люби храбрости обыкновенныхъ людей; думай только о храбрости великихъ людей!

* * *

Если ты обладаешь кускомъ нетраненой яшмы, хотя бы онъ вѣсилъ 200.000 китайскихъ унцій, ты все-таки позовешь гранильщика, чтобы отгранить и отшлифовать камень. Если же въ дѣлахъ управленія государствомъ ты скажешь, царь, мудрецамъ своимъ: забудьте все, чему вы учились и слѣдуйте только моимъ совѣтамъ!—не поступишь ли ты такъ же, какъ если бы сталъ учить гранильщика. какъ ему слѣдуетъ гранить и шлифовать яшмовую глыбу.

* * *

Не слѣдуетъ слишкомъ торопиться въ стремленіи даже и къ самымъ добрымъ цѣлямъ, не слѣдуетъ походить на человѣка изъ королевства Сунгъ. Въ королевствѣ Сунгъ нѣкій человѣкъ приходилъ въ отчаяніе о томъ, что его пшеница медленно растетъ; онъ отправился въ поле, и сталъ тянуть стебли колосьевъ изъ земли, чтобы заставить ихъ поскорѣе расти. Вернувшись домой съ глупымъ и растерянным видомъ, онъ сказалъ домашнимъ: сегодня я очень усталъ, цѣлый день помогалъ пшеницѣ расти. Тогда сыновья побѣжали, чтобы взглянуть на пшеницу и увидѣли, что всѣ стебли колосьевъ высохли. На свѣтѣ мало людей, которые бы не помогали пшеницѣ расти.

* * *

Когда небо посылаетъ несчастія, мы иногда можемъ избѣгнуть ихъ, когда же мы сами на себя навлекаемъ ихъ, то уже ничто не избавитъ насъ отъ гибели.

* * *

У людей въ деревняхъ бываетъ великое милосердіе.

* * *

Одинъ философъ Шингъ-Зіангъ пришелъ къ Менцію и передалъ ему слѣдующія слова другого философа Гіу-Хинга, покинувшаго городъ и подражавшаго въ своей жизни простымъ земледѣльцамъ: «Царь Тенгъ, — говоритъ Гіу-Хингъ, — воистину мудрый царь. Но хотя это и такъ, а все-таки философы его еще не научили главному, — самому добывать хлѣбъ. Истинно мудрый царь самъ обрабатываетъ землю и самъ себя кормитъ вмѣстѣ съ народомъ: онъ управляетъ и въ то же время пашетъ, какъ послѣдній изъ крестьянъ. Царь же Тенгъ никому не открывалъ своихъ хлѣбныхъ амбаровъ и житницъ. Поступая такъ, онъ обижаетъ народъ, чтобы кормить себя. Зачѣмъ же называютъ его мудрымъ?

Менцій сказалъ: конечно, философъ - земледѣлецъ, такъ строго осуждающій царя Тенга, самъ сѣетъ хлѣбъ, которымъ питается?

— Да.

— И самъ ткетъ полотно, которымъ одѣвается?

— Нѣтъ. Философъ употребляетъ шерстяныя одежды.

— Можетъ-быть, онъ употребляетъ и шляпу?

— Да.

— Какую?

— Простую, полотняную, безъ украшеній.

— Онъ самъ ткетъ полотно для шляпы?

— Нѣтъ, получаетъ его въ обмѣнъ на хлѣбныя зерна.

— Почему же философъ самъ не ткетъ полотна?

— Чтобы не отнимать лишняго времени у своихъ земледѣльческихъ работъ.

— Употребляетъ ли философъ мѣдные сосуды или глиняные, чтобы варить себѣ пищу? Употребляетъ ли онъ желѣзный заступъ, чтобы приготовить землю къ посѣву?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— И самъ ихъ дѣлаетъ?

— Нѣтъ, получаетъ ихъ въ обмѣнъ на хлѣбныя зерна.

— Если земледѣлецъ, получающій въ обмѣнъ на хлѣбныя зерна орудія и кухонные сосуды, не думаетъ причинять никакого вреда тѣмъ, кто производитъ эти орудія и сосуды, то въ свою очередь и они, получая хлѣбныя зерна въ обмѣнъ на свои земледѣльческія орудія и кухонные сосуды, думаютъ ли причинять вредъ земледѣльцу? Зачѣмъ же философъ Гіу-Хингъ, пашущій землю, не дѣлается также и горшечникомъ, и кузнецомъ? Тогда бы онъ могъ взять изъ собственной мастерской всѣ эти предметы, которые ему необходимы. Зачѣмъ столько хлопотъ о мѣнѣ хлѣбныхъ зеренъ на произведенія другихъ ремесленниковъ? Какъ философъ, покинувшій города для деревень, не боится такихъ сѵетныхъ занятій?

Шингъ-Зіангъ отвѣчалъ:

— Нельзя въ одно и то же время заниматься и ремеслами и земледѣльческими работами.

— А если такъ,—возразилъ Менцій,—то значитъ управленіе государствомъ есть, по мнѣнію философа Гіу-Хинга, единственное занятіе, которое можно соединить съ земледѣльческими работами? Есть дѣла, которыя принадлежатъ великимъ людямъ, есть другія, которыя принадлежатъ людямъ обыкновеннымъ. Одинъ человѣкъ, обрабатывая землю, приготовляетъ себѣ, посредствомъ обмѣна, всѣ вещи, производимыя различными ремесленниками. Если бы каждый былъ принужденъ дѣлать самъ для себя все необходимое, то ни у кого ни для чего не хватило бы времени! Вотъ почему сказано: одни работаютъ умомъ, другіе работаютъ руками. Тѣ, кто работаетъ умомъ, управляютъ людьми; тѣ, кто работаетъ руками, управляемы людьми; управляемые доставляютъ пищу людямъ, управляющіе получаютъ пищу отъ людей. Таковъ общій законъ міра.

* * *

Конфуцій говоритъ: есть два великихъ пути: путь милосердія и путь жестокости. Другихъ путей нѣтъ.

* * *

Если начинаютъ сраженіе, чтобы пріобрѣсти землю, тогда тѣла убитыхъ покрываютъ завоеванную землю; если начинаютъ сраженіе, чтобы взять приступомъ городъ, тогда тѣла убитыхъ наполняютъ взятый городъ. Вотъ что называется «кормить землю кровью и плотью человѣческой». Недостаточно смертной казни, чтобы искупить такое злодѣйство. Того, кто всю свою добродѣтель полагаетъ въ войнахъ, слѣдовало бы казнить самою лютою казнью!

* * *

Былъ однажды человѣкъ, который каждый день воровалъ куръ у сосѣдей. Нѣкто сказалъ ему: «То, что ты дѣлаешь, недостойно честнаго человѣка». Но воръ отвѣчалъ: «Мнѣ самому очень хочется поправиться, только мало-по-малу: отнынѣ я до будущаго года буду брать по одной курицѣ въ мѣсяцъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ перестану воровать».

Если ты понялъ, что поступаешь несправедливо,—прекрати зло сейчасъ же. Зачѣмъ откладывать до будущаго года?

* * *

Одинъ изъ учениковъ спросилъ: почему добродѣтельный человѣкъ не можетъ самъ воспитать своихъ дѣтей?

Менцій сказалъ: потому, что онъ не можетъ наказывать своихъ дѣтей. Тотъ, кто воспитываетъ, долженъ наказывать. Когда ребенокъ поступаетъ не такъ, какъ должно, отецъ сердится, когда онъ сердится, то выказываетъ раздраженіе и тѣмъ самымъ уже оскорбляетъ чувство нѣжности, которое долженъ питать сынъ къ отцу. «Мой учитель (говоритъ сынъ объ отцѣ) долженъ бы наставлять меня въ правилахъ добродѣтели, а самъ никогда не слѣдуетъ этимъ правиламъ. И такимъ образомъ сынъ и отецъ другъ друга оскорбляютъ. Если же сынъ и отецъ другъ друга оскорбляютъ, то происходитъ великое зло.

* * *

Если государь смотритъ на министровъ, какъ на свои руки и ноги, то министры будутъ смотрѣть на государя, какъ на свою голову и сердце; если государь смотритъ на министровъ, какъ на своихъ собакъ и лошадей, то министры будутъ смотрѣть на него, какъ на ничтожнаго человѣка изъ толпы.

* * *

Добрый, старый царь Венъ-Вангъ заботился о своемъ народѣ, какъ о тяжело-раненомъ, за которымъ надо ухаживать съ нѣжностью.

* * *

Великій человѣкъ тотъ, кто не потерялъ невинности и сердечной простоты своего дѣтства.

* * *

Небо вѣчно безмолвствуетъ; но оно выражаетъ свою волю дѣйствіями великихъ людей.

* * *

Когда добродѣтель ослаблена, власть въ государствѣ переходитъ не отъ мудраго къ мудрому, а отъ отца къ сыну.

* * *

Тѣ, кто не испытываетъ стыда, уже не люди.

* * *

Тѣ, кто ждетъ появленія великаго царя или героя, чтобы стряхнуть сонъ души своей и начать новую жизнь, принадлежатъ къ числу ничтожныхъ людей. Избранные люди не ждутъ появленія великаго царя или героя, чтобы начать новую жизнь.

* * *

Когда императоръ Шунъ жилъ въ глубокихъ пещерахъ пустынной горы, среди скалъ и лѣсовъ, когда онъ проводилъ дни свои съ оленями и кабанами, онъ немногимъ отличался отъ другихъ охотниковъ, которые также обитали въ глубокихъ пещерахъ этой пустынной горы. Но только что Шунъ слышалъ доброе или мудрое слово, только что Шунъ видѣлъ благородный поступокъ, онъ чувствовалъ, что въ сердцѣ его кипитъ и клокочетъ страсть къ добру, какъ волны великихъ рѣкъ Кіангъ и Хо, которыя, разрушивъ свои плотины, устремляются въ бездны, такъ что уже никакая сила человѣческая не можетъ ихъ удержать.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Автобіографическая замѣтка [1]).

Мой покойный отецъ разсказывалъ мнѣ, что прадѣдъ мой Ѳедоръ Мерѣжки былъ войсковой старшина на Украйнѣ, въ городѣ Глуховѣ. Дѣдъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка, въ царствованіе императора Павла I, пріѣхалъ въ Петербургъ и, въ качествѣ дворянина, поступилъ младшимъ чиномъ въ Измайловскій полкъ. Тогдато, вѣроятно, и перемѣнилъ онъ свою малороссійскую фамилію Мерѣжки на русскую — Мережковскій. Изъ Петербурга переведенъ былъ въ Москву и принималъ участіе въ войнѣ 12-го года.

Отецъ мой, Сергѣй Ивановичъ, родился въ 1821 г. въ Москвѣ отъ второй жены Ивана Ѳедоровича, Курбской. Жилъ въ Рогожской части, воспитывался въ пансіонѣ г-жи Либерманъ. Поступилъ на казенную службу въ 1839 г. Служилъ сначала у оренбургскаго губернатора Талызина, потомъ у оберъ-гофмаршала гр. Шувалова помощникомъ столоначальника, а затѣмъ столоначальникомъ въ придворной конторѣ. Должность эту занималъ и при министрѣ Двора гр. Адлербергѣ, въ теченіе всего царствованія Александра II.

Въ 1853 г. женился на Варварѣ Васильевнѣ Чесноковой, дочери управляющаго канцеляріей петербургскаго оберъ-полицмейстера.

Я родился 2-го августа 1865 г. въ Петербургѣ, на Елагиномъ островѣ, въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій, гдѣ наша

---

[1]) Написано по просьбѣ проф. С. А. Венгерова для выходящаго подъ его редакціей изданія «Русская литература XX вѣка».

семья проводила лѣто на дачѣ. До сихъ поръ я люблю унылыя болотистыя рощи и пруды елагинскаго парка, гдѣ мы, дѣти, начитавшись Майнъ-Рида и Купера, играли «въ дикихъ». Еще уцѣлѣла та сосна, на которой я устроилъ себѣ сидѣнье изъ дощечекъ между вѣтвями, чтобы тамъ, на высотѣ, сидя, какъ птица, читать, мечтать и чувствовать себя далеко отъ людей, вольнымъ, «дикимъ». Помню, какъ мы забирались въ темные подвалы дворца, гдѣ на влажныхъ сводахъ блестѣли при свѣтѣ огарка сталактиты, или на плоскій зеленый куполъ того же дворца, откуда видно взморье; помню, какъ мы катались на лодкѣ, разводили костры на песчаныхъ отмеляхъ Крестовскаго острова, пекли картофель и опять чувствовали себя «дикими»

Зимою мы жили въ старомъ-престаромъ, еще петровскихъ временъ, Бауеровомъ домѣ, на углу Невы и Фонтанки, у Прачешнаго моста,противъ Лѣтняго Сада: съ одной стороны—лѣтній дворецъ Петра I, съ другой—его же домикъ и древнѣйшій въ Петербургѣ деревянный Троицкій соборъ. Квартира казенная, огромная, со множествомъ комнатъ, жилыхъ и парадныхъ, въ двухъ этажахъ. Окна на сѣверъ; комнаты большія, мрачныя; обстановка торжественно-чиновничья. Отецъ не любилъ, чтобы дѣти шумѣли и мѣшали ему заниматься: мы проходили мимо дверей его кабинета на цыпочкахъ.

Мнѣ теперь кажется, что въ немъ было много хорошаго. Но, угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой временъ николаевскихъ, онъ не сумѣлъ устроить семьи. Насъ было девять человѣкъ: шесть сыновей и три дочери. Въ дѣтствѣ жили мы довольно дружно, но затѣмъ разошлись, потому что настоящей духовной связи, всегда отъ отца идущей, между нами не было.

Я былъ младшій изъ сыновей, и мать меня любила больше всѣхъ. Если есть во мнѣ что-нибудь доброе, я этимъ обязанъ ей одной.

Когда мнѣ было лѣтъ 7 или 8, я едва не умеръ отъ дифтерита. Только мать выходила меня.

Часто уѣзжая въ долгія служебныя командировки, за границу или на южный берегъ Крыма, въ Ливадію, гдѣ

тогда жила больная государыня, отецъ оставлялъ дѣтей на попеченіе старой экономки, ревельской нѣмки Амаліи Христьяновны. Она была добрая, неумная, запуганная. Я ее не то что любилъ, а какъ-то дѣтски жалѣлъ. Была у меня и старая няня, которая разсказывала мнѣ русскія сказки и житія святыхъ. Помню темный уголъ съ образомъ, съ тихимъ свѣтомъ лампадки и никогда не повторявшееся счастіе дѣтской молитвы. Въ церковь ходить я не очень любилъ: священники въ пышныхъ ризахъ казались мнѣ страшными.

Иногда, по просьбѣ матери, отецъ бралъ меня съ собой въ Крымъ, гдѣ у насъ было имѣньице по дорогѣ на водопадъ Учанъ-Су. Тамъ я впервые почувствовалъ прелесть южной природы. Помню великолѣпный дворецъ въ Ореандѣ, отъ котораго остались теперь однѣ развалины. Бѣлыя мраморныя колонны на морской синевѣ — для меня вѣчный символъ древней Греціи.

Я воспитывался въ 3-й классической гимназіи. То былъ конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ,— самое глухое время классицизма: никакого воспитанія, только убійственная зубрежка и выправка. Директоръ— выжившій изъ ума, старый нѣмецъ Лемоніусъ, очень похожій на свою фамилію. Учителя—карьеристы. Никого изъ нихъ добромъ помянуть не могу, кромѣ латинскаго учителя Кесслера, автора извѣстной грамматики; онъ тоже добра намъ не дѣлалъ, но, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на насъ глазами добрыми.

Съ товарищами я мало сходился: былъ нелюдимъ и застѣнчивъ. Нѣсколько ближе, и то не очень, сошелся съ Евг. Соловьевымъ, впослѣдствіи публицистомъ и критикомъ (теперь уже покойнымъ); но и съ нимъ — не по сходству, а по противоположности: онъ былъ скептикъ, я уже и тогда немного мистикъ.

Лѣтъ 13-ти началъ писать стихи. Помню двѣ первыя строчки перваго стихотворенія:

Сбѣжали тучи съ небосвода,
И засіяла въ немъ лазурь.

Это было подражаніе «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина. Тогда же написалъ первую критическую статью, классное сочиненіе на «Слово о полку Игоревѣ», за которое учитель русскаго языка Мохначевъ поставилъ мнѣ пятерку. Я чувствовалъ такую авторскую гордость, которой потомъ уже никогда не испытывалъ.

1-го марта 1881 года я ходилъ взадъ и впередъ по нашей столовой въ нижнемъ этажѣ дома, сочиняя подражаніе Корану въ стихахъ, когда прибѣжавшая съ улицы прислуга разсказала объ оглушительномъ взрывѣ, слышанномъ со стороны Марсова поля и Екатерининскаго канала черезъ Лѣтній Садъ. Отецъ пріѣхалъ къ обѣду изъ дворца весь въ слезахъ, блѣдный, разстроенный, и объявилъ о покушеніи на жизнь государя.

— Вотъ плоды нигилизма!—говорилъ онъ.—И чего имъ еще нужно, этимъ извергамъ? Такого ангела не пощадили...

Старшій братъ, Константинъ, студентъ - естественникъ (впослѣдствіи извѣстный біологъ), ярый «нигилистъ», началъ заступаться за «изверговъ». Отецъ закричалъ, затопалъ ногами, чуть не проклялъ сына и тутъ же выгналъ его изъ дому. Мать умоляла простить, но отецъ ничего не хотѣлъ слышать.

Ссора длилась долго, нѣсколько лѣтъ. Мать заболѣла отъ горя. Тогда и началась у нея та мучительная болѣзнь печени, которая свела ее въ могилу. Я всегда вспоминаю ее въ образѣ мученицы-заступницы за насъ, дѣтей, особенно за двухъ любимыхъ—за старшаго брата и за меня.

Въ послѣднихъ классахъ гимназіи я увлекался Мольеромъ и составилъ изъ своихъ товарищей «мольеровскій кружокъ». Ни о какой политикѣ у насъ и рѣчи не было, что не помѣшало мнѣ получить однажды повѣстку изъ третьяго отдѣленія. Насъ всѣхъ пригласили въ извѣстное зданіе у Полицейскаго моста, допрашивали и ни за что не хотѣли повѣрить, чтобы мальчики лѣтъ 16 — 17-ти не занимались «сверженіемъ существующаго строя». Если меня не арестовали и не выслали, — я этимъ обязанъ только положенію отца. Мать сумѣла скрыть отъ него это происшествіе.

Я продолжалъ писать стихи. Отецъ гордился ими, отдавалъ ихъ переписывать и показывалъ знакомымъ. Кажется, въ 1879 г., когда мнѣ было лѣтъ 14, онъ повезъ меня въ Алупку, къ 70-лѣтней старухѣ гр. Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Воронцовой. Я не зналъ, что имѣю счастье цѣловать ту руку, которую полвѣка назадъ цѣловалъ Пушкинъ.

Въ Петербургѣ въ 1880 году, познакомившись у гр. Толстой, вдовы поэта, съ Достоевскимъ, отецъ повезъ меня и къ нему. Помню крошечную квартирку на Колокольной, съ низенькими потолками, тѣсной прихожей заваленной экземплярами «Братьевъ Карамазовыхъ», и почти такой же тѣсный кабинетъ, гдѣ Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ за корректурами. Краснѣя, блѣднѣя и заикаясь, я читалъ ему свои дѣтскіе, жалкіе стишонки. Онъ слушалъ молча, съ нетерпѣливою досадою. Мы ему, должно-быть, помѣшали.

— Слабо, плохо, никуда не годится, — сказалъ онъ, наконецъ:—чтобъ хорошо писать,—страдать надо, страдать!

— Нѣтъ, пусть ужъ лучше не пишетъ, только не страдаетъ! — возразилъ отецъ.

Помню прозрачный и пронзительный взоръ блѣдно-голубыхъ глазъ, когда Достоевскій на прощанье пожималъ мнѣ руку. Я его больше не видѣлъ и потомъ вскорѣ узналъ, что онъ умеръ.

Тогда же познакомился я съ С. Я. Надсономъ, юнкеромъ Павловскаго военнаго училища, и полюбилъ его, какъ брата. Онъ былъ уже боленъ наслѣдственной чахоткой. Постоянно говорилъ о смерти. Мы много спорили съ нимъ о религіи. Онъ отрицалъ, я утверждалъ.

Надсонъ познакомилъ меня съ А. Н. Плещеевымъ, секретаремъ «Отечественныхъ Записокъ». Помню мелькающія въ дверяхъ сосѣдней комнаты худыя, острыя плечи, зябко укутанныя пледомъ, похожимъ на старушечій платокъ, хриплый, надорванный кашель и неистово рычащій голосъ М. Е. Салтыкова.

Первое стихотвореніе я напечаталъ, кажется, въ 1882 году, въ «Живописномъ Обозрѣніи», у Шеллера-Михайлова; потомъ сталъ печатать въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Окончивъ гимназію въ 1884 году, я поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета. Университетъ далъ мнѣ немногимъ больше, чѣмъ гимназія. У меня такъ же не было школы, какъ не было семьи.

Въ студенческіе годы я очень увлекался позитивной философіей — Спенсеромъ, Контомъ, Миллемъ, Дарвиномъ. Но, съ дѣтства религіозный, смутно чувствовалъ ея недостаточность, искалъ, не находилъ и безвыходно мучился.

Въ это время въ студенческомъ историческомъ обществѣ (кажется, оно такъ называлось?) я спорилъ съ В. В. Водовозовымъ, убѣжденнымъ позитивистомъ, доказывая ему, что невозможно обосновать міросозерцаніе, дающее смыслъ жизни, на «непознаваемомъ» Спенсера.

А. Н. Плещеевъ ввелъ меня въ домъ А. А. Давыдовой, жены извѣстнаго музыканта, директора петербургской консерваторіи. Здѣсь встрѣчался я съ Гончаровымъ, тогда уже слѣпымъ старикомъ, Майковымъ, Полонскимъ, а затѣмъ, когда основанъ былъ А. М. Евреиновой «Сѣверный Вѣстникъ», — съ его ближайшими сотрудниками: В. Г. Короленко, В. М. Гаршинымъ, Н. К. Михайловскимъ и Г. И. Успенскимъ. Я и самъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ журналѣ: напечаталъ въ немъ огромную и неуклюжую драматическую поэму «Сильвіо» и едва ли не первую сочувственную статью о Чеховѣ, только что выступившемъ тогда и почти никѣмъ еще не признанномъ.

Н. К. Михайловскій имѣлъ на меня большое вліяніе не только своими сочиненіями, которыми я зачитывался, но и своею благородною личностью. Онъ заказалъ мнѣ статью «О крестьянинѣ во французской литературѣ», которой, однако, не принялъ, потому что она оказалась очень слабою и не въ духѣ журнала. Михайловскій и Успенскій были два моихъ первыхъ учителя. Я ѣздилъ въ Чудово къ Глѣбу Ивановичу и проговорилъ съ нимъ всю ночь напролетъ о томъ, что тогда занимало меня больше всего, — о религіозномъ смыслѣ жизни. Онъ доказывалъ мнѣ, что слѣдуетъ искать его въ міросозерцаніи народномъ, во «власти земли». Далъ мнѣ адреса знатоковъ народной жизни, сельскихъ учителей

и статистиковъ, совѣтуя побывать у нихъ. Въ томъ же году, лѣтомъ, я ѣздилъ по Волгѣ, по Камѣ, въ Уфимскую и Оренбургскую губерніи, ходилъ пѣшкомъ по деревнямъ, бесѣдовалъ съ крестьянами, собиралъ и записывалъ наблюденія. Посѣтилъ въ Тверской губерніи крестьянина Василія Сютаева, основателя религіознаго ученія, напоминающаго толстовство. Л. Н. Толстой незадолго до меня былъ у Сютаева, и тотъ мнѣ много о немъ разсказывалъ.

Только что тогда появившаяся рукописная «Исповѣдь» Толстого произвела на меня впечатлѣніе огромное. Я смутно почувствовалъ, что позитивное народничество для меня еще не полная истина. Но все-таки намѣревался по окончаніи университета «уйти въ народъ», сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Помню, Н. М. Минскій смѣялся, дразнилъ меня и держалъ пари, что этого не будетъ. Онъ, конечно, выигралъ.

Въ «народничествѣ» моемъ много было ребяческаго, легкомысленнаго, но все же искренняго, и я радъ, что оно б ы л о въ моей жизни и не прошло для меня безслѣдно.

Почти въ это же самое время, подъ вліяніемъ Достоевскаго, а также иностранной литературы, Бодлэра и Эдгара Поэ, начиналось мое увлеченіе не декадентствомъ, а символизмомъ (я и тогда уже понималъ ихъ различіе). Сборникъ стихотвореній, изданный въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, я озаглавилъ «Символы». Кажется, я раньше всѣхъ въ русской литературѣ употребилъ это слово. «Какіе символы? Что значитъ: символы?»—спрашивали меня съ недоумѣніемъ.

По окончаніи университета я уѣхалъ лѣтомъ на Кавказъ встрѣтился тамъ случайно въ Боржомѣ съ З. Н. Гиппіусъ, очень скоро сдѣлалъ ей предложеніе, въ ту же зиму, въ Тифлисѣ, женился на ней и вернулся съ нею въ Петербургъ.

Въ дальнѣйшемъ буду кратокъ, потому что пишу не воспоминанія, а только автобіографическую замѣтку и не имѣю ни желанія, ни возможности излагать подробнѣе внутренній ходъ моего развитія, который считаю и донынѣ еще незаконченнымъ.

Весною того же года умерла моя мать. Смерть матери, болѣзнь жены и нѣкоторыя другія тяжелыя обстоятельства

моей личной жизни были причиной того религіознаго переворота, который я пережилъ. Часто обвиняютъ меня въ «схематичности», «книжности» моихъ религіозныхъ мыслей. Это невѣрно или, можетъ-быть, происходитъ отъ слабости моего литературнаго дарованія.

Могу сказать по совѣсти: все, что я говорю и думаю по вопросамъ религіознымъ, идетъ не отъ книгъ, не отъ чужихъ мыслей, а отъ моей собственной жизни, — все это я пережилъ.

Въ первомъ сборникѣ критическихъ статей «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ русской литературы» я пытался объяснить ученіе символизма не столько со стороны эстетической, сколько религіозной.

Въ эти годы я много путешествовалъ. Долго жилъ въ Италіи, въ Римѣ, во Флоренціи, а также въ Таорминѣ, въ Сициліи; побывалъ въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ. Тогда же издалъ второй сборникъ критическихъ статей «Вѣчные спутники». Переводилъ античныя трагедіи.

Въ 1893 году я началъ трилогію «Христосъ и Антихристъ», надъ которой работалъ лѣтъ 12. «Юліана Отступника» долго не могъ нигдѣ помѣстить: во всѣхъ редакціяхъ мнѣ отказывали. Наконецъ напечаталъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и то съ большимъ трудомъ и, такъ сказать, изъ милости. Вообще въ русской литературѣ встрѣчали меня недоброжелательно, и недоброжелательство это до сихъ поръ продолжается. Я могъ бы справить 25-лѣтній юбилей критическихъ гоненій безжалостныхъ.

Между «Леонардо» и «Петромъ» я написалъ «Л. Толстого и Достоевскаго». Эту работу тоже не могъ нигдѣ напечатать. Когда уже отчаялся, приняли ее въ «Мірѣ Искусства», пріютѣ всѣхъ «гонимыхъ и отверженныхъ».

Готовясь къ «Петру», ѣздилъ для изученія быта сектантовъ и старовѣровъ за Волгу, на Кержецъ, въ г. Семеновъ и на Свѣтлое озеро, гдѣ находится, по преданію, невидимый Китежъ-градъ. Здѣсь провелъ ночь на Ивана Купала въ лѣсу, на берегу озера, въ бесѣдѣ съ богомольцами и странниками, учителями разныхъ вѣръ, которые сходятся сюда

въ эту ночь со всей Россіи. Потомъ узналъ, что нѣкоторые изъ нихъ сохранили обо мнѣ добрую память.

Тогда же, въ концѣ 90-хъ годовъ, открылись религіозно-философскія собранія. Первая мысль о нихъ принадлежитъ не мнѣ, а З. Н. Гиппіусъ. Ею же основанъ журналъ «Новый Путь».

Скоро собранія были запрещены Побѣдоносцевымъ. Я ѣздилъ хлопотать за нихъ къ покойному митрополиту Антонію. Онъ отказалъ, ссылаясь на свою подчиненность свѣтскимъ властямъ.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній лавры на темной лѣстницѣ, ступивъ нечаянно на стеклянную крышу какого-то люка, я провалился, больно ушибся и порѣзался, — могъ бы ушибиться до-смерти. Это паденіе было для меня символическимъ: я понялъ, что мой подходъ къ православію добромъ не кончится.

Лѣтомъ въ 1904 году мы съ З. Н. ѣздили въ Ясную Поляну. Толстой принялъ насъ очень ласково. Мы ночевали у него и много бесѣдовали о религіозныхъ вопросахъ. Онъ хвалилъ очеркъ З. Н. о «Свѣтломъ озерѣ». На прощанье, оставшись со мной наединѣ, сказалъ, глядя мнѣ прямо въ глаза своими добрыми и немного страшными, маленькими, медвѣжьими, «лѣсными» глазками, напоминавшими дядю Ерошку:

— А мнѣ говорили, что вы меня не любите. Очень радъ, что это не такъ...

Я тогда уже смутно чувствовалъ, что въ моей книгѣ былъ не совсѣмъ справедливъ къ нему, и что, несмотря на глубочайшія умственныя расхожденія, Толстой мнѣ все-таки ближе, роднѣе Достоевскаго.

То, что я передумалъ, а главное—п е р е ж и л ъ въ революціонные годы 1905 — 1906, имѣло для внутренняго хода моего развитія значеніе рѣшающее. Я понялъ, — опять-таки не отвлеченно, а жизненно, — связь православія со старымъ порядкомъ въ Россіи, понялъ также, что къ новому пониманію христіанства нельзя иначе подойти, какъ отрицая оба начала вмѣстѣ.

Послѣ московскаго возстанія мы съ женою уѣхали въ Парижъ. Здѣсь, въ сотрудничествѣ съ Д. В. Философовымъ, издали на французскомъ языкѣ сборникъ статей, посвященныхъ изслѣдованію религіознаго значенія русской революціи.

Написанная мною въ Парижѣ драма «Павелъ I» тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ, въ 1908 году, была конфискована. Черезъ четыре года меня судили за нее, обвиняя въ «дерзостномъ неуваженіи къ Верховной власти». Оправдали только по счастливой случайности.

Тогда же, при переѣздѣ черезъ границу, въ Вержболовѣ, рукопись моего романа «Александръ I» была у меня отобрана.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Д. Мережковскій.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ и ЛИТЕРАТУРЫ о ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО.

СОСТАВИЛЪ О. Я. ЛАРИНЪ.

При составленіи указателей нами были использованы библіографическія пособія: 1) Мезіеръ. «Русская словесность XVIII и XIX ст.», ч. II. 2) Рубакинъ. «Среди книгъ». 3) Владиславлевъ. «Русскіе писатели. 4) Малининъ. «Что читать по русской литературѣ XIX вѣка». 5) Ульяновъ. Указатель журнальной литературы, выпускъ 1 и 2. 6) Біо-библіографическій указатель въ Энциклопедическомъ Словарѣ, изд. Граната. 7) Юбилейный сборникъ Общества любителей Россійской словесности. 8) Указатель къ журналу «Русское Богатство» за 1893—1911 гг. 9) Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 1880—1904 гг., составленный Б. М. Городецкимъ. 10) Указатель къ журналу «Нива». 11) «Журнальныя статьи по исторіи русской литературы», помѣщенныя Лященко въ «Литературномъ Вѣстникѣ» за 1901 г. 12) «Библіографическій ежегодникъ», подъ редакціей Владиславлева за 1911, 1912 и 1913 гг. 13) Журналъ «Бюллетени литературы и жизни» за 1911—1914 гг.

Въ виду того, что въ этихъ источникахъ почти совершенно не использованъ богатый матеріалъ, помѣщавшійся въ журналахъ: «Новый Путь», «Вопросы Жизни», «Міръ Искусства», «Вѣсы» и «Золотое Руно», въ которыхъ зачиналась и крѣпла современная литература, нами непосредственно просмотрѣны были полные комплекты этихъ журналовъ. Помимо того, нами просмотрѣны были журналы: «Сѣверный Вѣстникъ», «Cosmopolis», «Трудъ», «Вѣстникъ Иностранной Литературы» и «Театральная Газета». Остальныя указанія сдѣланы на основаніи нашихъ личныхъ записей.

Само собой разумѣется, что на полноту указаній мы не претендуемъ, такъ какъ достичь ея въ отношеніи къ автору, вызывавшему всегда въ печати горячіе споры, очень трудно. Совершенно не затронута нами, въ виду невозможности регистраціи, большая литература о Д. С. Мережковскомъ на иностранныхъ языкахъ и переводъ его произведеній на иностранные языки.

I.

Хронологическій указатель произведеній Д. С. Мережковскаго.

1881.

Сборникъ «Отклики»		Стихотвореніе.

1885.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№	1. «Отъ книги, лампой озаренной...» (Стихотвореніе).
	№	3. Франческа Римини. (Стихотвореніе).

1886.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№	2. «Когда вступалъ я въ жизнь...» (Стихотвореніе).
	№	5. «Порой, какъ образъ Прометея...» (Стихотвореніе).
	№	8. Орваси. Изъ Калидазы. (Стихотвореніе).
	№	11. Солнце. Мексиканская легенда. (Стихотвореніе).

1887.

«Сѣверный Вѣстникъ» . .	№	1. «Скажи мнѣ, почему...» (Стихотвореніе).
	№	7. «И хочу, но не въ силахъ любить...» (Стихотвореніе).
	№	9. Донъ-Кихотъ. (Стихотвореніе).
	№	12. «Задумчивый сентябрь...» (Стихотвореніе).
	—	«Кроткій вечеръ». (Стихотвореніе).

«Сѣверный Вѣстникъ» . . . № 12. «Въ мерцаньи блѣдныхъ звѣздъ...» (Стихотвореніе).
— «Черныя сосны...» (Стихотвореніе).

1888.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . . № 2. Восточный миѳъ. (Стихотвореніе).
№ 3. «Ужъ дышитъ оттепель...» (Стихотвореніе).
№ 4. «Лѣтнія, душныя ночи...» (Стихотвореніе).
№ 5. Смерть Всеволода Гаршина. (Стихотвореніе).
№ 11. «Кой-гдѣ листы...» (Стихотвореніе).
— «Въ темныхъ, росистыхъ вѣтвяхъ...» (Стихотвореніе).
— Старый вопросъ по поводу новаго таланта. (Статья).
№ 12. Флоберъ въ своихъ письмахъ. (Статья).

Д. Мережковскій. Стихотворенія (1883—1887). Спб. Стр. 300.

1889.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . . № 5. «Дома и призраки людей...» (Стихотвореніе).
— «Трепетныя зори...» (Стихотвореніе).
— Разсказы Вл. Короленко. (Статья).
№ 8 и 9 Донъ-Кихотъ и Санчо Пансо. (Статья).
№ 10. Имогена. (Стихотвореніе).
№ 11. «Мы въ одной долинѣ...» (Стихотвореніе).

«Трудъ» . . . . . № 11. Руссо. (Статья).
№ 22. Старый Гудъ. (Стихотвореніе).

1890.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . . № 2, 3, 4 и 5. Сильвіо. (Впослѣдствіи—«Возвращеніе къ природѣ») Фантастическая драма. (Стихи).
№ 11. Воронъ. Поэма Эдгарда-Поэ. (Переводъ въ стихахъ).
№ 12. «Повѣрь мнѣ—люди не поймутъ...» (Стихотвореніе).

«Русская Мысль»	№ 3 и 4.	Вѣра. (Повѣсть въ стихахъ).
«Русское Обозрѣніе»	№ 3.	«Преступленіе и наказаніе». Достоевскаго. (Критическій этюдъ).
«Трудъ»	№ 24.	И. А. Гончаровъ. (Критическій этюдъ).

1891.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№ 1.	«Какъ странникъ путь окончивъ...» (Стихотвореніе).
	№ 2 и 3.	Смерть. Петербургская поэма.
	№ 4.	«Какъ отъ рожденія слѣпой....» (Стихотвореніе). Написано въ 1890 г.).
	№ 11.	Пантеонъ. (Стихотвореніе. Написано въ Римѣ).
	—	Помпея. (Стихотвореніе).
	№ 12.	Маркъ Аврелій. (Стихотвореніе. Написано въ Римѣ).
«Вѣстникъ Европы»	№ 1.	Эсхилъ. «Скованный Прометей». (Переводъ въ стихахъ).
«Русская Мысль»	№ 6.	Семья. (Поэма).
	№ 12.	Addio Napoli. (Стихотвореніе).
Сборникъ «Нивы»	№ 3.	Легенда о Франциск'Ассизскомъ. (Стихи).
«Наблюдатель»	№ 12.	Пророкъ. (Разсказъ).
«Трудъ»	№ 2.	«Что ты можешь?...» (Стихотвореніе).
	№ 4.	А. Н. Майковъ. (Статья).
	№ 21.	Маркъ Аврелій. (Очеркъ).
	№ 24.	Кальдеронъ въ своей драмѣ «Поклоненіе Кресту». (Статья)

1892.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№ 1.	Везувій. (Стихотвореніе).
	№ 2.	Сорренто. (Стихотвореніе).
	№ 10.	Парки. (Стихотвореніе).
	№ 12.	Свѣтъ вечерній. (Стихотвореніе).
«Русское Обозрѣніе»	№ 2.	Гёте. Фаустъ. Прологъ на небѣ. (Переводъ въ стихахъ).
«Вѣстникъ Европы.	№ 4.	Софоклъ. Антигона. (Переводъ въ стихахъ).
Сборникъ «Нивы»	№ 2.	Венеція. (Стихотвореніе. Написано въ 1891 году).
	№ 3.	Гриндельвальдъ. (Стихотвореніе).

Сборникъ «Нивы» . . . . . № 5. Христосъ и душа человѣческая. Мистерія XIII вѣка. (Стихи).

№ 6. «Блаженъ, въ чьемъ сердцѣ...» (Стихотвореніе).

«Нива» . . . . . № 26. «Я бы людямъ не могъ разсказать...» (Стихотвореніе. Помѣчено—«Неаполитанскій заливъ»).

«Трудъ» . . . . . № 2. Волны. (Стихотвореніе).

№ 3. Праздникъ св. Константція. (Стихотвореніе. Написано на Капри).

№ 10. Надгробные цвѣты.. (Стихотвореніе. Написано въ Ниццѣ).

№ 11. Обыкновенный человѣкъ. (Стихотвореніе).

№ 12. Ночь. (Стихотвореніе).

Сборникъ «Помощь голодающимъ», изд. «Русск. Вѣд.» М. . . . . . Конецъ вѣка. Очерки современнаго Парижа. (Поэма).

Д. Мережковскій. Символы. (Пѣсни и поэмы). Изд. А. Суворина. Спб. Стр. 424.

Въ книгу вошли: Богъ.—Смерть. Францискъ Ассизскій.—Вѣра.—Пророкъ Исаія.—Одиночество.—Что можешь?—Волны.—Онъ про любовь ей говорилъ.—Римъ.—Пантеонъ.—Будущій Римъ.—Колизей.—Маркъ Аврелій.—Термы Каракаллы.—Сорренто.—Капри.—Праздникъ св. Константція.—Везувій. — Помпея. — Тибуръ. Addio Napoli. — Возвращеніе.—Небо и море. — У моря. — На южномъ берегу Крыма. — Христосъ, Ангелъ и Душа. — Монахъ.—Имогена.—Томимый грустью непонятной. — Смѣхъ боговъ.—Гимнъ красотѣ.—Семейная идиллія. — Возвращеніе къ природѣ.—Конецъ вѣка.—Скованный Прометей.—Воронъ.

1893.

«Трудъ» . . . . . № 1. Гроза прошла. Драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

«Трудъ»	№	2. Въ лѣсу (Стихотвореніе).
	№	3. Спокойствіе. (Стихотвореніе).
	№	4. Мистическое движеніе нашего вѣка. Отрывокъ. (Статья).
	№	9. «Напрасно видѣла три вѣка...» (Стихотвореніе).
	№	11. Лигейя. Фантастическая поэма Эдгара Поэ.
	№	12. Въ сумерки. (Стихотвореніе. Написано въ 1884 г.).
Сборникъ «Нивы»	№	3. «Нѣтъ, ей не жить...» (Стихотвореніе).
	№	9. Неуловимое. (Стихотвореніе).
	№	10. Разслабленный. Легенда. (Стихотвореніе. Написано въ 1891 г.).
«Нива»	№	1. Пѣвецъ. (Стихотвореніе. Написано въ 1892 году).
	№	30. Сѣрый день. (Стихотвореніе).
	№	33. Цвѣты. (Стихотвореніе).
	№	49. Изгнанники. (Стихотвореніе).
«Русская Мысль»	№	2. Монтань. (Статья).
	№	4. Сѣятель.
	№	6. Молчаніе.
«Вѣстникъ Европы»	№	1. Эврипидъ. Ипполитъ (переводъ въ стихахъ).
«Театральная Газета» . . .	№	8. Памяти Тургенева. (Статья).
	№	14. Памяти А. Н. Плещеева. (Статья).

Д. Мережковскій. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной литературы. Спб. Стр. 192.

Содержаніе: Руская поэзія и русская культура. — Настроеніе публики. — Порча языка. — Мелкая пресса. — Система гонораровъ. — Издатели. — Редакторы. — Современные русскіе критики. — Начало новаго идеализма въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Льва Толстого. — Любовь къ народу: Кольцовъ и Некрасовъ, Гл. Успенскій, Н. К. Михайловскій, Короленко. — Современное литературное поколѣніе. — А. Н. Майковъ, личность

поэта, стиль, отношеніе къ античному міру, къ христіанству и міру современному.—И. А. Гончаровъ, міросозерцаніе поэта, два типа: обломовщина и Вѣра. — О преступленіи и наказаніи Достоевскаго. — Достоевскій - художникъ. — Раскольниковъ.

1894.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . . № 11. Голубое небо. (Стихотвореніе). Осенью въ Лѣтнемъ саду. (Стихотвореніе).
№ 12. Пѣсня вакханокъ. (Стихотвореніе).

«Трудъ» . . . . . № 1. Успокоенные. (Стихотвореніе).
№ 5. Развѣнчанный лѣсъ. (Стихотвореніе).
№ 7. Крестьянинъ во французской литературѣ. Очерки. Глава I. Бальзакъ.
№ 9. Дѣти. (Стихотвореніе).
№ 10. «Эту заповѣдь въ сердцѣ своемъ...» (Стихотвореніе).
№ 11. Никогда. (Стихотвореніе).
№ 12. Пѣсня солнца. (Стихотвореніе).

«Вѣстникъ Иностранной Литературы» . . . . . № 1 и 2. Софоклъ. Эдипъ - Царь. (Переводъ въ стихахъ и предисловіе).
№ 11. Неоромантизмъ въ драмѣ. (Критическій очеркъ).
№ 12. Новѣйшая лирика. (Критическій очеркъ).

Литературныя Приложенія къ «Нивѣ» . . . . . № 1. Бѣлая ночь. (Стихотвореніе).
№ 5. Краткая пѣсня. (Стихотвореніе).
№ 6. Пчелы. (Стихотвореніе).
№ 8. Весеннее чувство. (Стихотвореніе).
№ 10. Снѣгъ. (Стихотвореніе).
№ 12. Признаніе. (Стихотвореніе). Написано въ 1886 году).

«Нива»	№	2. Dies iгае (Стихотвореніе).
	№	47. Сталь. (Стихотвореніе).
	№	53. (Юбилейный). Поэтъ. (Стихотвореніе. Съ автографомъ).

1895.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№	1, 2, 3, 4, 5 и 6. Отверженный. (Романъ).
	№	3. Леда. (Стихотвореніе).
	№	4. Скука. (Стихотвореніе).
	—	Зимній вечеръ. (Стихотвореніе).
	№	5. Леонардо да-Винчи. (Стихотвореніе. Написано въ 1894 году).
	№	7. Рабство любви. (Стихотвореніе).
	№	8. Не надо звуковъ. (Стихотвореніе).
	№	10. Темный ангелъ. (Стихотвореніе).
	№	11. Ноябрь. (Стихотвореніе).
	—	Санъ Сатиро. Изъ флорентинскихъ легендъ Анатоля Франса.
	№	12. Пустая чаша. (Стихотвореніе).
«Трудъ»	№	9. Крестьянинъ во французской литературѣ. Очерки. Глава II. Мишле.
	№	11. Портреты изъ эпохи Траяна. (Статья).
Литературныя Приложенія къ «Нивѣ»	№	3. Іовъ. Библейская поэма.
	№	6. На новомъ Замоскворѣчьи. (Очер).
	№	8. Княжна Дистина. Очеркъ изъ грузинской жизни.
	№	12. То, чѣмъ я былъ. (Стихотвореніе).
«Нива»	№	52. Рыцарь за прялкой. Новелла XV вѣка.
«Вѣстникъ Европы» . . .	№	7 Эврипидъ. Медея. (Переводъ въ стихахъ).
«Вѣстникъ Иностранной Литературы»	№	1. Изреченія китайской мудрости. Изъ книгъ Та-хіо (Великая Наука). Изъ книги Чунгъ-Юнгъ («Неизмѣнность въ Серединѣ). Изъ книги Лунъ-Ю. «Бесѣды мудрецовъ»). Изъ книги Менто-Тсё. (Менція).
	№	3. Желтолицые позитивисты (Статья).

1896.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№	1. «И вновь, какъ въ первый день...» (Стихотвореніе).
	№	7. Сорренто. (Стихотвореніе).
	№	8. Любовь сильнѣе смерти. Новелла XV вѣка.
	—	Наука любви. Новелла XV вѣка.
	№	9. Передъ грозой. (Стихотвореніе).
«Вѣстникъ Европы»	№	7. Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. (Переводъ въ стихахъ).
Литературныя Приложенія къ «Нивѣ»	№	5. Родное. (Стихотвореніе).
	№	8. Пиръ. Бытовая картина XIV вѣка по Р. Х.
	№	9. «Увы, что сдѣлалъ...» (Стихотвореніе).

П. Перцовъ. Философскія теченія русской поэзіи. Спб. Статьи Мережковскаго. Пушкинъ.—Кольцовъ.—А. Н. Майковъ.

Лонгусъ. Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ. Переводъ Мережковскаго. Спб.

Д. Мережковскій. Отверженный. Романъ. Спб.

Д. Мережковскій. Новыя стихотворенія. Изд. книжн. маг. М. Ледерле. Спб. 104+3.

1897.

«Сѣверный Вѣстникъ» . . .	№	1. Зимніе цвѣты. (Стихотвореніе).
	№	2. Спокойствіе. (Стихотвореніе).
«Cosmopolis»	№	2. Селеніе Винчи. Изъ путевого дневника. (Отрывокъ изъ подготовительныхъ работъ для будущаго романа. Помѣчено: Флоренція).
Литературныя Приложенія къ «Нивѣ»	№	6. «Синѣетъ море...» (Стихотвореніе).
	№	7 — 8. Превращеніе. Флорентинская новелла XV вѣка.
«Всемірная Иллюстрація» .	№	1, 2 и 3. Желѣзное кольцо. Новелла XV вѣка.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб.

Содержаніе: Акрополь.—Дафнисъ и Хлоя.—Маркъ Аврелій.—Плиній Младшій.—Кальдеронъ.—Сервантесъ.—Монтань.—

Флоберъ. — Ибсенъ. — Дотоевскій. — Гончаровъ. Майковъ. — Пушкинъ.

1898.

«Живописное Обозрѣніе» № 5. (Приложеніе). Любовь. (Разсказъ).

1899.

«Міръ Искусства» . . . . . № 1—2. Я. П. Полонскій. (Статья).
№ 7—8. Трагедія сладострастія и цѣломудрія.
№ 5. Праздникъ Пушкина.

«Живописное Обозрѣніе». № 1. (Прилож.). Ангелъ. (Разсказъ).

«Начало» . . . . . № 1, 2 и 4. Возрожденіе. (Романъ).

Д. Мережковскій. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. 2-е. Стр. 552+3.

П. Перцовъ. Философскія теченія русской поэзіи. Изд. 2-е.

1900.

«Міръ Божій» . . . . . № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12. Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи. Историческій романъ.

«Міръ Искусства» . . . . . № 1 — 2, 3—4, 7—8, 9—10, 11—12. Толстой и Достоевскій. Вступленіе. Т. и Д., какъ люди. Т. и Д., какъ художники.
№ 15 — 16. Памяти Урусова.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Переводъ Мережковскаго. Изд. 2-е.

1901.

«Міръ Искусства» . . . . . № 4, 5, 6, 7, 8—9, 10, и 11—12. Толстой и Достоевскій. (Христосъ и Антихристъ въ русской литературѣ. Толстой и Наполеонъ - Антихристъ. Достоевскій и Наполеонъ-Антихристъ. Христіанство Толстого. Христосъ и Антихристъ у Достоевскаго. Раздвоеніе у Толстого. Послѣднее соединеніе).
№ 2 — 3. Отцы и дѣти русскаго либерализма. Письмо въ редакцію.
№ 5. «Такъ жизнь ничтожествомъ страшна». (Стихотвореніе).
— Двойная бездна. (Стихотвореніе).

«Вѣстникъ Европы» . . . . № 5. Письмо въ редакцію.

Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. Изд. журнала «Міръ Искусства». Спб. Стр. 369.

Д. Мережковскій. Отцы и дѣти русскаго либерализма. Письмо въ редакцію. (Отд. оттискъ изъ журнала «Міръ Искусства», Спб. Стр. 11).

Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. Т. I. Изд. 2-е Спб., стр. 377

1902.

«Міръ Искусства» . . . . . № 2. Толстой и Достоевскій. (Заключеніе).

Сб. «Сѣверные цвѣты» . . . Молитва о крыльяхъ. (Стихотвореніе).

Трубный гласъ. (Стихотвореніе).

Дѣтское сердце. (Стихотвореніе. Написано въ 1900 году).

Веселыя думы. (Стихотвореніе).

«Новое Время» . . . . . № 9560. (15 октября). О новомъ значеніи древней трагедіи. (Вступительное слово къ представленію «Ипполита»).

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. Книгоизд. «Скорпіонъ». М. Стр. 153.

Любовь сильнѣе смерти. Наука любви. Двѣ итальянскія новеллы XV вѣка.—**Микель-Анжело.** Хроника XVI вѣка.—**Святой Сатиръ.** Флорентинская легенда. Книгоизд. «Скорпіонъ», М.

Эсхилъ. Скованный Прометей.— Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Эдипъ-Царь. Антигона.—Эврипидъ. Медея. Ипполитъ. Переводъ Д. С. Мережковскаго. Изд. М. В. Пирожкова. Спб.

Д. Мережковскій. Смерть боговъ. Юліанъ Отступникъ. Изд. 2-е. (М. В. Пирожкова). Спб. Стр. 328.

Д. Мережковскій. Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи. Изд. 2-е. (М. В. Пирожкова). Спб. Стр. 686.

Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. Т. II. (Религія Л. Толстого и Достоевскаго). Изд. журнала «Міръ Искусства». Спб. Стр. 530+55.

1903.

«Міръ Искусства» . . . . . № 3. О гигантахъ и пигмеяхъ. (Статья).

«Новый Путь» . . . . . № 1, 2 и 3. Судьба Гоголя. (Статья).

№ 2. Толстой и Русская церковь. (Рефератъ). Письмо въ редакцію. Отвѣтъ художнику А. Б.

Сб. «Сѣверные цвѣты» . . Петръ и Алексѣй. (Отрывокъ).

Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. Т. II. Изд. 2-е (М. В. Пирожкова). Спб. Стр. 530+45.

Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. Т. I. Изд. 3-е (М. В. Пирожкова). Спб. Стр. 375.

1904.

«Новый Путь» . . . . . № 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11 и 12. Петръ и Алексѣй. (Романъ).

№ 3. Новый Вавилонъ. (Статья).

№ 10. О свободѣ слова. (Статья).

Лонгусъ. Дафнисъ и Хлоя. Переводъ Мережковскаго. Изд. 2-е. (М. В. Пирожкова), Спб.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. Изд. 2-е. (М. В. Пирожкова). Спб. Стр. 152+1.

Софоклъ. Эдипъ-Царь. Антигона.— Эсхилъ. Скованный Прометей. Переводъ Д. Мережковскаго. Изд. 2-е (М. В. Пирожкова). Спб

Эврипидъ. Медея. Переводъ Мережковскаго. Изд. 2-е (М. В. Пирожкова). Спб.

Эврипидъ. Ипполитъ. Переводъ Мережковскаго. Изд. 2-е (М. В. Пирожкова). Спб.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1903 г. Книгоизд. «Скорпіонъ». М. Стр. 182+2.

Въ сборникъ вошли стихи: Богъ. — Addio Napoli. — Дѣти ночи. — Изгнанники. — Голубое небо. — Темный ангелъ.—Одиночество.—И хочу, но не въ силахъ любить. — Молчаніе. — Признаніе.— Любовь—вражда.—Одиночество любви. — Проклятіе любви. — Dies irae. — Пустая чаша. — Парки. — Скука.—Что ты можешь.— Старость. — Волны. — Двѣ пѣсни шута. — Природа.— Нирвана.—Если розы тихо осыпаются.—Усни.—Вечеръ.—Весеннее чувство.—Мартъ.—Ноябрь.— Осенью въ лѣтнемъ саду.—Успокоенныя. — Осенніе листья. — Мать Сталь.—На озерѣ Комо.— Помпея. — Смерть боговъ.—Парѳенонъ.—Титаны.—Римъ. — Пантеонъ. — Будущій Римъ. — Такъ жизнь ничтожествомъ страшна.— Двойная бездна. — О если бы

душа полна была любовью. — Дѣтское сердце. — Трубный гласъ. — Молитва о крыльяхъ.— Веселыя думы. — Леда. — Маркъ Аврелій.—Будда. — Іовъ. — Леонардо да Винчи. — Микель Анжело. — Франческа Римини. — Уголино. — Донъ-Кихотъ. — Разслабленный.—Христосъ, Ангелы и Душа. — Протопопъ Аввакумъ.—Францискъ Ассизскій.

1905.

«Вѣсы» . . . . . № 9—10. Умытыя руки. (Статья).
№ 11. О Чеховѣ. (Статья).

«Полярная Звѣзда . . . . . № 1. Мѣщанство и интеллигенція. (Статья).
№ 3. Грядущій Хамъ. (Статья).

«Вопросы Жизни» . . . . . № 4—5. Теперь или никогда. (Статья).
№ 11. О новомъ религіозномъ дѣйствіи. (Статья).

Д. Мережковскій. Трилогія. Христосъ и Антихристъ. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 609+2.

1906.

«Золотое Руно» . . . . . № 1, 2, 3 и 4 Старинныя октавы. (Поэма)
№ 4. Всѣ противъ всѣхъ. (Статья).

«Вѣсы» . . . . . № 2 и 3. Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. (Статья).
№ 3 и 4. Декадентство и общественность. (Статья).
— «Ослѣпительная снѣжность, усыпительная нѣжность...» (Стихотвореніе).

Д. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Изд. «Скорпіонъ». М. Стр. 219.

Д. Мережковскій. Грядущій Хамъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 185+1.

Въ книгу вошли статьи.—Грядущій Хамъ. — Чеховъ и Горькій. — Теперь или никогда.—

Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—Св. Софія.—О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

Д. Мережковскій. Теперь или никогда. Изд. «Свободная Совѣсть» М.

« **Христосъ и Антихристъ. Трилогія.** Изд. Пирожкова. Ч. I и II, изд. 3-е; ч. III, изд. 2-е.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Пушкинъ. Изд. 3-е. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 90.

Лонгусъ. Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ. Изд. М. М. Ледерле. Спб.

Софоклъ. Антигона. Переводъ Мережковскаго. Изд. 3-е. М. В. Пирожкова. СПБ.

Д. Мережковскій. Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 152 + 1.

1907.

«Русская Мысль» . . . . . № 2 и 3. Революція и религія. (Статья).

№ 8 и 9. Послѣдній святой. (Серафимъ Саровскій).

№ 11. Маковъ цвѣтъ. Драма. (Совмѣстно съ З. Н. Гиппіусъ и Д. В. Философовымъ).

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Маркъ Аврелій.—Плиній Младшій. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 70.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Акрополь.—Дафнисъ и Хлоя. Изд. 3-е, М. В. Пирожкова. Спб.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Ибсенъ. Изд. 3-е. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 42.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Кальдеронъ - Сервантесъ. Изд. 3-е. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 168.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Переводъ Мережковскаго. Изд. 3-е. Спб.

Софоклъ. Эдипъ-Царь. Переводъ Мережковскаго. Изд. 3-е. Спб.

Le Tsar et la Révolution, par D. Merejkovsky, Z. Hippius, D. Philosophoff. Paris.

1908.

«Образованіе» . . . . . № 7. Христіанство и государство. Отвѣтъ кн. Е. Трубецкому (Статья).

№ 8. Бѣсъ или Богъ. (Статья).

«Русская Мысль» . . . . . № 1. Въ обезьяньихъ лапахъ. (Статья).

№ 2. Павелъ I. (Драма).

№ 10. (12 января). Христіанскіе анархисты. (Статья).

«Рѣчь» . . . . . № 35. (10 февраля). Цвѣты мѣщанства. (Статья).

№ 47. (24 февраля). Красная Шапочка. (Статья).

№ 65. (16 марта). Еще одна Великая Россія. (Статья).

№ 190. (10 августа). Нѣмой пророкъ. (Статья).

№ 196. (17 августа). Христіанство и кесаріанство. (Статья).

№ 205. (28 августа). Левъ Толстой и революція. (Статья).

№ 279. (16 ноября). Интеллигенція и народъ. (Статья).

№ 307. (14 декабря). Борьба за догматъ. (Статья).

№ 314. (21 декабря). Петербургу быть пусту. (Статья).

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Монтань.—Флоберъ. Изд. 3-е М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 65.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Достоевскій.— Гончаровъ.— Майковъ. Изд. 3-е. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 86+5.

Д. Мережковскій. Не миръ, но мечъ. Къ будущей критикѣ христіанства. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 208.

Въ книгу вошли статьи: Мечъ. — Революція и религія.— Послѣдній святой. — Отвѣтъ на вопросъ. Предисловіе къ одной книгѣ.

Д. Мережковскій. З. Гиппіусъ. Д. Философовъ. Маковъ цвѣтъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 216.

Д. Мережковскій. Павелъ I. Драма. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Стр. 261. (Было конфисковано. Постановленіемъ суда отъ 18 сентября 1912 года арестъ снятъ).

Д. Мережковскій. Въ тихомъ омутѣ. Спб.

Въ книгу вошли статьи: Въ обезьяньихъ лапахъ. — Сошествіе въ адъ. — Асфодели и ромашка. — Красная шапочка.— Еще о великой Россіи.—Цвѣты мѣщанства. — Христіанскіе анархисты.—Реформація или революція. — Христіанство и государство. — Бѣсъ или Богъ.—Ми-

стическіе хулиганы. Нѣмой пророкъ. — Христіанство и кесаріанство. — Левъ Толстой. — Церковь. — Левъ Толстой и революція.

1909.

«Вѣсы» . . . . . № 1. Лермонтовъ. (Статья).
№ 10 — 11. Да не будетъ (Стихотвореніе).

«Русская Мысль» . . . . . № 3. Поэтъ сверхчеловѣчества. Лермонтовъ. (Статья).

«Рѣчь» . . . . . № 3. (4 января). Пророчество и провокація. (Статья).
№ 17. (18 января). Елизавета Алексѣевна. (Статья).
№ 38. (8 февраля). Сердце человѣческое и сердце звѣриное. (Статья).
№ 60. (3 марта). Письмо въ редакцію.
№ 65. (8 марта). Аракчеевъ и Фотій. (Статья).
№ 79. (22 марта). Головка виснетъ. (Статья).
№ 86. (29 марта). Когда воскреснетъ. (Статья).
№ 188. (12 іюля). Иванычъ и Глѣбъ. (Статья).
№ 112. (26 апрѣля). Семь смиренныхъ. (Статья).
№ 244. (6 сентября). Къ соблазну малыхъ сихъ. (Статья).
№ 265 и 266. (27 и 28 сентября). Конь блѣдный. (Статья).
№ 279. (11 октября). Царство Глѣба. (Статья.)
№ 286. (18 октября). Власть земли и власть неба. (Статья).
№ 300. (1 ноября). Свинья-Матушка. (Статья).
№ 314. (15 ноября). Земля во рту. (Статья).

«Русское Слово» . . . . . № 288. (16 декабря). Расколовшійся колоколъ. (Статья).

Д. Мережковскій. М. Ю. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Изд. «Пантеонъ». Спб. Стр. 88.

Д. Мережковскій. Гоголь. Творчество, жизнь и религія. Изд. «Пантеонъ». Спб. Стр. 234.

Д. Мережковскій. Л. Толстой и Достоевскій. Религія. Изслѣдованіе. Т. II: Изд. 3-е т-ва «Общественная Польза». Спб. Стр. 221.

Д. Мережковскій. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь и творчество. Изслѣдованіе. Т. I. Изд. 4-е т-ва «Общественная Польза». Спб. Стр. 315 + 13.

1910.

«Русское Слово» . . . . . № 13. (17 января). Братъ человѣческій. (Статья).

№ 108. (13 мая). Великій гнѣвъ. (Статья).

№ 138. (18 іюня). Ночью о солнцѣ. (Статья).

№ 141. (23 іюня). Любовь къ родинѣ. (Статья).

№ 211. (14 сентября). Балаганъ и трагедія. (Статья).

№ 217. (22 сентября). Востокъ или западъ. (Статья).

№ 236. (14 октября). Земной Христосъ. (Статья).

«Рѣчь» . . . . . № 30. (31 января). Страшное дитя. (Статья).

№ 308. (9 ноября). Смерть Толстого. (Статья).

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1910 г. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Стр. 253+8.

Въ собраніе вошли стихи: Богъ.—Addio Napoli.—Дѣти ночи.—Изгнанники.—Голубое небо.—Темный ангелъ.—Одиночество.—И хочу, но не въ силахъ любить я людей.— Молчаніе.—Признаніе.—Любовь—вражда.—Одиночество въ любви.—Проклятіе любви.—Dies irai.—Пустая чаша. — Парки.— Скука.—Что ты можешь. — Старость.—Волны.—Двѣ пѣсни шута.—Природа. — Нирвана. — Если розы тихо осыпаются. — Усни. — Вечеръ. — Весеннее чувство. — Мартъ. — Ноябрь. — Осенью въ лѣтнемъ саду.—Успокоенныя.—

Осенніе листья. Мать.—Сталь.—На озерѣ Комо. — Помпея. — Смѣхъ боговъ. — Парѳенонъ. — Титаны. — Римъ. — Пантеонъ. — Будущій Римъ. — Такъ жизнь ничтожествомъ страшна.—Двойная бездна. — О если бы душа полна была любовью. — Дѣтское сердце. — Трубный гласъ. — Молитва о крыльяхъ. Веселыя думы. — Леда. — Маркъ Аврелій. — Будда. — Іовъ. — Леонардо да Винчи.—Микель Анжело. — Франческо Римини.—Уголино.— Донъ-Кихотъ.—Разслабленный. — Христосъ, Ангелы и Душа. — Протопопъ Аввакумъ. — Францискъ Ассизскій.—Старинныя октавы.

Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. Стр. 336.

Д. Мережковскій. Больная Россія. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. Стр. 276.

Вошли слѣдующія статьи: Зимнія радуги. — Конь блѣдный.—Иванычъ и Глѣбъ. — Головка виснетъ. — Семь смиренныхъ.—Къ соблазну малыхъ сихъ.—Сердце человѣческое и сердце звѣриное. — Борьба за догматъ. — Аракчеевъ и Фотій.—Елизавета Алексѣевна.—Тургеневъ.—Пророчество и провокація.—Душа Сахара. — Свинья-Матушка. — Земля во рту.—Когда воскреснетъ.

1911.

«Русская Мысль» . . . . . № 5, 6, 10, 11 и 12. Александръ I. (Романъ).

«Рѣчь» . . . . . № 289. Національнизмъ и религія. (Статья).

«Русское Слово» . . . . . Апрѣль—ноябрь. Александръ I. (Отрывки изъ романа).

Д. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Гоголь. Творчество. Жизнь и религія. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Стр. 219.

Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Т. I. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. Ч. I. Смерть боговъ. Юліанъ Отступникъ. Стр. 336+6.

Т. II. Ч. II. Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи. Стр. 348.

Т. III. Ч. II. Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи. (Продолженіе). Стр. 376.

Т. IV. Ч. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Стр. 264.

Т. V. Ч. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. (Продолженіе). Стр. 275.

Т. VI. Повѣсти и легенды. Стр. 248. Вошли: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель Анжело. — Святой Сатиръ.

1912.

«Русская Мысль» . . . . . № 1, 3, 4, 10, 11 и 12. Александръ I. (Романъ). (Окончаніе).

№ 5. Письмо въ редакцію.

«Рѣчь» . . . . . № 1. (1 января). Чего пожелать русскимъ писателямъ на 1912 годъ. (Замѣтка).

«Русское Слово» . . . . . № 289. (15 декабря). Новая пьеса Л. Андреева. (Статья).

№ 293. (20 декабря). Два отреченія. (Статья).

№ 298. (25 декабря). «И снилась мнѣ заря туманная...» (Стихотвореніе).

Январь — декабрь. Александръ I. (Отрывки изъ романа).

Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Т. VII. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Ч. I и II. Стр. 310.

Т. VIII. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Ч. III. Стр. 222.

Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Т. IX. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Ч. III. (Окончаніе). Стр. 251.

Т. X. Не миръ, но мечъ. Лермонтовъ. Гоголь. Стр. 334.

Т. XI. Грядущій Хамъ. Чеховъ и Горькій. Теперь или никогда. Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—Св. Софія.—О новомъ религіозномъ дѣйствіи.—Пророкъ русской революціи.—Стр. 224.

Т. XII. Больная Россія. — Въ тихомъ омутѣ. Стр. 358.

Т. XIII. Вѣчные спутники. Стр. 362.

Т. XIV. Трагедіи: Эсхилъ. Скованный Прометей. — Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Антигона.—Эврипидъ. Медея. Ипполитъ. Стр. 389.

Т. XV. Біографическій очеркъ М. Лятскаго. Стихотворенія. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы.

Т. XVI и XVII. Александръ I. Изд. 2-е и 3-е—1912—1913.

1913.

«Русское Слово» . . . . . № 9. (11 января). Не соленая соль. (Статья).

№ 59. (12 марта). О черныхъ колодцахъ. (Статья).

№ 65. (19 марта.) Автобіографическая замѣтка.

№ 87. (14 апрѣля). На пути въ Эммаусъ. (Статья).

№ 144. Гёте. (Статья).

№ 125. (1 іюня). В. Розановъ. (Статья).

№ 183. (9 августа). Некрасовъ. (Статья).

№ 196. (25 августа). Осеннее - весеннее (Стихотвореніе).

«Русское Слово»	№ 226. (20 сентября). Св. Елена. (Статья).
	№ 238. (2 октября). Маленькія мысли. (Отрывки).
	№ 253. (2 ноября). Трагедія совѣсти. (Статья).
	№ 286. (12 декабря). Горкій и Достоевскій. (Статья).
	№ 297. Не Джіокондѣ. (Стихотвореніе).

Хронологическій указатель литературы о произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго.

Книги.

1889.

Говоровъ. Современные поэты. Критическіе этюды. Спб.

1893.

Скабичевскій, А. Исторія новѣйшей литературы.

1895.

« Сочиненія. Т. II.

1896.

Венгеровъ, С. Энциклопедическій словарь. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ.
Волынскій, А. Русскіе критики. Спб.

1897.

Михайловскій, Н. Собраніе сочиненій. Т. II.

1900.

Волынскій, А. Борьба за идеализмъ. Спб.
Глинскій, Б. Очерки русскаго прогресса. «Болѣзнь или реклама». Спб.
Сумцовъ, Н. проф. О Леонардо да-Винчи. Харьковъ.

1901.

Галлерея русскихъ писателей. Редакція И. Игнатова. Изд. Скирмунта. Москва.

1903.

Коробка, Н. Очерки литературныхъ настроеній. Спб.

1904.

Аничковъ, Е. Литературные образы и мнѣнія. Спб.
Амфитеатровъ, А. Литературный альбомъ. Спб.
Волынскій, А. Книга великаго гнѣва. Спб.
Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Изд. II. Спб.
Якубовичъ-Гриневичъ. Очерки русской поэзіи. Спб.

1905.

Михайловскій, Н. Послѣднія сочиненія, т. I и II.
Литературн. воспоминанія и современная смута. Т. I.
Шестовъ, Л. Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб.

1906.

Венгеровъ, С. Энциклопедическій словарь. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. II-ой дополнительный томъ.

1907.

Бердяевъ, Н. Sub specie aeternitutis. Опыты философскіе, соціальные и литературные. Спб.
Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. II. Спб.
Поярковъ, Н. Поэты нашихъ дней. Спб.

1908.

Богдановичъ, А. Годы перелома.
Горнфельдъ, А. Книги и люди. Литературныя бесѣды. Спб.
Крайній, А. Литературный дневникъ. Спб.
Покровскій. Сборникъ «О вѣяніяхъ времени».
Чуковскій, К. Отъ Чехова до нашихъ дней. Спб.

1909.

Александровичъ, Ю. Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія. Т. I.
Базаровъ. Сборн. «Литературный распадъ».
» Сборн. «Вершины».

Гофманъ, М. Книга о русскихъ поэтахъ.
Минскій, Н. На общественныя темы. Абсолютная реакція. Спб. (Конфисковано).
Скабичевскій, А. Исторія новѣйшей русской литературы.

1910.

Айхенвальдъ, Ю. Отдѣльныя страницы. «Мережковскій о Лермонтовѣ».
Базаровъ, В. На два фронта. Спб.
Бердяевъ, Н. Духовный кризисъ интеллигенціи. Спб.
Бѣлый, А. Лугъ зеленый. Москва.
» » Арабески. Москва.
Измайловъ, А. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Москва.
Коганъ, П. Очерки новѣйшей русской литературы. Т. III. Выпускъ III-й. Москва.
Плехановъ, Г. Отъ обороны къ нападенію. «О такъ называемыхъ религіозныхъ искаціяхъ»
Франкъ, С. Философія и жизнь.
Щеглова, Л. Мережковскій. Спб.

1911.

Боцяновскій, В. Богоискатели. «Вольный Синодъ». Спб.
Венгеровъ, С. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. II-е изд. съ прибавл. этюда: «Побѣдители или побѣжденные». Спб.
Венгеровъ, С. Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ русской литературы. Спб.
Грифцовъ, Б. Три мыслителя. Москва.
Лятскій, М. Д. С. Мережковскій. Критико-біографическій очеркъ въ собраніи сочиненій изд. т-ва М. О. Вольфъ.
Ивановъ-Разумникъ. Творчество и критика. «Мертвое мастерство». Спб.
Струве, П. Patriotica. Спб.

1912

Брюсовъ, В. Далекіе и близкіе. Москва
Невѣдомскій, М. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Гранатъ. Т. IX.
Чеховъ, А. Письма. Изд. М. П. Чеховой. Т. II-ой. Стр. 206—208.

1913.

Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. XIX.
Гуревичъ, Л. Ежегодникъ газ. «Рѣчь». Художествен. литература. Спб.
Закржевскій, А. Религія. Кіевъ.
Измайловъ, А. Пестрыя знамена.

1914.

Лундбергъ, Е. Мережковскій и его новое христіанство.

Журнальныя и газетныя статьи.

1888.

Миллеръ, О. Наши современные поэты.—«Русская мысль», № 1.

1892.

«Символы». «Сѣверный Вѣстникъ» № 4.

1893.

Волынскій, А. Литературныя замѣтки.—«Сѣверный Вѣстникъ», № 3.
Горнфельдъ, А. Критика и лирика.—«Русское Богатство», № 3.
Михайловскій, Н. Русское отраженіе французскаго символизма.—«Русское Богатство», № 2.

1895.

Энгельгардтъ, Н. Поклоненіе злу.—«Недѣля», № 12.
Рецензія на романъ «Отверженный».—«Русское Богатство», № 11.

1896.

Волынскій, А. «Сѣверный Вѣстникъ» № 3. (Отзывъ о стихотвор.).
Оболенскій, Л. Влеченіе къ древности.—«Недѣля», № 10.

1897.

Горнфельдъ, А. Критика и лирика.—«Русское Богатство», № 3.
Гриневичъ-Якубовичъ. Обзоръ нашей современной поэзіи.—«Русское Богатство», № 9.
Морозовъ. По поводу одной книги.—«Образованіе», № 2.
Никольскій, Б.—«Историческій Вѣстникъ», № 11. (Отзывъ о «Вѣчныхъ спутникахъ»).
Спасовичъ, В. Мережковскій и его «Вѣчные стутники».—«Вѣстникъ Европы», № 6.

1899.

Библіофилъ. Д. С. Мережковскій.—«Міръ Искусства», № 1.
Михайловскій, Н. Идейная сторона романа «Воскресшіе боги».—«Русское Богатство», № 4.

Соловьевъ, Вл. Особое чествованіе Пушкина.—«Вѣстникъ Европы», № 7.

Противъ исполнительнаго листа.—«Вѣстникъ Европы», № 10.

1900.

Гриневичъ-Якубовичъ. Замѣтки читателя.—«Русское Богатство», № 4.

» » «Русское Богатство», № 9.

Розановъ, В. Письмо въ редакцію «Міръ Искусства», № 2.

1901.

Андреевскій, С.—«Міръ Искусства», № 5. (Отзывъ о стихахъ).

Арсеньевъ, К. Новая форма старой мечты.—«Вѣстникъ Европы», № 5.

Библіологъ. Трилогія о Христѣ и Антихристѣ.—«Литературный Вѣстникъ», № 8.

Богдановичъ, А.—«Міръ Божій», № 6.

» Критическія замѣтки.—«Міръ Божій», № 11.

Буренинъ, В. Цвѣты новой поэзіи.—«Новое Время», № 9149.

Венгерова, З. Русскій символизмъ въ оцѣнкѣ французской критики. «Новости», № 114.

Годлевскій, С. Письмо въ редакцію. (По поводу реферата о Толстомъ). — «Новое Время», № 8972.

Коробка, Н. Изъ жизни и литературы. Мережковскій о Толстомъ и Достоевскомъ.—«Образованіе», № 11.

Н—въ, М. Еще по поводу доклада въ философскомъ обществѣ о гр. Д. Толстомъ.—«Миссіонерское Обозрѣніе», № 4.

Розановъ, В. Серія недоразумѣній.—«Новое Время», № 8970.

Сементковскій, Р. Христосъ, Антихристъ и г. Мережковскій.—«Литературныя Приложенія къ «Нивѣ», № 5.

Сигма. Опытъ мистической критики.—«Новое Время», № 9050.

Сѣверовъ.—«Новости», № 120. (Отзывъ о книгѣ «Толстой и Достоевскій»).

Фаресовъ, А. Трагизмъ Шиллера.—«Историческій Вѣстникъ», № 4.

Шестовъ, Л. Книга Мережковскаго «Л. Толстой и Достоевскій»—«Міръ Искусства», № 8—9.

«Литературный Вѣстникъ», № 1, 2 и 3.

Рецензія на книгу «Толстой и Достоевскій», — «Русское Богатство», № 5.

«Гр. Л. Н. Толстой передъ судомъ Мережковскаго». — «Закаспійское Обозрѣніе», № 64.

«Со скрижалей сердца». (По поводу реферата о Толстомъ»).—«Миссіонерское Обозрѣніе», № 2.

«Новости», №№ 137 и 139. (Замѣтки по поводу письма Мережковскаго).

«Россія», № 643. (Пренія по поводу реферата о Л. Толстомъ).

«Литературный Вѣстникъ», № 1. (Обзоръ французской литературы о романѣ «Юліанъ Отступникъ»).
«Литературный Вѣстникъ», № 2. (Изложеніе доклада «Отношеніе Л. Н. Толстого къ христіанству»).
«Литературный Вѣстникъ», № 3. (Изложеніе статьи Вызевы въ «Revue des deux Mondes» о Мережковскомъ).

1902.

Богдановичъ, А. Критическія замѣтки.—«Міръ Божій», № 3.
Бѣляевъ, Ю. Постановка «Ипполита».—«Новое Время», № 9561.
Лидинъ, Н. Чѣмъ мы интересуемся.—«Петербургская Газета», 8 декабря.
Михайловскій, Н. Литература и жизнь. Нѣсколько словъ о г. Мережковскомъ и Л. Н. Толстомъ. — «Русское Богатство», № 8.
» Литература и жизнь. О г. Мережковскомъ.—«Русское Богатство», № 9.
» Литература и жизнь. О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ.—«Русское Богатство», № 10.
Розановъ, В. «Любовь сильнѣе смерти». (Отзывъ). — «Историческій Вѣстникъ», № 3.
» «Ипполитъ» Эврипида на Александринской сценѣ.—«Міръ Искусства», № 9—10.
Соловьевъ (Мирскій). Текущая литература. — «Журналъ для всѣхъ», № 2.
Философовъ, Д. Театральныя замѣтки.—«Міръ Искусства», № 9—10.
Шестаковъ, Д. «Смерть боговъ», — «Міръ Искусства», № 1.
» М. Горькій и Д. Мережковскій въ Италіи.—«Литературный Вѣстникъ», № 2.

1903.

Бартеневъ, В.— «Новый Путь», № 9.
Михайловскій, Н. Литература и жизнь.—«Русское Богатство», № 1.
» » » «Русское Богатство», № 10.
Надсонъ, С. Два письма Мережковскому.—«Новый Путь», № 4.
Розановъ, В. Замѣтка о Мережковскомъ.—«Міръ Искусства», № 2.
» Среди иноязычныхъ.—«Міръ Искусства», № 7—8.
» «Новый Путь», № 10.
Романскій, Т. Знающіе.—«Новый Путь», № 10.
Смирновъ, А. О собраніи сочиненій Мережковскаго.—«Міръ Искусства», № 15.
Терещенковъ, С. Проповѣдникъ конца.—«Русская Мысль», № 3.
Шестовъ, Л. Власть идей.—«Міръ Искусства», № 1—2.

Отрывокъ изъ письма студента - естественника по поводу книги «Л. Толстой и Достоевскій». — «Новый Путь», № 1.
По поводу реферата «Гоголь и о. Матвѣй»,—«Новый Путь», № 5.
По поводу писемъ Надсона.—«Новый Путь», № 4.
«Судьба Гоголя».—«Новый Путь», № 1.
«Л. Толстой и русская церковь». (Отзывъ).—«Новый Путь», № 2.

1904.

Бартеневъ, П. Неудачное объясненіе.—«Новый Путь», № 7.
Богдановичъ, А. Критическія замѣтки.—«Міръ Божій», № 3.
Брюсовъ, В. Европейская литература 1904 г. I. Россія.—«Вѣсы» № 9.
Крайній, Антонъ. Влюбленность. — «Новый Путь», № 3.
Шестаковъ, Д. Тихія мгновенія. — «Міръ Искусства», № 4.
«Петръ и Алексѣй». (Отзывъ). — «Вѣсы» № 1 и 3.

1905.

Богдановичъ, А. Критическія замѣтки. — «Міръ Божій», № 7.
Бѣлый, А. «Вѣсы», № 6.
Маковскій, Ф. Что такое русское декадентство.—«Образованіе», № 9.

1906.

Аврелій. Вѣхи. Чортъ и Хамъ.—«Вѣсы», № 3.
Бѣлый, А. Міровая ектенія. — «Золотое Руно», № 3
Бѣлый. А. «Гоголь и чортъ»,—«Золотое Руно», № 4.
Ляцкій, Е. Среди новыхъ книгъ.—«Вѣстникъ Европы», № 4.
Сологубъ, Ѳ. «Грядущій Хамъ»,—«Золотое Руно», № 4.
Фоминъ, А. «Грядущій Хамъ».—«Историческій Вѣстникъ», № 5.
Рецензія на книгу «Гоголь и чортъ».—«Вѣсы», № 3.
Рецензія на книгу «Грядущій Хамъ».—«Русское Богатство», № 2.
Рецензія на книгу «Воскресшіе боги».—Русское «Богатство», № 12.

1907.

Бѣлый, А. Мережковскій. Силуэтъ. — «Утро Россіи», № 28.
Северакъ, Ж. Религіозно-нравственныя идеи въ произведеніяхъ Мережковскаго.—«Вѣстникъ Знанія», № 10.
Чуковскій, К. «Рѣчь», № 243.

1908.

Анненскій, И., и Холодняк, И. Переводы Мережковскаго.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», № 12.
Брюсовъ, В. «Павелъ I». — «Вѣсы», № 6.
Бѣлый, А. Трилогія. — «Вѣсы», № 1.
» «Не мечъ, но миръ». — «Вѣсы»,—№ 6.
» Символизмъ и русское искусство.—«Вѣсы», № 10.

Гершензонъ, М. Литературное обозрѣніе.—«Вѣстникъ Европы», № 7.
Гиппіусъ, З. Открытому слуху.—«Правда Жизни», № 4.
Кадминъ. «Образованіе», № 4.
Кранихфельдъ, Вл. Маковъ цвѣтъ. — «Современный Міръ», № 1.
Лурье, С. Религіозныя исканія въ современной литературѣ.—«Русская Мысль», № 10.
Минскій, Н. Леонидъ Андреевъ и Мережковскій.—«Наша Газета», № 1.
Невѣдомскій, М. О «навьихъ» чарахъ и «навьихъ» тропахъ.—«Современный Міръ», № 2.
» Въ защиту художества.—«Современный Міръ», № 3.
Петрищевъ, А. Случайныя замѣтки.—«Русское Богатство», № 6.
Потресовъ, С. Поэтъ и толпа. — «Русское Слово», № 277.
Струве, П. «Рѣчь», № 7.

1909.

Герцыкъ, Е. Богоискательство въ тихомъ омутѣ.—«Золотое Руно», № 2—3.
Кранихфельдъ, Вл. Новые наслѣдники «переписки» Гоголя.—«Современный Міръ», № 8.
Невѣдомскій, М. Модернистское похмелье. Сборникъ «Вершины». Спб.
Потресовъ, А. «Тихій омутъ» или демоническое болото.—Обзоръ русскихъ журналовъ. — «Вѣсы», № 5.
Скабичевскій, А. Исторія новѣйшей русской литературы. Изд. 7-е.
Струве, П. Борьба за вѣру и борьба за догматъ.—«Русск. Мысль», № 1.
» На разныя темы.—«Русская Мысль», № 5.
Философовъ, Д. «Гоголь и чортъ».—«Русская Мысль», № 4.
Чуковскій, К. Замѣтки читателя. Мережковскій и Лермонтовъ.—«Рѣчь», № 24.
Эллисъ. О современномъ символизмѣ. О «дѣйствѣ» и о «чортѣ». — «Вѣсы», № 1.

1910.

Брюсовъ, В. «Русская Мысль», № 12. (Отзывъ о стихахъ).
Бѣлый, А. Лугъ зеленый. Москва.
» Арабески. Москва.
Львовъ-Рогачевскій, В. Быть или не быть русскому символизму. — «Современный Міръ», № 10.
Рецензія на книгу «Больная Россія». — «Русское Богатство», № 3.

1911.

Блокъ, А. «Рѣчь», № 2 (Отзывъ о стихахъ).
Брюсовъ, В. «Русская Мысль», № 3. (Отзывъ о стихахъ).
Буренинъ, В. «Новое Время», октябрь.

Гофманъ, В. «Новая Жизнь», № 4.

Игнатовъ, И. «Русскія Вѣдомости», октябрь.

Кранихфельдъ, Вл. Литературные отклики. Легенда о кольцѣ Пушкина. — «Современный Міръ», № 1.

Н. Л. — «Вѣстникъ Европы», № 6. (Отзывъ о первыхъ шести томахъ собранія сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфа).

Рецензія на книгу «Больная Россія», — «Историческій Вѣстникъ», № 6.

Рецензія о первыхъ шести томахъ собранія сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. — «Новый журналъ для всѣхъ».

1912.

Абрамовичъ, М. Послѣдній романъ Мережковскаго. — «Новая Жизнь», № 3.

Аничковъ, Е. Бѣлые павлины нашей скуки.—«Новая Жизнь», № 7.

Войтоловскій, Л. «Кіевская Мысль», № 178.

Малахіева-Мировичъ, В. О смерти въ современной поэзіи.—«Завѣты», № 10.

Чеботаревская, Ан. Полное собраніе сочиненій Мережковскаго.—«Новая Жизнь», № 12.

Рецензія о XIII—XV томахъ. «Собранія сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ».—«Русское Слово», № 110.

«Вѣчные спутники». (Отзывъ).—«Русская Мысль», № 8.

1913.

Анчаръ. «Александръ I».—«Биржевыя Вѣдомости», № 13435.

Арзубьевъ, П. «Александръ I».—«Русская Молва», № 81.

Бурнакинъ, А. —«Новое Время»,

Войтоловскій, Л. «Александръ I».—«Кіевская Мысль», № 81.

Ивановъ-Разумникъ. Клопиныя шкурки.—«Завѣты», № 2 и 10.

Измайлова, А. «Александръ I».—«Биржевыя Вѣдомости», № 13339.

Корниловъ, А. Историч. романъ Д. Мережковскаго «Александръ I».—«Современникъ», № 2.

Лернеръ, Н. Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ.—«Сѣверныя Записки», № 2.

Ожиговъ, А. «Александръ I».—«Современное Слово», № 1853.

Н. П. «Александръ I».—«Вятская Рѣчь», № 94.

Сандро. Замѣтки читателя. «Русская Молва», № 109.

Садовской, Б. Оклеветанныя тѣни.—«Сѣверныя Записки», № 1.

Чудовскій, В. «Русская Мысль» и романы Брюсова, Гиппіусъ и Мережковскаго.—«Аполлонъ», № 2.

» Докладъ Мережковскаго о Толстомъ.—«Аполлонъ», № 5.

» О Мережковскомъ, Некрасовѣ и о политикѣ въ искусствѣ.—«Аполлонъ», № 7.

Рецензія о XV—XVII томахъ «Собранія сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ».— «Сѣверныя Записки», № 2.

Рецензія о XV—XVII томахъ «Собранія сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ».— «Историческій Вѣстникъ», № 4.

«Александръ I».—«Извѣстія Одесскаго библіографическаго Общества»

1914.

Брюсовъ, В. Разгадка или ошибка.—«Русская Мысль», № 3.

Гиппіусъ, З. «Русская Мысль», № 4 и 5.

Муравьевъ, В. Невѣдомая Россія.—«Русская Мысль», № 1.

Струве, П. Почему застоялась наша духовная жизнь? — «Русская Мысль», № 3.

» Религія и общественность.—«Русская Мысль», № 5.

Символисты о символистахъ.—«Завѣты», № 2.

Алфавитный указатель произведеній Д. С. Мережковскаго.

	Томъ.	Стр.
Автобіографическая замѣтка	XXIV	105
«Addio Napoli»	XXIII	171
Акрополь	XVII	7
Александръ I	VI	153
»	VII—VIII	5
Аллахъ и Демонъ	XXII	127
Альбатросъ	XXII	154
Амаліи	XXIV	76
Антигона. Софокла	XXI	3
Антихристъ (Петръ и Алексѣй)	IV—V	
Аракчеевъ и Фотій	XV	110
Ариванза	XXII	92
Асфодели и ромашка.	XVI	40
Блаженъ, кто цѣль избралъ	XXII	16
Богъ	XXIII	9
Больной	XXII	56
Больная Россія	XV	
Борьба за догматъ	XV	102
Будда	XXII	119
Будущій Римъ	XXIII	160
Бѣлая ночь	XXII	39
Бѣсъ или Богъ	XVI	104
Везувій	XXIII	167
Веселыя думы	XXII	194
Весеннее чувство	XXII	182
Весна	XXII	57
Весь этотъ жалкій міръ.	XXII	63
Вечеръ	XXII	67
Возвращеніе къ природѣ. (Драматическая сказка)	XXIII	201
Возвращеніе	XXIII	172
Волны	XXIII	157
Воля	XXII	52
Воронъ. (Поэма Эдгара Поэ)	XXIII	266
Воскресшіе боги (Леонардо да - Винчи).	II—III	
Восточный миѳъ	XXII	26
Всѣ грезы юности	XXII	9
Въ Альпахъ	XXII	71
Въ борьбѣ на жизнь и смерть	XXII	9
Въ лѣсу	XXII	36
Въ обезьяньихъ лапахъ.	XVI	5
Въ поляхъ	XXII	79
Въ путь, скорѣе въ далекій, невѣдомый путь	XXII	69
Въ сіяньи блѣдныхъ звѣздъ	XXII	75
Въ сумерки	XXII	85
Въ темныхъ росистыхъ вѣтвяхъ	XXII	25
Въ тихомъ омутѣ	XVI	
Въ царствѣ солнца и розъ	XXII	156
Въ этотъ вечеръ горячій, нѣмой	XXII	75

	Томъ.	Стр.
Вѣра. (Повѣсть въ стихахъ)	XXIII	81
Вѣчные спутники.	XVII—XVIII	
Герой, пѣвецъ	XXII	6
Гимнъ красотѣ	XXIII	183
Гёте	XVII	136
Гоголь	XV	187
Головка виснетъ	XV	60
Голубка моя	XXII	95
Голубое небо	XXII	172
Гончаровъ	XVIII	33
Грядущій Хамъ	XIV	5
Давно ль желанный міръ	XXII	89
Даль	XXII	73
Да не будетъ	XXIV	82
Дафнисъ и Хлоя. (Повѣсть Лонгуса)	XIX	199
Двойная бездна	XXII	190
Двѣ пѣсни шута	XXII	180
De Profundis	XXII	176
Дома и призраки людей.	XXII	32
Донъ-Кихотъ	XXII	122
Достоевскій	XVIII	5
Душа Сахара	XV	141
Дѣти	XXII	41
Дѣтямъ	XXII	160
Дѣти ночи	XXII	171
Дѣтское сердце	XXII	192
Елизавета Алексѣевна.	XV	122
Если розы тихо осыпаются	XXII	82
Еще о «Великой Россіи	XVI	57
Желтолицые позитивисты	XIV	40
Желѣзное кольцо. (Новелла XV в.)	XIX	38
Жертва	XXII	124
Задумчивый сентябрь.	XXII	74
Затихшихъ волнъ	XXIV	77
Здѣсь въ тепломъ воздухѣ	XXII	78
Земля во рту	XV	167
Зимніе цвѣты	XXII	51
Зимнія радуги	XV	5
Зимній вечеръ	XXII	46
Ибсенъ	XVII	205
Иванычъ и Глѣбъ	XV	32
И вновь, какъ въ первый день	XXII	49
И вотъ опять проносятся, играя	XXII	77
Изгнанники	XXII	171
Издатели.	XVIII	187
Изображенія на щитѣ Ахиллеса	XXII	157
Изслѣдованія. Л. Толстой и Достоевскій.	IX—XII	
Изъ А. Мюссэ	XXII	93
Изъ Горація.	XXII	149
Имогена	XXIII	180
Ипполитъ. Эврипида	XXI	129
Искушеніе	XXII	158
И снилось мнѣ: заря туманная	XXIV	82
Изреченія китайской мудрости	XXIV	83
Итальянскія новеллы	XIX	
И хочу, но не въ силахъ.	XXII	11
Ищи во мнѣ не радости мгновенной	XXII	90
Іовъ	XXII	132
Іюльскимъ вечеромъ	XXII	21
Какъ лѣтней засухой	XXII	18
Какъ отъ рожденія слѣпой	XXII	34
Какъ странникъ	XXII	33
Кальдеронъ	XVII	80
Капри	XXIII	165
Когда безмолвныя свѣтила	XXII	20
Когда воскреснетъ	XV	179
Когда вступалъ я въ жизнь	XXII	58
Кой-гдѣ листы	XXII	25
Колизей	XXIII	161

	Томъ.	Стр.
Конецъ вѣка. (Очерки современнаго Парижа).	XXIII	253
Конь блѣдный	XV	15
Кораллы	XXII	7
Красная Шапочка	XVI	50
Краткая пѣсня	XXII	40
Кроткій вечеръ тихо угасаетъ	XXII	74
Къ смерти	XXII	22
Къ соблазну малыхъ сихъ	XV	84
Ласковый вечеръ	XXII	74
Левъ Толстой и революція	XVI	151
Левъ Толстой и Церковь	XVI	144
Легенда изъ Т. Тассо	XXII	167
Легенды и поэмы	XXII	97
Леда	XXII	131
Леонардо да-Винчи	XXII	140
Леонардо да-Винчи (Воскресшіе боги)	II—III	
Лермонтовъ, М. Ю.	XVI	157
Лирика. Эскизы	XXII	147
Лѣтнія душныя ночи	XXII	23
Любить народъ	XXII	12
Любовь — вражда	XXII	173
Любовь къ народу: Кольцовъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій, Н. К. Михайловскій, Короленко.	XVIII	231
Любовь сильнѣе смерти	XIX	5
Майковъ	XVIII	69
Маркъ Аврелій	XVII	25
Маркъ Аврелій	XXIII	162
Мартъ	XXII	183
Мать	XXII	186
Эврипидъ. Медея	XXI	65
Мелкая пресса.	XVIII	187
Меня ты, мой другъ, пожалѣла	XXII	84
Мечъ	XIII	5
Микель-Анжело	XXII	141
Микель-Анжело	XIX	113
Мистическіе хулиганы.	XVI	113
Молитва о крыльяхъ	XXII	193
Молитва природы	XXII	81
Молчаніе	XXII	173
Монахъ	XXIII	178
Монтань.	XXII	154
Morituri	XXII	170
Мы въ одной долинѣ	XXII	31
Мы идемъ по цвѣтущей дорогѣ	XXII	84
На Волгѣ	XXII	80
На высотѣ	XXII	71
На дачѣ	XXII	157
Надъ нѣмымъ пространствомъ	XXII	21
На озерѣ Комо	XXII	187
Напрасно я хотѣлъ	XXII	12
На распутьи	XXII	8
На птичьемъ рынкѣ	XXII	64
Настроеніе публики.—Порча языка.—Мелкая пресса.—Система гонораровъ.—Издатели.—Редакторы	XVIII	187
На Тарпейской скалѣ.	XXII	169
Начало новаго идеализма въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и Л. Толстого	XVIII	211
Наука любви	XIX	24
На южномъ берегу Крыма	XXIII	174
Небо и море	XXIII	175
Не-Джіокондѣ.	XXIV	81
Не думала ль ты	XXII	88
Не миръ, но мечъ	XIII	
Не надо звуковъ	XXII	48
Неуловимое	XXII	38
Нирвана	XXII	182

	Томъ.	Стр.
Ночная пѣсня странника.	XXIV	79
Нѣмой пророкъ . . .	XVI	122
Нѣтъ, ей не жить на этомъ свѣтѣ . . .	XXII	36
Ноябрь	XXII	183
О, дайте мнѣ забыть туманы и метели . . .	XXII	69
Одиночество въ любви.	XXII	174
Одиночество	XXIII	156
О, дитя, живое сердце	XXII	87
О, если бы душа полна была любовью . .	XXII	191
О, жизнь, смотри . .	XXII	65
О новомъ религіозномъ дѣйствіи. (Открытое письмо Н. А. Бердяеву)	XIV	166
Онъ про любовь ей говорилъ	XXIII	158
Онъ сидѣлъ на гранитной скалѣ	XXII	54
О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы . . .	XVIII	175
Орваси	XXII	110
Осеннее утро	XXII	15
Осенніе листья . . .	XXII	185
Осеннее-весеннее . . .	XXIV	75
Осень	XXII	94
Осенью въ лѣтнемъ саду	XXII	184
Отвѣтъ на вопросъ . .	XIII	158
Отъ книги, лампой озаренной	XXII	19
Отшельникъ и Фавнъ (Изъ Гёте)	XXIV	78
Очерки современнаго Парижа. — Конецъ вѣка	XXIII	253
Павелъ I.	VI	5
Пантеонъ.	XXIII	159
Парки.	XXII	178
Парѳенонъ.	XXII	187
Передъ грозой. . . .	XXII	50
Петръ и Алексѣй (Антихристъ). . .	IV—V	
Печальный мертвый сумракъ.	XXII	18
Пиръ.	XXII	149
Письмо къ Н. А. Бердяеву.—О новомъ религіозномъ дѣйствіи.	XIV	166
Плиній Младшій. . .	XVII	48
По дебрямъ усталый .	XXII	88
Покоя, забвенья. . .	XXII	22
Помпея.	XXIII	168
По ночамъ вѣтерокъ. .	XXII	73
Порой, какъ образъ Прометея.	XXII	10
Порой, когда мнѣ въ грудь	XXII	55
Порча языка	XVIII	187
Послѣ грозы.	XXII	78
Послѣдній святой. . .	XIII	98
Потухъ мой гнѣвъ . .	XXII	90
Пощады я молю. . .	XXII	76
Поэмы и легенды. . .	XXII	97
Поэту нашихъ дней. .	XXII	53
Поэту.	XXII	5
Поэтъ.	XXII	46
Праздникъ св. Констанція.	XXIII	166
Превращеніе. (Флорентинская новелла XV в).	XIX	85
Примѣчанія и библіографическіе указатели къ произведеніямъ Д. С. Мережковскаго, составленные О. Я. Ларинымъ, въ концѣ томовъ I, III, V, VI, VIII, XII, XV, XVI, XVIII, XIX, XXI, XXII, XXIV		

	Томъ.	Стр.
Предисловіе къ одной книгѣ.	XIII	162
Предчувствіе.	XXII	155
Признаніе.	XXII	83
Природа.	XXII	67
Природа говоритъ. . .	XXII	76
Пройдетъ немного лѣтъ.	XXII	17
Проклятіе въ любви. .	XXII	175
Пророкъ Исаія.	XXIII	154
Пророкъ русской революціи. (Къ юбилею Достоевскаго) . . .	XIV	188
Пророкъ Іеремія . . .	XXII	59
Пророчество и провокація.	XV	133
Протопопъ Аввакумъ .	XXII	99
Пустая чаша	XXII	177
Пушкинъ.	XVIII	89
Пѣвецъ.	XXII	35
Пѣсни и легенды. . .	XXIII	154
Пѣсня вакханокъ. . .	XXII	45
Пѣсня солнца. . . .	XXII	44
Пчелы.	XXII	41
Рабство любви. . . .	XXII	47
Развалины.	XXII	60
Развѣнчанный лѣсъ. .	XXII	40
Разслабленный. . . .	XXII	143
Революція и религія .	XIII	36
Редакторы	XVIII	187
Реформація или революція	XVI	83
Римъ.	XXIII	159
Родное.	XXII	49
Русская поэзія и русская культура. . .	XVIII	175
Рыцарь за прялкой. (Новелла XV в.). . . .	XIX	63
Сакья-Муни	XXII	129
Свинья матушка . . .	XV	145
Св. Софія.	XIV	152
Свѣтъ вечерній. . . .	XXII	34
Святой Сатиръ. (Флорентинская легенда. Изъ А. Франса). . .	XIX	179
Сегодня въ заговоръ. .	XXII	68
Семейная идиллія. . .	XXIII	185
Семь смиренныхъ. . .	XV	71
Сервантесъ.	XVII	101
Сердце человѣческое и сердце звѣриное. . .	XV	92
Символы.	XXIII	
Синѣетъ море слишкомъ ярко.	XXII	53
Система гонораровъ. .	XVIII	187
Скажи мнѣ, почему . .	XXII	14
Скука.	XXII	179
Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ). . . .	I	
Смерть Всеволода Гаршина.	XXII	23
Смерть Клитемнестры.	XXII	163
Смерть Надсона. . . .	XXII	153
Смерть. (Петербургская поэма)	XXIII	7
Смѣхъ боговъ.	XXIII	182
Снѣгъ.	XXII	42
Современное литературное поколѣніе . . .	XVIII	250
Современные русскіе критики.	XVIII	197
Совѣсть.	XXII	59
Солнце.	XXII	62
Сонъ.	XXII	151
Сорренто.	XXIII	165
Софоклъ: Антигона . .	XXI	3
Софоклъ: Эдипъ-Царь .	XX	53
Софоклъ: Эдипъ въ Колонѣ.	XX	129
Спокойствіе.	XXII	37
Спокойствіе.	XXII	51
Сталь.	XXII	186
Старинныя октавы. . .	XXIV	5
Старость.	XXII	179
Стихотворенія. . . .	XXII	5
Стихотворенія послѣднихъ годовъ. . . .	XXIV	73
Страшный судъ. . . .	XXII	117

	Томъ.	Стр.
Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.	XIV	145
Съ потухшимъ факеломъ.	XXII	19
Съ тобой моя печаль.	XXII	57
Сѣрый день.	XXII	38
Тамъ, въ глубинѣ задумчивой долины.	XXII	156
Темный ангелъ.	XXII	172
Теперь или никогда.	XIV	116
Термы Каракаллы.	XXIII	163
Тибуръ.	XXIII	170
Титаны.	XXII	188
Тишь и мракъ.	XXII	13
Толстой, Л., и Достоевскій. Изслѣдованіе.	IX-XII	
Томимый грустью непонятной	XXIII	182
То, чѣмъ я былъ.	XXII	48
Трагедія цѣломудрія и сладострастія.	XVII	19
Трепетныя зори.	XXII	32
Трубный гласъ.	XXII	192
Тургеневъ.	XVIII	58
Ты читала ль преданья.	XXII	85
Увы! Что сдѣлалъ жизни холодъ	XXII	50
Уголино.	XXII	107
Ужъ дышитъ оттепель.	XXII	22
У моря.	XXIII	173
Усни.	XXII	80
Успокоенныя.	XXII	185
Францискъ Ассизскій. (Легенда).	XXIII	54
Франческо Римини	XXII	91
Флоберъ.	XVII	189
Христіанскіе анархисты	XVI	75
Христіанство и государство.	XVI	94
Христіанство и кесаріанство.	XVI	136
Христосъ воскресъ.	XXII	64
Христосъ, Ангелы и Душа.(Мистерія XIII в.).	XXIII	175
Христосъ и Антихристъ.	I—V	
Хронологическій указатель литературы о произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго.	XXIV	140
Хронологическій указатель произведеній Д. С. Мережковскаго	XXIV	120
Цвѣты.	XXII	39
Цвѣты мѣщанства.	XVI	66
Часовой на посту долженъ твердо стоять.	XXII	65
Черныя сосны, на бѣлый песокъ.	XXII	72
Чеховъ и Горькій.	XIV	60
Что ты можешь.	XXII	179
Чужбина - родина.	XXIV	75
Эврипидъ: Ипполитъ.	XXI	129
Эврипидъ: Медея.	XXI	65
Эдипъ-Царь. Софокла	XX	53
Эдипъ въ Колонѣ Софокла	XX	129
Эротъ.	XXII	94
Эскизы. Лирика.	XXII	147
Эсхилъ: Скованный Прометей.	XX	9
Юбилей А. Н. Плещеева.	XXII	152
Южная ночь.	XXII	70
Я бы людямъ не могъ разсказать.	XXII	34
Я никогда такъ не былъ одинокъ.	XXII	87
Эту заповѣдь въ сердцѣ своемъ напиши.	XXII	42
Юліанъ Отступникъ (Смерть боговъ).	I	

Содержаніе полнаго собранія сочиненій Д. С. Мережковскаго.

Томъ I.

ТРИЛОГІЯ ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ. *Стр.*

I. Смерть боговъ. (Юліанъ Отступникъ).

Библіографическія примѣчанія къ роману «Смерть боговъ». Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ II.

ТРИЛОГІЯ ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ.

II. Воскресшіе боги. (Леонардо да-Винчи).

Книга I. Бѣлая дьяволица 5
» II. Ecce Deus—ecce homo. 46
» III. Ядовитые плоды. 74
» IV. Шабашъ вѣдьмъ. 106
» V. Да будетъ воля Твоя 133
» VI. Дневникъ Джіованни Бельтраффіо. 164
» VII. Сожженіе суетъ. 206
» VIII. Золотой вѣкъ. 239
» IX. Двойники 291

Томъ III.

ТРИЛОГІЯ ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ.

II. Воскресшіе боги. (Леонардо да-Винчи).

Книга X. Тихія волны. 5
» XI. Будутъ крылья. 58
» XII. Или Цезарь—или ничто 92
» XIII. Багряный звѣрь 157
» XIV. Мона Лиза Джіоконда 196
» XV. Святѣйшая Инквизація 241

Стр.
Книга XVI. Леонардо, Микель-Анжело и Рафаэль 282
» XVII. Смерть.—Крылатый Предтеча . . . 316
Библіографическія примѣчанія къ роману «Воскресшіе боги». Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ IV.

ТРИЛОГІЯ ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ.

III. Антихристъ. (Петръ и Алексѣй).
Книга I. Петербургская Венера. 5
» II. Антихристъ. 50
» III. Дневникъ царевича Алексѣя . . 97
» IV. Наводненіе. 178
» V. Мерзость запустѣнія 234

Томъ V.

ТРИЛОГІЯ ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ.

III. Антихристъ. (Петръ и Алексѣй).
Книга VI. Царевичъ въ бѣгахъ 5
» VII. Петръ Великій. 70
» VIII. Оборотень. 107
» IX. Красная смерть. 149
» X. Сынъ и отецъ. 197
» XI. Христосъ Грядущій 242
Библіографическія примѣчанія къ роману «Антихристъ». Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ VI.

Павелъ I. 5
Александръ I 153
Примѣчанія къ драмѣ «Павелъ I». Составилъ *О. Я. Ларинъ*. . 277

Томъ VII.

Александръ I. (Продолженіе). 5

Томъ VIII.

Александръ I. (Продолженіе). 5
Библіографическія примѣчанія къ роману «Александръ I». Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ IX.

Изслѣдованія. — Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь и творчество.
Вступленіе III.— Часть первая: Жизнь Л. Толстого и Достоевскаго 17

Стр.

Томъ X.

Изслѣдованія. — Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь и творчество.

Часть вторая. Творчество Л. Толстого и Достоевскаго . . 5

Томъ XI.

Изслѣдованія.— Л. Толстой и Достоевскій. Религія.

Часть первая. Предисловіе 5 — Религія 39

Томъ XII.

Изслѣдованія.— Л. Толстой и Достоевскій Религія.

Часть вторая 5

Библіографическія примѣчанія къ «Л. Толстой и Достоевскій.— Изслѣдованія». Составилъ *О. Я. Ларинъ*. 273

Томъ XIII.

Не миръ, но мечъ.

Мечъ 5
Революція и религія 36
Послѣдній святой 98
Отвѣтъ на вопросъ 158
Предисловіе къ одной книгѣ 162

Томъ XIV.

Грядущій Хамъ.

Грядущій хамъ 5
Желтолицые позитивисты 40
Чеховъ и Горькій 60
Теперь или никогда 116
Страшный судъ надъ русской интеллигенціей 145
Св. Софія 152
О новомъ религіозномъ дѣйствіи. (Открытое письмо Н. А. Бердяеву) 166
Пророкъ русской революціи. (Къ юбилею Достоевскаго) 188

Томъ XV.

I. Больная Россія. *Стр.*

Зимнія радуги 5
Конь блѣдный 15
Иванычъ и Глѣбъ 32
Головка виснетъ 60
Семь смиренныхъ 71
Къ соблазну малыхъ сихъ 84
Сердце человѣческое и сердце звѣриное 92
Борьба за догматъ 102
Аракчеевъ и Фотій 110
Елизавета Алексѣевна 122
Пророчество и провокація 133
Душа Сахара 141
Свинья матушка 145
Земля во рту 167
Когда воскреснетъ 179

II. Гоголь.

I. Творчество. 187
II. Жизнь и религія 233

Библіографическія примѣчанія къ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ XIV и XV томахъ

Томъ XVI.

I. Въ тихомъ омутѣ. *Стр.*

Въ обезьяньихъ лапахъ 5
Асфодели и ромашка 40
Красная Шапочка 50
Еще о «Великой Россіи» 57
Цвѣты мѣщанства 66
Христіанскіе анархисты 75
Реформація или революція 83
Христіанство и государство 94
Бѣсъ или Богъ? 104
Мистическіе хулиганы 113
Нѣмой пророкъ 122
Христіанство и кесаріанство 136
Левъ Толстой и церковь 144
Левъ Толстой и революція 151

II. М. Ю. Лермонтовъ. (Поэтъ сверхчеловѣчества) . . 157

Библіографическія примѣчанія къ произведеніямъ этого тома. Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Стр.

Томъ XVII.

Вѣчные спутники.

Вступленіе 5
Акрополь 7
Трагедія цѣломудрія и сладострастія 19
Маркъ Аврелій. 25
Плиній Младшій 48
Кальдеронъ 80
Сервантесъ 101
Гёте 136
Монтань 154
Флоберъ 189
Ибсенъ 205

Томъ XVIII.

Вѣчные спутники.

Достоевскій 5
Гончаровъ 33
Тургеневъ 58
Майковъ 69
Пушкинъ. 89

О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы:

I. Русская поэзія и русская культура. 175
II. Настроеніе публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонораровъ. Издатели. Редакторы . 187
III. Современные русскіе критики. 197
IV. Начало новаго идеализма въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и Л. Толстого. 211
V. Любовь къ народу: Кольцовъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій, Н. К. Михайловскій, Короленко . . 231
VI. Современное литературное поколѣніе 250

Библіографическія примѣчанія къ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ XVII и XVIII томахъ. Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ XIX.

Итальянскія новеллы.

Любовь сильнѣе смерти 5
Наука любви 24
Желѣзное кольцо. (Новелла XV вѣка) 38
Рыцарь за прялкой. (Новелла XV вѣка) 63
Превращеніе. (Флорентинская новелла XV вѣка) . . . 85

Стр.

Микель-Анжело 113
Святой Сатиръ. (Флорентинская легенда. Изъ А. Франса . 179
Дафнисъ и Хлоя. (Повѣсть Лонгуса) 199
Библіографическія примѣчанія къ произведеніямъ этого тома. Составилъ *О. Я. Ларинъ*

Томъ XX.

Вмѣсто предисловія къ трагедіи Софокла «Эдипъ-Царь». . . . 5
Эсхилъ. Скованный Прометей. 9
Софоклъ. Эдипъ-Царь. 53
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. 29

Томъ XXI.

Софоклъ. Антигона. 3
Эврипидъ. Медея 65
Эврипидъ. Ипполитъ 129
Библіографическія примѣчанія къ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ XX и XXI т. т. Составилъ *О. Я. Ларинъ*.

Томъ XXII.

Стихотворенія:

I.

Поэту 5
Герой, пѣвецъ 6
Кораллы 7
На распутьи 8
Всѣ грезы юности 9
Въ борьбѣ на жизнь и смерть . . . . . —
Порой, какъ образъ Прометея 10
И хочу, но не въ силахъ любить 11
Напрасно я хотѣлъ 12
Любить народъ . . . . . —
Тишь и мракъ 13
Скажи мнѣ, почему 14
Осеннее утро 15
Блаженъ, кто цѣль избралъ 16
Пройдетъ немного лѣтъ 17
Печальный мертвый сумракъ 18
Какъ лѣтней засухой. . . . . —
Съ потухшимъ факеломъ 19
Отъ книги, лампой озаренной. . . . . —
Когда безмолвныя свѣтила. 20
Надъ нѣмымъ пространствомъ. 21
Іюльскимъ вечеромъ. . . . . —

Покоя, забвенья 22
Къ смерти . . . . . —
Ужъ дышитъ оттепель . . . . . —
Лѣтнія, душныя ночи 23
Смерть Всеволода Гаршина . . . . . —
Кой-гдѣ листы. 25
Въ темныхъ, росистыхъ вѣтвяхъ. . . . . —
Восточный міѳъ 26
Мы въ одной долинѣ 31
Дома и призраки людей 32
Трепетныя зори. . . . . —
Какъ странникъ, путь окончивъ дальній 33
Какъ отъ рожденія слѣпой 34
Я бы людямъ не могъ разсказать . . . . . —
Свѣтъ вечерній. . . . . —
Пѣвецъ. 35
Въ лѣсу 36
Нѣтъ, ей не жить на этомъ свѣтѣ . . . . . —
Спокойствіе 37
Сѣрый день 38
Неуловимое . . . . . —
Цвѣты. 39
Бѣлая ночь. . . . . —
Развѣнчанный лѣсъ 40
Краткая пѣсня. . . . . —
Пчелы. 41
Дѣти . . . . . —
Эту заповѣдь въ сердцѣ своемъ напиши 42
Снѣгъ . . . . . —
Пѣсня солнца 44
Пѣсня вакханокъ. 45
Поэтъ 46
Зимній вечеръ . . . . . —
Рабство любви 47
То, чѣмъ я былъ 48
Не надо звуковъ . . . . . —
И вновь, какъ въ первый день созданья 49
Родное . . . . . —
Увы! Что сдѣлалъ жизни холодъ. 50
Передъ грозой . . . . . —
Зимніе цвѣты 51
Спокойствіе . . . . . —
Воля 52
Синѣетъ море слишкомъ ярко 53

Поэту нашихъ дней 53
Онъ сидѣлъ на гранитной скалѣ 54
Порой, когда мнѣ въ грудь отчаянье тѣснится 55
Больной 56
Съ тобой, моя печаль 57
Весна . . . . . —
Когда вступалъ я въ жизнь 58
Совѣсть 59
Пророкъ Іеремія . . . . . —
Развалины 60
Солнце 62
Весь этотъ жалкій міръ 63
На птичьемъ рынкѣ 64
Христосъ воскресъ . . . . . —
О, жизнь, смотри: во мглѣ унылой 65
Часовой на посту долженъ твердо стоять . . . . . —

II.

Природа 67
Вечеръ. . . . . —
Сегодня въ заговоръ вступили ночь и розы 68
Въ путь, скорѣе въ далекій, невѣдомый путь 69
О, дайте мнѣ забыть туманы и метели. . . . . —
Южная ночь. 70
На высотѣ 71
Въ Альпахъ. . . . . —
Черныя сосны на бѣлый песокъ 72
По ночамъ вѣтерокъ 73
Даль . . . . . —
Ласковый вечеръ 74
Задумчивый сентябрь . . . . . —
Кроткій вечеръ тихо угасаетъ . . . . . —
Въ сіяньи блѣдныхъ звѣздъ 75
Въ этотъ вечеръ горячій, нѣмой. . . . . —
Пощады я молю 76
Природа говоритъ. . . . . —
И вотъ опять проносятся, играя. 77
Здѣсь, въ тепломъ воздухѣ 78
Послѣ грозы . . . . . —
Въ поляхъ 79
На Волгѣ 80
Усни . . . . . —
Молитва природы. 81
Если розы тихо осыпаются 82

III.

Признаніе 83
Меня ты, мой другъ, пожалѣла 84
Мы идемъ по цвѣтущей дорогѣ. . . . . —
Ты читала ль преданья. 85
Въ сумерки. . . . . —
Я никогда такъ не былъ одинокъ 87
О, дитя, живое сердце . . . . . —
По дебрямъ усталый брожу я въ тоскѣ 88
Не думала ль ты . . . . . —
Давно ль желанный миръ 89
Потухъ мой гнѣвъ 90
Ищи во мнѣ не радости мгновенной . . . . . —
Франческа Римини. 91
Ариванза. 92
Изъ А. Мюссэ 93
Эротъ 94
Осень. . . . . —
Голубка моя 95

Поэмы и легенды.

Протопопъ Аввакумъ 99
Уголино 107
Орваси. 110
Страшный судъ. 117
Будда. 119
Донъ-Кихотъ 122
Жертва. 124
Аллахъ и Демонъ. 127
Сакья-Муни. 129
Леда 131
Іовъ. 132
Леонардо да Винчи 140
Микель-Анжело 141
Разслабленный. 143

Эскизы и лирика.

Пиръ 149
Изъ Горація . . . . . —
Сонъ 151
Юбилей А. Н. Плещеева 152
Смерть Надсона 153
Альбатросъ 154
Предчувствіе 155

Стр.
Въ царствѣ солнца и розъ 156
Тамъ, въ глубинѣ задумчивой долины . . . . . —
На дачѣ 157
Изображенія на щитѣ Ахиллеса . . . . . —
Искушеніе 158
Дѣтямъ 160
Смерть Клитемнестры 163
Легенда изъ Т. Тассо 167
На Тарпейской скалѣ 169
Morituri 170
Дѣти ночи 171
Изгнанники . . . . . —
Голубое небо 172
Темный ангелъ . . . . . —
Молчаніе 173
Любовь—вражда . . . . . —
Одиночество въ любви 174
Проклятіе любви 175
De Profundis 176
Пустая чаша 177
Парки 178
Скука 179
Что ты можешь . . . . . —
Старость . . . . . —
Двѣ пѣсни шута 180
Нирвана 182
Весеннее чувство . . . . . —
Мартъ 183
Ноябрь . . . . . —
Осенью въ лѣтнемъ саду 184
Успокоенныя 185
Осенніе листья . . . . . —
Мать 186
Сталь . . . . . —
На озерѣ Комо 187
Парѳенопъ . . . . . —
Титаны 188
Двойная бездна 190
О, если бы душа полна была любовью 191
Дѣтское сердце 192
Трубный гласъ . . . . . —
Молитва о крыльяхъ 193
Веселыя думы 194

Библіографич. примѣч. къ произвед. этого тома. Сост. *О. Я. Ларинъ*.

Стр.

Томъ XXIII.

Символы.

Богъ 5
Смерть. (Петербургская поэма) 7
Францискъ Ассизскій. (Легенда) 54
Вѣра. (Повѣсть въ стихахъ) 81

Пѣсни и легенды.

Пророкъ Исаія 154
Одиночество 156
Что ты можешь . . . . . —
Волны 157
Онъ про любовь ей говорилъ... 158
Римъ 159
Пантеонъ . . . . . —
Будущій Римъ 160
Колизей 161
Маркъ Аврелій 162
Термы Каракаллы 163
Сорренто 165
Капри . . . . . —
Праздникъ св. Констанція 166
Везувій 167
Помпея 168
Тибуръ 170
«Adio Napoli» 171
Возвращеніе 172
Небо и море 173
У моря . . . . . —
На южномъ берегу Крыма 174
Христосъ, Ангелы и Душа. (Мистерія XIII в.) . . . 175
Монахъ 178
Имогена 180
Томимый грустью непонятной 182
Смѣхъ боговъ . . . . . —
Гимнъ красотѣ 183

Семейныя идиліи:

I. Вступленіе 185
II. На дачѣ подъ Москвою 186
III. Бабушка . . . . . —
IV. Тетя Надя 188
V. Крокетъ 190
VI. Буря въ стаканѣ воды 192
VII. Мама 194

Стр.
VIII. Проза любви 195
IX. Отъѣздъ съ дачи. 197
X. Читателю. 199
XI. Поэзія будничной жизни. 200
Возвращеніе къ природѣ. (Драматическая сказка). . . . 201
Конецъ вѣка. (Очерки современнаго Парижа)
I. Евангельская притча. 253
II. «Grill-d-Egout». 255
III. Ренанъ 256
IV. Новое искусство . . . . . —
V. Салонъ 1891 года. 257
VI. Liberté, Fraternité, Egalité 259
VII. Венера Милосская 260
VIII. Бульвары вечеромъ 262
IX. Петербургъ. 264
X. Родина 265
Воронъ. (Поэма Эдгара Поэ). 266

Томъ XXIV.

Старинныя октавы.
Стихотворенія послѣднихъ годовъ:
Чужбина—родина. 75
Осеннее - весеннее . . . . . —
Амаліи. 76
Затихшихъ волнъ. 77
Отшельникъ и Фавнъ. (Изъ Гёте). 78
Ночная пѣсня странника. 79
Не-Джіоконда 81
И снилось мнѣ: заря туманная 82
Да не будетъ. . . . . —
Изреченія китайской мудрости. 83
Автобіографическія замѣтки 105
Хронологическій указатель произведеній Д. С. Мережковскаго. 120
Хронологическій указатель литературы о произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго 140
Алфавитный указатель произведеній, Д. С. Мережковскаго, помѣщенныхъ въ Собраніи сочиненій изданія т-ва И. Д. Сытина . . . 151